

ИЛЛЯ ВЕТРОВ

**ЮЖНАЯ
ПАРАЛЛЕЛЬ**

60 к.

НАША РАБОТА РАВНА РАБОТЕ

ХЕРСОН

ДНЕПР

ЗАПОВЕДНИК

ОДЕССА

ГОЛАЯ ПРИСТАНЬ

ДНЕПР

ИЛЬЧИВСК

БЕЛГОРОД-ДНЕСТРОВСКИЙ

и Долгий о Крутой

Орлов
ТЕНДРОВСКАЯ КОСА

СКАДОВСК

КАРКИНИТСКИЙ ЗАЛИВ

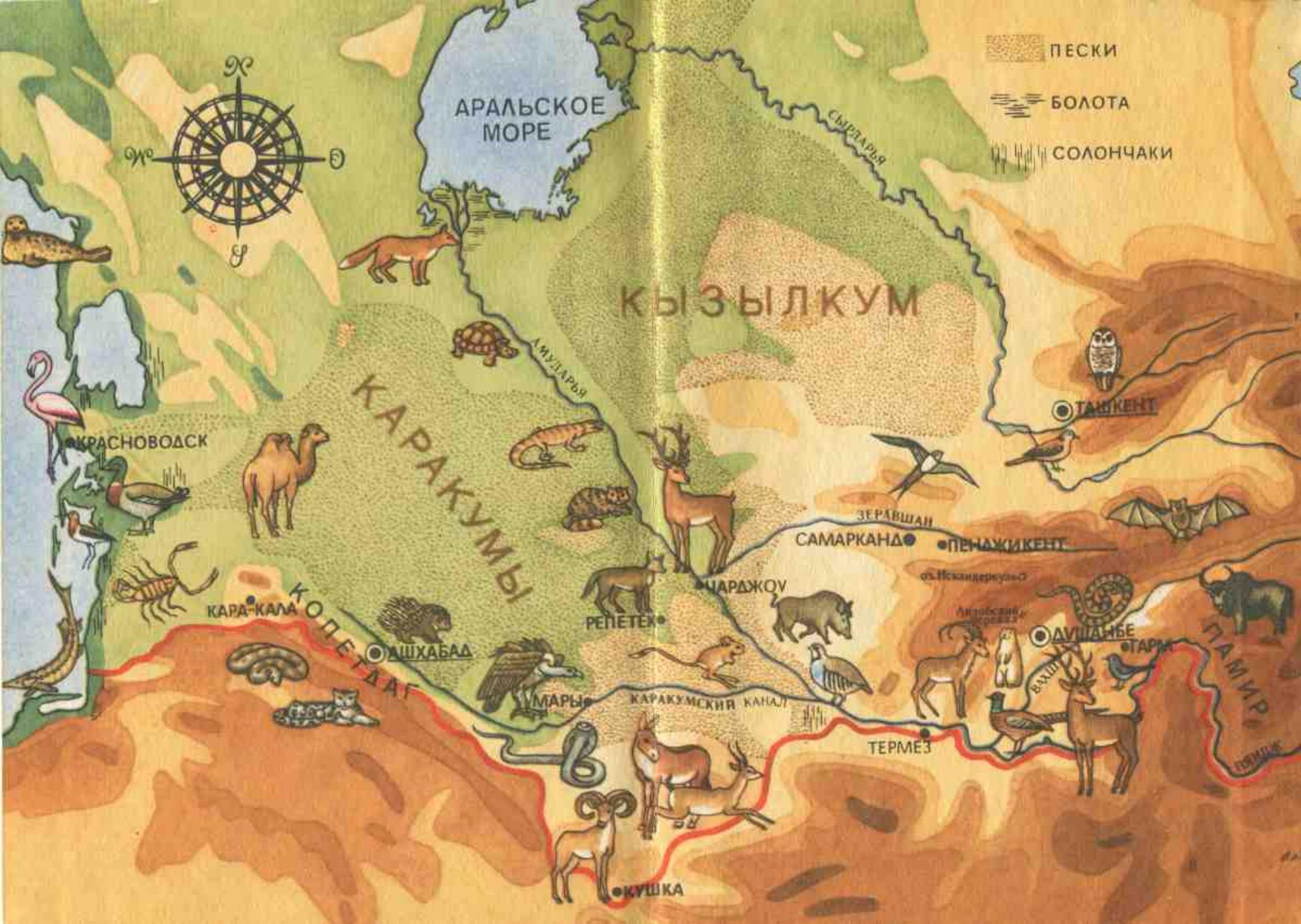
ДУНАЙ
ВИЛКОВО

ЕВПАТОРИЯ

ЧЕРНОЕ МОРЕ

СЕВАСТОПОЛЬ

- ПЕСКИ
- БОЛОТА
- СОЛОНЧАКИ

АРАЛЬСКОЕ МОРЕ

КЫЗЫЛКУМ

КАРАКУМЫ

ПАМИР

КРАСНОВОДСК

ТАШКЕНТ

САМАРКАНД

ПЕНАЖИКЕНТ

КАРА-КАЛА

АШХАБАД

ШАРДЖОУ

РЕПЕТЕК

ДУШАНБЕ

КОПЕТДАГ

УМАРЫ

КАРАКУМСКАЯ КАНАЛ

ТЕРМЕЗ

КУШКА

СЫРДАРЯ

АМУДАРЯ

ЗЕРАВШАН

оз.Искандеркул

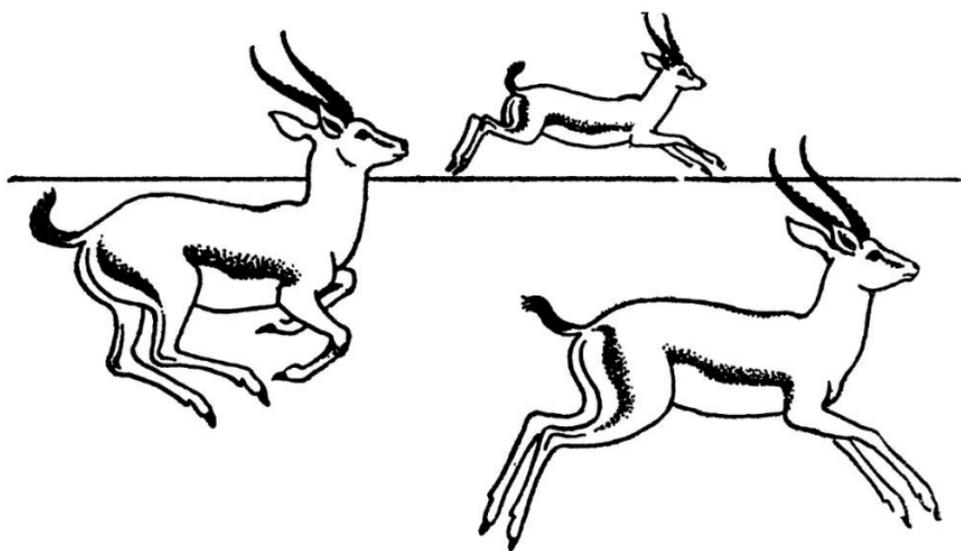
Ангренский канал

ВАШТ

ПЯНИЦА

ИЛЬЯ ЕФИМОВИЧ ВЕТРОВ

ЮЖНАЯ ПАРАЛЛЕЛЬ

ИЛЬЯ ВЕТРОВ

ЮЖНАЯ ПАРАЛЛЕЛЬ

ОЧЕРКИ

Для среднего и старшего
школьного возраста

Художник
ИРИНА КОМЯХОВА

Киев «Веселка» 1984

Эта книга — живые впечатления автора от увиденного и услышанного. Опытный путешественник, он рассказывает о своих поездках по Черному морю, Каспию, Средней Азии. Перед читателем предстает богатый и чудесный мир природы южных районов нашей Родины. Книга повествует о встречах с интересными людьми, учит бережному отношению к животному и растительному миру.

Рецензент

доктор географических наук,
профессор М. И. Щербань

Фото

Генри Левенштейна,
Ивана Хариняка
и автора книги

СЛОВО К ЧИТАТЕЛЮ

Необъятна и прекрасна наша великая Родина. Высокие горы, могучие реки, дремучие леса, бескрайние степи и созданные руками человека гигантские плотины, искусственные моря, тысячекилометровые каналы, как и всевозможные инженерные сооружения, потрясают воображение грандиозностью замыслов и величием их воплощения.

Обо всем этом можно прочитать в книгах, узнать из кинофильмов, услышать из рассказов очевидцев, но лучше всего посмотреть самому. А для этого нужно много ездить, путешествовать.

Мне кажется, каждый человек в той или иной мере томим жаждой странствий. Может быть, это неутихающий зов наших далеких предков, склонных к кочевой жизни, а может быть, и то, что еще Гомер, великий поэт Древней Греции, признавал устами Одиссея: «Ни нежность к сыну, ни перед отцом священный страх, ни долг любви спокойной близ Пенелопы с радостным челом не возмogli смирить мой голод знойный изведать мира дальний кругозор». А знаменитый географ Иван Дементьевич Черский утверждал: «Если бы люди не путешествовали, как бы они узнали о красоте дел человеческих?»

Кто из нас в юности не мечтал о путешествиях, кого не привлекал таинственный мир в произведениях Жюль Верна, романтика дальних странствий Владимира Арсеньева? Вместе с Марко Поло мы отправлялись в Тибет и Внутреннюю Монголию, с Колумбом открывали Америку, с Пири пробирались сквозь непроходимые торосы к Северному полюсу, с Миклухо-Маклаем путешествовали по джунглям Новой Гвинеи, а с Семеновым-Тянь-Шанским проникали к Небесным горам и безбрежной пустыне Такла-Макан.

Правда, в наш двадцатый стремительный век никого не удивишь путешествием в Крым или поездкой по Военно-Грузинской дороге, полетом в Самарканд или в древнюю Хиву. Но ощущение романтики странствий не утрачено и сейчас. Куда ни поедешь, в какой отдаленный уголок страны не заберешься — везде увидишь что-то новое, интересное.

Я пристрастился к путешествиям с детства. Может быть, поэтому и пошел учиться в транспортный вуз, чтобы была возможность ездить. Студентом увлекался туризмом и

альпинизмом. Дальние края влекли своей неизведанностью, а горы, пустыни, бурные реки — своей неприступностью. Хотелось померяться силами с природой, узнать, на что ты способен. К тому же восхищала ни с чем не сравнимая красота нашей земли, ее растительный и животный мир, жизнь и самоотверженный труд ее людей в самых отдаленных уголках нашей необъятной Родины.

Конечно, счастливые минуты странствий не обходятся без переживаний и трудностей. И в этом тоже есть своя прелесть. Иногда сразу после поездки, туристского похода или альпинистского восхождения натерпишься столько, что, кажется, и помышлять больше не будешь ни о чем подобном, но проходит месяц-другой — и снова тянет в путь. И так — ежегодно, начиная с 1936 года, когда впервые студентом Днепропетровского института инженеров железнодорожного транспорта я попал в Приэльбрусье.

С тех пор я путешествую с рюкзаком за плечами, с блокнотом и фотоаппаратом в руках в малоизвестных и труднодоступных районах нашей страны, участвую в дальних походах, научных экспедициях и спортивных восхождениях. Седые вершины Кавказа, солнечные полонины Карпат с нежным шелестом луговых трав, мрак скалистых ущелий Бадахшана со звонким напевом белых от пены потоков, грозный гул водопадов и лазурная гладь моренных озер Алтая, безбрежные пески Каракумов, непроходимые тугаи Пайгамбара или Тигровой балки, соловьиные трели в лесных зарослях Рамита, птичий гомон на заповедных островах Черного и Каспийского морей запомнились до мельчайших подробностей, хотя с тех пор прошли годы.

Итогом этих поездок были очерки, рассказы, путевые записки, а теперь вот — эта книга.

Если, прочитав ее, ты, дорогой читатель, захочешь побывать в тех местах Украины, Туркмении, Таджикистана и Узбекистана, куда я совершил путешествия за последние семь-восемь лет, если ты почерпнешь в них что-то интересное и полезное для себя и еще больше познаешь нашу Родину не только умом, но и сердцем, автор этих строк будет чувствовать себя счастливым.

КОРОЛЕВСТВО ЧЕРНОГОЛОВЫХ ЧАЕК

Ягорлыцкий кут. Рыбы подают «голос»,
Загадки топонимики. Впереди — земля. Незаменимые помощники.
Трое на необитаемом острове. Главный орнитолог.
За камышами — мустанги!

Я смотрел на море. Оно было синее и огромное. Корабли у горизонта казались игрушечными. Я смотрел и думал:

«Придет «Чибис» или нет?»

«Чибис» — это моторный баркас, который должен переправить нас из Ягорлыцкого кута, одного из песчаных выступов Кинбурнской косы под Очаковым, к заповедным островам.

В полдень, когда я уже потерял надежду дождаться «Чибиса», на горизонте показалась черная точка. Она росла, ширилась и вскоре превратилась в гремящий мотором баркас.

Погрузив вместе с егерем Михаилом Васильевичем Яцкевичем продукты и бидон с пресной водой, мы отправились в путь.

Плыли по неглубокому Тендровскому заливу. Вверху только небо, а за бортом тихая гладь залива с прожилками песчаных отмелей. Его не бороздят пароходы, катера или рыбацкие сейнеры. Но и здесь, на мелководе, бурлит жизнь. Морской еж, потанцевав с минутку на коротком хвосте, открыл свою большую пасть и плюхнулся в воду. Словно на стайерской дистанции, торпедой пронеслась стайка пеламид и тут же исчезла в прозрачной черноте. Не прошло и минуты, как блеснула серебристой чешуей ставрида с острым гребнем по бокам, а за ней еще какая-то рыбка с синевой на спине.

Мне даже показалось, что рыбы не только сверкают нарядной чешуей, но и разговаривают, даже визжат на плаву.

— Не визжат,— заметил с улыбкой егерь, словно угадав мое недоумение,— а, скорее всего, свистят, скрипят, кудахчут и даже отбивают барабанную дробь.

— Барабанную дробь?! Как? Чем?

— Кто чем может. Брюшными органами, трением жабр, на которых есть покрытые шипами места. Этим самым и дают знать о корме, который находят, об опасности, которая им угрожает.

— Так что, Михаил Васильевич, по-видимому, поговорка «нем, как рыба» теряет свой смысл...

Плывем дальше. В поисках пищи несутся в разные стороны бычки.

И тут что-то темное, распластанное промелькнуло на песчаном дне.

— Морской кот!— кричит над ухом мой спутник.

У этого хищника — длинный-предлинный хвост с одним или двумя острыми шипами.

— При опасности бьет хвостом. Бьет сильно, чтобы вонзить в своего врага колючий шип. И если вспомнить, что шип этот еще и ядовит, то лучше с хвостоколом не встречаться...

Егерю Яцкевичу не больше тридцати, но производит он впечатление человека бывалого и многоопытного. Должно быть, потому, что он и в самом деле много знает о море и рыбах. Вырос Михаил на Полесье, в семье лесника, и многое перенял от отца, особенно его трогательное отношение к природе. По окончании школы Михаил хотел поступить в лесной техникум, но не прошел по конкурсу. Тогда пошел работать в лесничество, а оттуда его забрали в армию — в морскую пехоту. После демобилизации Михаилу предлагали работать в совхозе, а потом и на шахте. Но он за свое: мол, буду охранять природу если не в лесу, то на море. В то время Михаил узнал, что Черноморскому заповеднику требуется егерь.

Товарищи отговаривали:

— Куда ты, ведь Тендра — это же самый отдаленный участок.

— Ничего, все равно поеду — хоть и на Тендру.

До Тендры добирался трое суток — в дождь, в грозу, штормовую погоду. Потом началась работа на заповедных островах. С утра до ночи на ногах. И так изо дня в день. Неспешным шагом по заповедной земле, по морским заливам, протокам и самому Черному морю он отмерял десятки километров только для того, чтобы сделать несколько записей в книге наблюдений:

«...Ветер юго-западный, умеренный. В типчаковой степи видел самца крачки с рыбой в клюве. В зарослях тростника — малую выпь, индийскую камышовку, у артезианского колодца — длинноносого крохалея, на Тендровской косе — пролетного бекаса...»

Дел у егеря всегда много, но особенно в весенние и осенние дни, когда в полном разгаре пролет птиц и наступает период кольцевания. И все это происходит на всем протяжении от самого Ягорлыцкого кута и островов Бабин, Смаленый до Тендры. Всюду надо успеть, все досмотреть, уберечь от волков, енотов, хищных птиц, да еще и от охотников-браконьеров.

Именно с браконьерами Михаил «на ножах». На их совести обеднение нашей фауны: заметно поубавились звери и птицы. В некоторое утешение зайцу меньше стало его извечной «приятельницы» лисицы. Как справедливо заметил в одной из телепередач «В мире животных» ведущий Василий Песков, поредела выдра, рябчик, тетерев. Спасаясь от браконьера, прячется в городских парках и скверах белка. Начисто исчезли серая куропатка, дрофа. Бывшие некогда обычными охотничьими трофеями, стрепет и выхухоль переключались в кроссворды как слова, наиболее трудные для отгадывания.

Конечно, не в одних охотниках дело. Есть и другие причины: ну, хотя бы химия, которая не только творит чудеса... Одно ясно: нужно беречь природу, помогать ей, ну, хотя бы так, как это делал дедушка Мазай, спасая в половодье бедных зайчат, понимая, что человек должен помогать в беде всему живому.

Этими заветами и живет егерь Яцкевич: чем только может, он помогает природе. Ведь пост-то у него ответственный. Помню, я как-то спозарану вышел на песчаную косу, чтобы ночное море поглядеть, а Михаил, оказывается, уже давно у моря.

— Что вы так рано на ногах? — спрашиваю.

— Служба.

А когда я поближе узнал Михаила, то понял, что именно такие люди, как он, стоят на страже всего живого, охраняют и лечат зверей и птиц в нестерпимый зной и в дождь, в шторм и в холод, когда леденящий ветер прошибает до костей. Именно

в период резкого похолодания и случаются наибольшие беды. Трудно сказать, какая участь ждала бы обессилевших птиц, если бы не люди. Среди тех, кто первыми приходили на помощь птицам, были, конечно, Михаил, его жена Тамара и их семилетний Валерка — очень любознательный мальчишка.

Яцкевичи всей семьей подбирали обессилевших птиц, которм угрожала гибель от холода и бескормицы. Первое время птицы боялись людей, с криком шарахались от них. Да и корм не очень-то охотно брали из рук. Но затем обжились на егерской усадьбе. Хотя и хлопот было немало, но гусей и лебедей, всех до единого, Яцкевичи додержали до тепла. Так было и в семьдесят девятом, и в последующие трудные годы.

Мы продолжаем путь. Чтобы не сесть на мель, обходим острова: поначалу те, которые без названия, а затем и другие — с какими-то странными именами: Египетские, Круглый, Долгий. Если названия Круглый или Долгий еще можно как-то объяснить (один из них по форме круглый, другой — удлиненный), то как объяснить название «Египетские» острова? Где Египет, а где Ягорлыцкий залив?

Ведь название должно быть таким, чтобы, руководствуясь им, путник мог безошибочно найти нужный ему географический пункт. Значит, оно должно отражать (так обычно и бывает) какую-то присущую конкретному месту — реке, озеру, леднику, перевалу, вершине, в нашем случае острову — отличительную черту.

Возможно, название Египетские острова связано с перелетом птиц к африканскому побережью, к берегам древнего Нила. Однако это всего лишь предположение. То же можно отнести и к Сибирским, Австрийским, Конским островам, островам Джарылгач, Бабин, Смаленый. Так что любителям топонимики, науки о географических названиях, есть над чем поразмыслить.

Наш моторный баркас продолжает плыть по мелководью. Уже давно исчез за кормой Ягорлыцкий кут, и, казалось бы, пора показаться и песчаному острову, который значился у нас на карте, а его все нет и нет... И вдруг голос с кормы:

— Впереди земля. Прямо по носу остров Орлов.

— Рассказывают, что когда-то,— продолжал Михаил, наклонившись к борту,— обитателями этого острова были только степные орлы.

— А потом?

— Облюбовали его и черноголовые чайки. Но и эту птицу, как и орлов, едва не постигла печальная участь — под покровом ночи пробирались к острову браконьеры, до бортов нагружали шаланды яйцами чаек и увозили их на рынок. И только в советское время, с организацией заповедника, птицы обрели покой и защиту...

Если действительно в мире существуют чудеса, то часть из них обосновалась на этом острове. На каких-то тридцати гектарах земли — 200 тысяч птиц. Населяют этот остров крачки, гуси, лебеди, кулики, морские голубки, но главным образом его наводняют черноголовые чайки. Наверное, потому и остров величают королевством черноголовых чаек.

Черноголовая чайка — красивая белая птица, лишь головка и шея черные. Птицы одной пары дружны, они старательно оберегают потомство. Однако, если в период высидывания яиц нарушить их покой, они теряют самообладание, нервничают, со злостью разбивают яйца в гнездах и улетают с острова. Таков уж их нрав.

Сейчас это, пожалуй, единственное в стране место массового гнездования черноголовой чайки, незаменимого санитаря колхозных полей, славного помощника степных хлебопашцев.

Помощника... Тут я вспомнил нашу поездку на Ягорлыцкий кут. Чтобы попасть в этот самый Кут с Голой Пристани, мы ехали «УАЗиком». Мимо пронеслись фруктовые сады, аккуратно возделанные плантации бахчи, кукурузы, обширные пшеничные поля. До моря оставалось по меньшей мере сорок километров. Вдруг какие-то белые движущиеся точки показались над широкой степью. Точно снежные хлопья, носились они над пшеничным полем, то опускаясь, то поднимаясь вверх. С каждой минутой птиц становилось все больше.

Тут я вспомнил слова директора Черноморского заповедника Георгия Борисовича Маяцкого: «Увидите нашу красавицу-чайку — знайте, что за какие-нибудь сутки она съедает почти тысячу вредителей: всяких жужелиц, долгоносиков, жуков-кузек».

Теперь я понимаю, почему именно черноголовая чайка, а не морская голубка, не лебедь и даже не белая цапля избрана своеобразным символом Черноморского заповедника.

...А вот наконец и остров Орлов. Михаил уменьшил обороты двигателя и сделал это своевременно, иначе сидеть бы нам на мели. Бросаем якорь и вброд идем к берегу. Погода солнечная, под ногами песок, да и глубина не более полуметра.

Стараемся не шуметь, чтобы не вспугнуть обитателей острова, но они все равно кричат и волнуются.словно прочищая горло, чайки пробуют свои голоса, кружат в воздухе, галдят и следят за каждым нашим шагом. Птиц множество.

...Песчаный берег. Каждый его выступ, заливчик, бухточка заняты птицами. Их здесь тысячи, десятки тысяч. Куда ни помотришь — повсюду гнезда. Подчас даже и ногу некуда поставить. Но здесь, на острове, есть и еще одни обитатели — змеи.

Солнце еще какое-то время золотило прибрежную волну, расцветчивало редкие облака, но, вопреки всему, неумолимо

уходило за голубую даль, пока совсем не спряталось за горизонтом. Надвигался вечер.

— А где ночевать-то будем?— задал Яцкевичу нелегкий вопрос. Ведь за целый день мы так и не обнаружили на острове каких-либо признаков человеческого жилья. Да может ли оно вообще здесь быть, если невозможно даже представить себе, чтобы кто-либо мог высадиться на этот безлюдный остров, весь забитый птицами и змеями, разве только не вынудит его к этому штормовая погода или какие-то другие обстоятельства?

— Наши змеи совершенно неопасны,— невозмутимо уверял мой гид,— если их только не трогать.

— Неопасны? — не поверил я и тут же снова спросил у Михаила:

— Так где же все-таки мы будем ночевать?

— На Тендре.

Тендра — тоже заповедный остров. Узкой полосой суши он далеко уходит в море. С одной стороны его обрамляет бесконечная лента песчаной косы, а с другой — узкая полоса тростников с тихой гладью Тендровского залива. И еще на Тендре много заливчиков, песчаных выступов — кутов и то же безлюдье, что и на других заповедных островах, если не считать семью егеря.

Яцкевичей на необитаемой Тендре — трое. Живут они у самого синего моря, в небольшом домике, охраняют птиц и все, что есть на заповедных островах.

Хозяин на Тендре, конечно, Михаил, но есть на острове еще и хозяйка — Тамара Михайловна. Она не только во всем помогает мужу в его нелегкой егерской службе, но и держит на своих плечах домашнее хозяйство, которое у них не такое уж маленькое: коровы — Зорька, Майка, Лыска — приучены к морской воде, два барана, кабанчик Ерема, который большую часть времени проводит у моря — лакомится медузами. Две овчарки, дворняжка и три ее щенка. Есть у Яцкевичей и домашняя птица: цесарки и утки.

Помню, однажды забрался я утром на берег заливчика, где стояла одна из егерских построек, и вдруг услышал: «Ути-ути-ути...» Тотчас же, откуда ни возмись, пара за парой подплывают к берегу утки, щеголяя своими летними нарядами. Не домашние — дикие утки, крайне осторожные и хитрые с чужими, но, как выяснилось, они прямо из рук хозяйки берут пищу.

Кроме уток, на егерскую усадьбу заглядывают и серые цапли. Им, наверное, тоже интересно знать, чем здесь занимаются люди. Среди визитеров есть также бакланы. Они приходят в гости не с пустыми руками, а с рыбкой в клюве.

Теперь несколько слов еще об одном аборигене, проживаю-

щем на Тендре,— Валерике. Он в школу еще не ходит, но уже понимает, что природу нужно всеми силами беречь. Наверное, потому у него и нет заспиртованных ящериц или лягушек, засушенных жуков или пронзенных булавками бабочек.

А почему? У Валерика на этот счет своя логика, которая заслуживает внимания: если все дети нашей страны начнут сушить, собирать в коробочки и ящики разных бабочек, пауков и лягушек, то их очень много будет уничтожено, наверное, сто или двести миллионов, а может быть и больше...

На Тендре день начинался рано. Проснувшись до зари, отправлялись к морю. Оно поражало своей синевой и какой-то особой прозрачностью. Море здесь совсем не такое, как у берегов Одессы или Очакова, хотя от Тендры они находятся в каких-нибудь 40—50-ти километрах.

И еще удивляют на Тендре птицы. Вот у песчаной косы приютились водяные курочки — «балерины» в черном. Легкие, вертикальные, они перекидываются с камышинки на камышинку, о чем-то шепчась. Не обращая на них внимания, рядом стоит на одной ноге белая цапля и смотрит задумчиво в никуда. Хотел ее сфотографировать, но не смог. Цапля не любит, когда нарушают ее уединение. Стоило нам приблизиться, как цапля недовольно опустила ногу и тут же скользнула в сторону, перелетев в другое место.

Если в море у нас старшим был Михаил, то здесь, на Тендре,— Татьяна Борисовна Ардамацкая, главный орнитолог заповедника.

Татьяна Борисовна родом из Ленинграда, но почти все послевоенные годы живет и работает в заповеднике. Эта еще молодая женщина, говорящая быстро и громко, поражает своей неукротимой энергией, подвижностью и удивительно живыми глазами.

Слушая Ардамацкую, поражаешься ее жизнелюбию.

— Я с детства,— говорит она,— питала страсть к цветам и птицам. Любила музыку и могла читать ноты с листа еще до того, как выучила азбуку. А когда училась в университете, занималась спортом: лыжами, фигурным катанием, плаванием, бегом. Во время летних каникул ходила в лес, собирала грибы и слушала часами пение птиц. Еще вела дневник наблюдений, писала стихи, рассказы. А когда стала работать в заповеднике, выступала с лекциями. А теперь в Голый Пристань — ректор университета природы.

Знакомя меня с Тендрой, Татьяна Борисовна делилась своими планами и тревогами. Ее очень беспокоило будущее заповедных островов — как бы их не застроили пансионатами, туристскими базами.

Воспользовавшись паузой, я спросил, не трудно ли ей на заповедной земле.

— Когда как. Густые туманы нередко окутывают острова, и моя одежда становится влажной. А так как электричества и газа у нас нет, по вечерам приходится греться у костра.

Но разве это главное? Татьяна Борисовна махнула рукой, а глаза ее говорили: «Неужели вам не понятно, что у орнитологов жизнь, как у Робинзонов?»

— Ну, хорошо, а жилье?— спрашиваю я.

— Перкалевая палатка, а то и обычный вигвам из веток и травы, который иногда приходится на второй же день жечь в костре в связи с перебазированием на другое место.— А бывает,— продолжает Ардамацкая,— только высадись на остров — чувствуешь запах гари, посмотришь — кругом дым. Остров в огне. Не сразу сообразишь, то ли это порывы шквального ветра разнесли из чьего-то костра непогашенные угольки, то ли что-либо другое стало причиной пожара.

Проезжих дорог на заповедных островах нет. Поэтому на пути работников заповедника могут попадаться колючие кустарники, метровые камыши, глубокие пески, а если налетают штормовые ветры,— они рвут веревку из рук и забивают глаза и уши песком.

— Приходилось, наверное, бывать вам и в более трудных ситуациях?

— Однажды в камышовых зарослях столкнулась с диким кабаном. В другой раз гадюка покусала. Рука распухла, а помощи ждать неоткуда.

— Ну и как же вы?

— Вот так и исцелялась две недели своими средствами, пока не попала в больницу.

Слушая Татьяну Борисовну, я подумал: мужественная женщина, твердая характером и целеустремленная; все неудобства и неприятности в ее службе вознаграждаются чудесным миром природы. Она ведь не просто служит в заповеднике, а всю душу вкладывает в свою работу, в жизнь своих птиц, о которых знает очень много и рассказывает о них с большой нежностью.

...У песчаной косы кружит морской голубок. Он почти белый, и только на брюшке явственно проступают розовые тени. Голубок очень доверчив и близко подпускает к себе людей.

— Что с тобой? — слышу голос Татьяны Борисовны.— Обидели тебя, горемычного,— говорит она, и как-то неподдельно сочувственно выражают участие ее добрые глаза.

Татьяна Борисовна вздыхает:

— Обидчиков хватает. Стоит птице отлучиться на мгновение,

а яиц нет — кто-то съел. Гаги, например, сидят иногда по неделе, не решаясь оставить гнездо.

— И кто же эти обидчики?

— Есть охотники-браконьеры, есть и птицы-разбойники: серые вороны и крупные чайки-хохотуньи, зимующие на островах. Они-то и совершают набеги на птичьи колонии, разоряют гнезда, пожирают оставленных без присмотра птенцов.

Заходящее солнце радугой отливало на стальной поверхности моря, а в небе вереница птиц вытягивалась в ленточку и, извиваясь, пролетала над пламенеющей линией горизонта.

— Смотрите, смотрите!— восклицает Татьяна Борисовна, показывая на небо.— Дикае утки!

— И это утка?— показываю я на вылетевшую из глубины острова птицу, желая блеснуть своей эрудицией.

— Какая там утка,— смеется Татьяна Борисовна.— Это же болотный лунь! Он сейчас высматривает добычу.

Действительно, хищник взмахнул крыльями и затем камнем полетел в камыши. Вскоре он снова взмыл в воздух, держа в когтях какую-то добычу.

Не утихает разговор о пернатых, населяющих черноморские острова.

— А знаете, что недавно стряслось на острове Тендре,— увлеченно продолжала Татьяна Борисовна, но сразу умолкла, вдруг услышав нарастающий топот. Прямо на нас мчались две лошади. Без седла и уздечек, подняв царственные головы. Кажется, что они летели над землей, едва касаясь копытами короткой своей тени.

Однако лошади промчались мимо нас и вновь показались уже далеко, за камышовыми зарослями. Они бежали друг за другом, иногда останавливаясь, скидывая гривы, и снова продолжали бег.

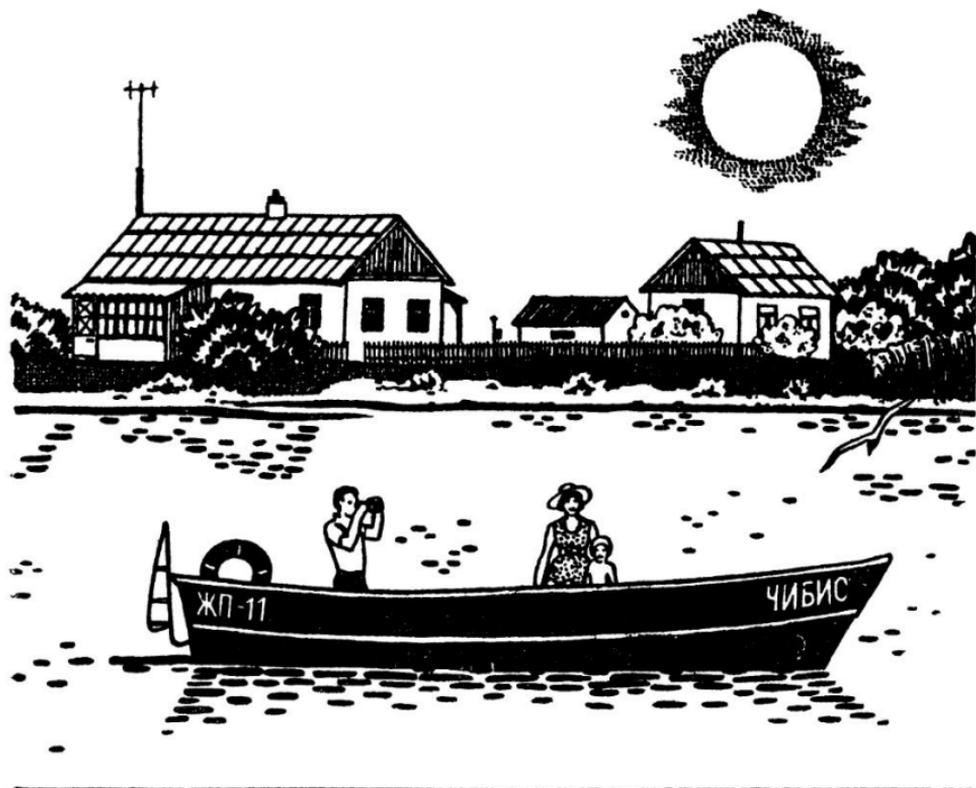
— Наши мустанги,— говорит Татьяна Борисовна.

Возможно, не всем известно, что мустанг — это не какой-то зверь, а всего лишь обычная одичавшая лошадь.

Без малого прожил я на свете семьдесят лет, но никогда не слышал, чтобы в Европе были дикие лошади. А вот на Тендре они есть и находятся под покровительством егеря Яцкевича.

Кроме этих двух мустангов, есть на острове еще два табуна. В одном — пятнадцать, в другом — двенадцать лошадей. Говорят, это бывшие колхозные лошади. Не очень строгий присмотр дал им возможность скрыться, и теперь никакими силами их уже невозможно приручить.

Однажды Михаил попробовал поймать мустанга из табуна и вернуть его под седло — бесполезно. Конь отказывался есть, буйствовал, поранил себя. Пришлось отпустить дикаря на волю.

С ТЕНДРОЙ НАЕДИНЕ

О чем поведала легенда. Белые. Кучугуры.
На горизонте «Мгла». Андрей Евгеньевич.
Аквалангисты. Там, где швартовался «Потемкин».

Еще совсем недавно, каких-нибудь 30—40 лет тому назад, даже в энциклопедических изданиях считалось, что на Черном море имеются только три больших острова: Кефкен близ Босфора, Березань у Днепровского лимана и Змеиный — напротив устья Дуная.

А как же знаменитая Тендра, которой бредило не одно поколение морских романтиков? В одних изданиях ее даже не причисляли к островам, в других — если и упоминали, то в графе с припиской «и другие». Но как это ни парадоксально, Тендра с официальной припиской «и др.» оказалась самым большим островом на Черном море. Больше Кефкена, Березани и

даже — «самого большого» — Змеиногo. Длина Тендры — шестьдесят пять и ширина 1,5—2 километра.

Тендра не только самый большой остров на Черном море, но и древнейшая земля, хорошо известная еще в античной мифологии как Ахилловый Бег. Ахилл — герой гомеровской «Илиады». Когда Ахилл был ребенком, его мать, морская богиня Фетида, чтобы сделать тело сына неуязвимым, окунала его в чудодейственную реку, а когда Ахилл вырос, он стал одним из самых сильных и храбрых воинов. Плавал Ахилл по Средиземному и Черному морям, заходил он и на Тендру. На Тендре отмечал свои победы над врагами традиционными соревнованиями и играми, а в перерывах между боями упражнялся в беге и метании копья.

Согласно другому мифу, Ахилл якобы влюбился в красавицу Ифигению, которую богиня Артемида спасла от жертвенного огня и привезла в Скифию. Однако девушка не ответила Ахиллу взаимностью. Влюбленный до беспамятства, он погнался за Ифигенией. Место, где бежал Ахилл, догоняя непокорную девушку, и нарекли Ахилловым Бегом или Ахилловым Ристалищем. Ристалище — слово древнее и, естественно, многим неизвестное, в переводе с греческого оно означает место, где проходят состязания.

Тендру знали не только герои античных мифов, но и многие из тех, кто высаживался на ее песчаные берега. Если бы Тендровская коса могла говорить, она бы поведала миру о византийских купцах-мореплавателях и греческих колонистах, о скифских племенах, кочевавших морским побережьем, и о храбрых воинах князя Святослава, о вольных казаках, совершавших свои смелые рейсы на Тендру в самодельных баркасах, об адмирале Ушакове и его непобедимой эскадре, о лейтенанте Шмидте и мятежном броненосце «Потемкине», о мужественных защитниках Одессы и героических кораблях Черноморского флота.

Тендра велика и необитаема. На всем острове имеется одна жилая постройка — дом егеря, в одной из комнат которого меня и поселили. Почти неделю я жил на необитаемом острове, а потом, чтобы получше познакомиться с ним, я вместе с Михаилом на его «Прогрессе» отправился в поездку вокруг острова.

Я проснулся, когда окна егерской усадьбы начали наливатьс я серым, тусклым рассветом. Наскоро позавтракал — и вот уже «Прогресс» несется к протоке.словно провожая нас в дальнюю дорогу, сотни уток, куликов, чаек поднимаются в воздух. Табуны лисух, вздымая тучи брызг, спешат вместе с нами уйти подальше от берега, а серые голенастые цапли, тяжело взмахивая крыльями, парадным строем пролетают вдоль береговой полосы, словно указывая нам путь в открытое море.

Узкий пролив, а дальше — открытое море. Здесь оно бескрайнее, тихое и почти без волн.

— Через тридцать минут будем на кирпачном носу, — размышляет вслух Михаил.

Поднимаю бинокль. Слева и справа к самому горизонту уходит коса, а посередине песчаный выступ, действительно, похожий на курносый мальчишеский нос.

— Это и будет мыс Белые Кучугуры.

«Белые» понять еще можно — белый песок, а почему Кучугуры? Может быть, от того, что море напрудило у берега кучугуры песка. Наверное, географы потому и нарекли мыс таким звучным именем.

Наш катер обогнул какой-то островок и взял курс к песчаному берегу. Глушим мотор и причаливаем. Тихо плещет прибой, наверное, в тысячный, если не в миллионный раз промывает и без того перемытый до белизны песок.

Сходим на берег. И только здесь замечаем, сколь удивительны эти места. На зыбком песке ракушки, пучки морской травы, тонкие и длинные водоросли, выброшенные морской волной.

Трава оказалась действительно травой, а вот водоросли — морской иглой. Морская игла — это рыбка. Тело этой рыбки толщиной в карандаш обычно неподвижно вертикально висит в воде. Есть у морской иглы и глаза. Они смешно поворачиваются в орбите каждый сам по себе. Увидев какого-либо рачка, морская игла хватает его маленьким ротиком.

— А это тоже рыбка? — показываю моему gidу на морщинистый предмет рядом с морской иглой.

— Да, рыбка. И называется она морской конек. Это совсем беззащитное существо. Увидев на своем пути препятствие, он погружается вниз головой или трусливо двигается в обход этого препятствия...

На морском берегу попадались и медузы, мелкие и крупные стайки птиц, бродившие по песчаной отмели.

Натолкнулись мы и на мертвую крачку, самую маленькую и изящную из всей породы чайковых. Легкая, длиннокрылая, с белым пятнышком на лбу и в черной «шапочке», крачка лежала неподвижно на сыром песке, а метрах в ста от нее — длинноногая севрюга. Ее, как и крачку, вероятно, недавно волной выбросило на берег. Здесь же мы увидели судака.

С осетровой рыбой еще понятно, но как на песчаном берегу моря оказался судак, ума не приложу. Ведь судак — рыба пресноводная, и так просто забраться в море с Днепра или Днепровского лимана она не могла. Скорее всего, заблудилась, а когда попала в морскую воду, ослепла и околела.

Постояли у мертвого судака, а потом с берега поднялись на песчаный косогор, заросший травой.

— А что, если свернем к мигалке?— сказал мой гид.

Мигалка — это двадцатиметровая вышка с ацетиленовой горелкой, красным фонарем, солнечными батареями и аккумуляторными банками. Днем мигалка бездействует, а с наступлением темноты мигает, предупреждая проходящие суда: «Осторожно, в море — песчаный мыс».

Если взобраться на верхнюю площадку мигалки, видна вся Тендра с тростниковыми зарослями, заболоченными лугами, кое-где с озерцами, кишачими морскими крабами, невесть откуда попавшими туда. А совсем вдаль — темная полоса косы. Темная она потому, что там скопище птиц: их тысячи, десятки тысяч.

И куда ни бросишь взгляд, всюду безлюдье, места, не тронутые человеком, сплошь покрытые ковылем, топчаком, полынью и пышной россыпью полевых цветов, рощицами кустарников и невысоких деревьев. Красиво, да и воздух на Тендре необыкновенно чистый, напоенный ароматом степного разнотравья и моря.

Когда остаешься наедине с морем, степью, полевыми цветами и солнцем,— сердце замирает от счастья. Трудно себе представить, что это Черное море — одно из самых излюбленных и «густонаселенных» мест отдыха в нашей стране, что где-то в нескольких десятках километров от нас шумно и многолюдно. Там пансионаты, базы отдыха, санатории с золотистыми пляжами, до отказа забитые загорелыми людьми, гремящими бутылками прохладительных напитков и легкой музыкой. Здесь же, на Белых Кучугурах, как и на всей Тендре,— безмерное спокойствие, удивительная тишина. Перводанная красота почти не тронутого цивилизацией края. Именно в таком краю человек может глубоко почувствовать ценность полного уединения, познать все прелести нетронутой природы...

Мы отчаливаем от берега — и снова в путь. Берем курс на песчаный мыс, где почти восемь десятков лет назад швартовался легендарный броненосец «Потемкин». Погода хорошая. И только в открытом море стал немного крепчать ветер, а с ним белесые гребешки волн нет-нет да и перекатываются через борт катера, особенно на поворотах.

Едем час, другой. Бескрайний морской простор. Лишь где-то сзади в дымке возвышаются Белые Кучугуры, да впереди едва проглядывается в бинокль темная полоска земли и затерявшийся в тумане моря голубом одинокий парус.

— Так это же «Мгла!» — кричит Михаил.— Парусный бот профессора Шевалева.

Подплываем ближе. На боте за рулем — широкоплечий муж-

чина в синем спортивном костюме. Кепка перевернута козырьком назад, чтобы не сорвало ветром.

— Куда причаливать, Андрей Евгеньевич?..

Мужчина, сидевший за рулем (а это был профессор Шевалев), вытянул руку вперед, показывая, что подходить нужно туда, где стоит его помощник...

Какие только не бывают встречи на дорогах странствий, морских и сухопутных. В горном Бадахшане много лет тому назад мы встретились с Владимиром Адольфовичем Шнейдеровым, кинорежиссером, президентом Клуба кинопутешествий, в горах Кавказа — с Натой Вачнадзе, звездой грузинского кино, покорявшей зрителей и красотой, и силой своего драматического таланта. На том же Кавказе, в Долине нарзанов, встретились мы со Львом Книппером, композитором, автором популярной песни «Полюшко-поле», а на склонах двуглавого Эльбруса — с Александром Гусевым, ученым-физиком и полярным исследователем. Это он, Александр Гусев, возглавил первый в мире санно-тракторный поезд в район Южного полюса и зимовал 8 месяцев на организованной им станции «Пионерская» — ледяной пустыне, где на лету замерзают птицы, где ртутный столбик опускается до 70 градусов и замирает на нижней шкале.

...Но вернемся к нашему парусному боту и профессору Шевалеву. Андрей Евгеньевич — известный в Одессе физиолог и хирург. Почти четверть века он работал в клинике знаменитого Филатова. Кроме того, много лет занимался дельфинами, написал о них несколько книг, имеет прямое отношение к дельфинарию в Крыму и Батуми, а теперь и к строящемуся в Одессе.

Поездки, путешествия, походы, вызванные неутомимой «кохотой к перемене мест», занимают немалую часть беспокойной жизни Андрея Евгеньевича.

— Помните, что писал Александр Сергеевич Пушкин? — натягивая паруса, говорит профессор. —

Долго ль мне гулять на свете
То в коляске, то верхом,
То в кибитке, то в карете,
То в телеге, то пешком?..

Пешком и верхом на лошади, сушей и воздухом немолодой уже профессор исколесил почти всю страну. За его плечами живописные ущелья Дигории и рудного Алтая, глубокие каньоны Центрального Памира и голубые ледники Зеравшана.

Профессор Шевалев еще и альпинист. Он покорил не один труднодоступный перевал и не один пятитысячник, в том числе и двуглавый великан Эльбрус.

Чтобы закончить портрет неугомонного профессора, добавлю, что он увлечен еще и морской стихией.

— Думаю, нет человека,— словно угадывая мои мысли, говорит Андрей Евгеньевич,— который бы не любил море, не чувствовал какого-либо порыва к воде.

— Чем же вас привлекает море?

— Экзотикой. Море нельзя обойти, если у тебя в душе есть хоть немного поэзии и романтики.

— Тогда с чего у вас начиналось море?

Андрей Евгеньевич ровным голосом, как непонятливому первокласснику, начинает перечислять, загибая пальцы:

— С «Капитана Немо» — раз, «Максимки» — два, Александра Грина и его «Алых парусов» — три.

— И все?

— Еще — с берега, рыбацкого бота, яхтклуба и, конечно же, с чудесного мира, который открывается перед человеком во время его странствий по морю.

Профессор еще и заядлый яхтсмен. Плавает на яхтах и катамаранах.

— Когда вернетесь на Тендру,— сказал он,— обязательно посмотрите мой колесный катамаран...

Катамаран Шевалева — это, собственно, трехколесный буер под парусом, на котором Андрей Евгеньевич собирается пересечь пустыню Каракум. Увидел его днем позже. Это интересное сооружение: без колес — для плавания по морю, с колесами — для езды по пустынным землям.

Когда осматривал я катамаран Шевалева, то поначалу удивлялся: зачем маститому профессору, доктору медицинских наук месяцами у себя в Одессе, а теперь на Тендре собирать из всяких бросовых кусков алюминия катамаран? Зачем ночами напролет паять, клепать, варить, когда можно такое же судно заказать в мастерской, наконец, купить в спортивном магазине?

Что это — чудачество, занятие от нечего делать?! Нет, не чудачество, а творческий энтузиазм, увлеченность, которая свойственна настоящим людям. В этом есть, пожалуй, какая-то особая красота, одухотворенность и сила, не дающая таким людям, как Андрей Евгеньевич, пользоваться готовыми вещами.

...Какое-то время плывем борт о борт с парусником профессора Шевалева. Августовское солнце все ниже нависает над морем, отдавая на зыби каким-то мигающим светом. А когда мы стали отшвартовываться, Андрей Евгеньевич достал из-под сиденья огромный арбуз, которые могут вызреть только на Херсонщине, и протянул нам:

— Берите, берите на память о встрече...

Снова мчит катер. Боковой ветер, который поначалу тре-

вожил нас, вроде бы совсем стих, а с ним прекратилась и качка.

В три часа дня, как и намечали, швартуемся к полузатопленной барже, которая на оконечности Тендры служит причалом.

— Шевалевская баржа,— сообщает Михаил.

Опять Андрей Евгеньевич. Оказывается, еще несколько лет тому назад баржа служила Шевалеву плавающим дельфинарием. Именно здесь профессор занимался дельфинами, учил их реагировать на жесты, выполнять команды...

За причалом прячутся какие-то домики. Живет ли кто-нибудь в них? Лет десять тому назад здесь были цехи Очаковского рыбкомбината. В сборных финских домиках жили сотни рабочих. Здесь функционировали пекарня, баня, магазин. А потом в районе Тендры не стало промысловой рыбы, производство свернули, оборудование вывезли, а постройки остались.

— А жильцов нет, даже временных?— спрашиваю я Михаила.

— Нет, если не считать аквалангистов, которые изредка наезжают из Николаева.

— Ловить рыбу?

— Не рыбу, а затонувшие корабли.

И, как бы в подтверждение сказанного, мы увидели идущих нам навстречу двух парней.

— Вы, случайно, не рыбаки-любители?— первое, что спросил у них Михаил.

— Нет, а что?

— Да тут на прошлой неделе один промышлял, так потом пришлось его откачивать.

— Мы— гидрологи, с Николаевского клуба «Садко»,— ответили ребята. Ими оказались Виктор Шелудько и Александр Сиренко. Они с охотой рассказали нам много интересного о затонувших в годы войны эсминце «Фрунзе», канонерской лодке «Красная Армения», минном заградителе «Колхозник». Они также поведали нам и о гибели морского буксира «Тайфун».

«Тайфун» прославился еще в начале тридцатых годов, совершив вместе с ледоколом «Торос» беспрецедентный рейс — буксировку на Дальний Восток гигантского плавучего дока. Буксировка заняла почти три месяца. Об этом в те годы писали все газеты. Перед самой войной «Тайфун» буксировал в Потю крупногабаритный плавучий элеватор. Был девятибалльный шторм. Буксир и плавучий элеватор бросало, как щепки, но моряки «Тайфуна» с честью выдержали испытание и доставили элеватор по назначению.

Когда началась война, морской буксир «Тайфун» доставлял в обложенную Одессу боеприпасы, продовольствие, а также

тралил заминированный фашистами фарватер. 22 сентября 1941 года у берегов Тендры фашистские «юнкерсы» обнаружили в море почти безоружный буксир и забросали его бомбами. «Тайфун» держался до последнего...

— Можете представить себе наше волнение и радость, — рассказывает Виктор Шелудько, — когда со дна морской пучины показался орудийный ствол, а затем и металлический сейф. И хотя время и море оставили на документах сейфа свои следы, все имена тех, кто до последней минуты жизни, уже стоя в студеной воде, отбивал с тонущего корабля атаки фашистских бомбардировщиков, разобрать удалось...

Нельзя не понять Виктора Шелудько, когда он говорил, что после скупого и неопределенного, давным-давно полученного сообщения «пропал без вести» в дом, где воспоминания о невозвратившемся с войны отце или сыне являются самыми дорогими, самыми светлыми, приходит весть о том, что близкий человек «пал смертью храбрых».

Можно понять состояние аквалангиста, когда он волнуясь говорил: «Мы рады, что своим трудом смогли хоть немного смягчить оставшимся в живых родным и близким эту боль утраты, рады, что исключили неизвестность».

И еще один абзац к этому повествованию. Если, дорогой читатель, вы встретите на Тендре носовой якорь с эсминца «Фрунзе», а в музеях Очакова или Николаева — снарядные гильзы с минного заградителя «Колхозник» или рулевую колонку с «Тайфуна» или узнаете имена неизвестных героев защиты Одессы, помните: это тоже работа мужественных аквалангистов из Николаевского спортивно-технического клуба «Садко». Даже обелиск на Тендре, куда мы направились с егерем Яцкевичем, тоже воздвигнут не без их участия.

Направляясь к обелиску, всматриваемся в песчаную косу.

— Говорят, в трех-пяти милях отсюда бросил якорь мятежный «Потемкин»?

— Не в трех-пяти, а в одной-двух милях, — поправляет меня Михаил. — Именно здесь, у Тендры, возмущенные матросы сбрасывали за борт белых офицеров, а затем подняли красный флаг революции.

А вот и обелиск. Он стоит на искусственном кургане. В постаменте — рулевое колесо боевого корабля, а вокруг — ограда из массивной якорной цепи и снарядных гильз. К обелиску ведут крутые ступеньки из ракушечника. У входа — два корабельных якоря, а на мемориальной доске вытеснено: «Вечная слава героям Тендровского боевого участка обороны г. Одессы...»

Минутой молчания мы почтили память безымянных героев войны и положили к подножью обелиска букетик цветов.

У ПРИЧАЛА

Капитан Далеску. Слева — Полуденное. «Птичье царство». Протока ведет к морю. Дунайские модницы. Живая «подкова». Их называют тритонами.

С Тендры я направился в Одессу, чтобы оттуда попасть в дельту Дуная (в те годы это были еще владения Черноморского заповедника).

Дельта Дуная давно привлекала меня: хотелось посмотреть на здешнее «птичье царство», о котором столько слышался, порыбачить и пофотографировать.

Конец лета и даже осень на Дунае — такое же прекрасное время, как и весна. Водная гладь тянется почти до самого горизонта и сливается с бело-голубым небом.

...Идем улочками небольшого городка, имя которому Вилково. Мой спутник — Николай Васильевич Елин, парторг рыб-

колхоза имени В. И. Ленина. Уроженец Ульяновской области, он участвовал в освобождении Вилкова. Когда отгремели последние выстрелы Великой Отечественной войны, здесь женился и остался на постоянное жительство.

— Через полчаса от причала отправится «Волга»,— предупреждает Елин,— с ней вы можете поехать на Полуденное.

Полуденное — это рыбацкий участок колхоза, а «Волга» — небольшое судно, где капитаном Петр Кирсанович Далеску.

— Очень интересный человек,— говорит Николай Васильевич.— Был столяром и плотником, мотористом и механиком. Везде о себе добрую память оставил.

Почти четверть века капитан Далеску плавал на рыбацком сейнере. Это ему принадлежит почин: с наступлением холодов уходит к крымским и кавказским берегам на лов хамсы и ставриды. Он первый начал ловить рыбу кошельковым неводом при помощи электрического света. На таком лове вилковские рыбаки брали по 600—800 центнеров за путину.

— А ведь было время, когда рыбаковским колхозам не доверяли не только промысловые суда, но даже и орудия лова. Считали, что у нас в колхозах нет нужных специалистов.

— А теперь?

Для солидности парторг помолчал минуту-другую, потом как бы мельком сказал:

— Теперь одних сейнеров и мотофелюг у нас более полусотни, не считая флотилии моторных лодок.

Парторг остается на причале, а мы с капитаном Далеску едем к рыбакам на путину.

Внимательно всматриваюсь в мужественное лицо Петра Кирсановича — немолодой уже, а все еще на капитанском мостике. Словно угадав мои мысли, капитан говорит:

— Я себя старым не считаю...— И тут же командует:— Полный вперед!

За кормой — Белгородский канал, Старостамбульское гирло и дальше — множество островов, разбросанных в дельте Дуная. На них размещены садовые участки, дачи, огороды. Все долгое южное лето здесь выращивают овощи, фрукты, ягоды.

Острова Быстрый, Потапово, Прорва — пункты лова. В этих местах водится разная рыба, в том числе и знаменитая дунайская сельдь, и осетровые. Белуг и осетров здесь «берут» остро-заточенными крючьями — самоловами, которые опускают на большую глубину.

Взять белугу — не такое простое дело. Огромные рыбыны чуть не в полтонны весом, извиваясь, могут опрокинуть лодку...

В Вилково свежемороженную красную рыбу укладывают

в рогожевые кули, а затем уже в обработанном виде отправляют в другие города...

— Слева — Полуденное,— слышу голос капитана.

— Это наш второй дом,— говорит встречающий нас на причале начальник участка Яков Поликарпович Бендеровский.

На Полуденном есть приемный пункт, склады, морозильные установки, рыбацкие общежития. Когда кончается рабочий день, сюда возвращаются с лова рыбаки и собираются на берегу, под навесом, чтобы послушать радио, узнать новости и, как всегда, развести костер и сварить дымящуюся уху с острой приправой — саламуром.

А там, где уха, там и неторопливая беседа.

— В нынешнем году,— рассказывает Бендеровский,— одной только дунайской сельди мы дадим полторы тысячи тонн да столько же частика, хамсы и другой рыбы.

«Другая» рыба тоже не простая — в дельту Дуная заходят не только севрюга, белуга и осетры, но и представители далеких теплых морей. Бывали случаи, что заплывала сюда и рыба-меч, получившая свое название от сильно удлинненной верхней челюсти, напоминающей заостренный меч.

Нетрудно представить, как эта толстобокая, шестисоткилограммовая махина мчитя со скоростью курьерского поезда, выставив перед собой заостренный плоский меч длиной более метра.

— А однажды забрел в наши края даже тюлень-монах,— продолжает рассказ начальник участка.— Как-то, проверяя самоловы, рыбак обнаружил заморского гостя.

Увидел я и этого трехметрового красавца, и рыбу-меч, но только чучелами в местном музее...

На следующий день состоялась встреча с главным специалистом по заповедной дельте Дуная Владимиром Кирилловичем Глушко.

... Пятнадцать тысяч гектаров заповедных плавней! 35 километров взморья, десятки островов, проток — все это находится в ведении Владимира Кирилловича. Главный объект его внимания — многочисленное «птичье царство», для которого дунайские плавни являются настоящим раем.

— Где еще птицы найдут такое мелководье, такое обилие корма весной, летом и даже поздней осенью? — с увлечением говорил Глушко, направляя свою моторную лодку с громким именем «Вихрь» в одну из протоков.

Поначалу едем рыбацким гирлом, а затем узкой протокой объезжаем острова. Владимиру Кирилловичу эти места хорошо знакомы. О местных пернатых он говорит, как о самых близких для себя существах, и, слушая его увлеченный рассказ,

создается впечатление, что они, эти существа, понимают его и постоянно ждут от него чего-то хорошего и радостного.

Все жарче греет солнце. Давно остались позади Белгородский канал, Старостамбульское гирло. Миновав узкую водную просеку, которую здесь называют собачьей тропой, оказываемся в таком месте, где особенно много камыша, островков, крохотных озер, отмелей и, конечно же, птиц.

Каких пернатых только нет тут! Кряквы и лысухи, красноловые нырки и чирки-свистунки, белоголовые казарки и даже гостя из далекого Севера — гага обыкновенная, утка, обладающая легким и теплым пухом. Все они и представляют здешнее «население».

К сожалению, к здешнему «населению» относятся также и мошкара, и все комариное отребье. Прячась от ветра, комары забираются в камышовые заросли и сверху донизу сплошным гудящим слоем покрывают каждую тростинку.

— Смотрите, справа — коряга, — слышу за спиной голос Владимира Кирилловича, — а на коряге пристроился баклан.

Баклан — большая прожорливая птица с длинной шеей. Вообще, у этих птиц хорошо развито чувство коллективизма, и обычно живут они колониями, но почему-то нам попался одиночка.

— Это какой-то отшельник-обжора, — смеется мой спутник, прислонившись к борту «Вихря». — Он, видно, до того объелся, что ни взлететь, ни сдвинуться с места не может.

Движемся дальше. В неприхотливых камышовых джунглях и в небе над поймой нарастает птичий гомон. Здесь серые и белые цапли, чибисы, египетские кулики, утки, лебеди...

— Вот уже много лет, как облюбовали Дунайские плавни красавцы лебеди, — говорит Глушко. — Плынешь ли катером, на плоту или лодкой, а все кажется, будто в сказку попал, — буйная растительность и вода. Слева и справа камыши, желтые и белые кувшинки, водяной перец, и по всей водной глади, царственно изогнув точеные шеи, грациозно скользят белые лебеди...

Подплываем к птицам. Владимир Кириллович глушит мотор. Лебеди, вытянув шеи, настораживаются. Мы бросаем птицам корм. Самый смелый хватает лакомство и тут же резко выпрямляется, вытягивает шею, поднимает голову и ждет.

— Красавец ты наш, — произносит вслух Глушко, — тебя никто не собирается обижать. — И, словно уразумев сказанное, лебедь доброжелательно глядит на нас, а затем безбоязненно клюет все, что мы бросаем с моторки.

Любят на Дунае лебедей, да и всех других обитателей поймы. Поэтому, когда наступают холода и прибрежные места

покрываются коркой льда, терпящим бедствие пернатым люди сбрасывают с вертолетов корм.

И это понятно: испокон веков любящие природу люди охраняют редких птиц. Но, как говорят, в семье не без урода...

...Только катер ткнулся носом в золотую каемку песчаного берега, как навстречу нам подбежал местный егерь Евгений Лесак.

— Вот браконьера задержал. В лысах стрелял. Огаря убил.

Задержанным оказался мужчина в летах. Он, низко опустив голову, стоит в стороне и переступает с ноги на ногу. Глушко направляется к нему — желваки заходили на скулах, побелели кисти рук, сжатые в кулаки.

— Где же ваша совесть? Убить птицу. И какую!

— Товарищ директор, тут чистая случайность. Я готов, чем хотите, искупить свою вину, возместить ущерб.

— Возместить ущерб? А как? Чем? Можно ли вернуть к жизни птицу, которая находится на грани исчезновения?..

Евгений Лесак отобрал у задержанного документы, ружье, патронташ и сказал браконьеру:

— Идите. Документы в милиции получите...

К морю выходит еще одна протока, называемая Собачьей дырой. Она настолько узкая и сплошь заросшая осокой и камышами, что двум лодкам на ней не развернуться. У берегов Собачьей дыры гнездится серый гусь. Особенно много этих птиц у островов Цыганка, Курильский, Анкудинова. Есть на этих островах также колонии крякв и цапель.

Цапля — интересная и довольно редкая птица. Тут же, на дунайских островах, их целые колонии. Среди них имеются поселения желтой, серой и белой цапли.

Бесспорно, цапли — птицы изящные. Среди них самая грациозная — белая. Вот она величаво прохаживается по отмели. Потом вдруг останавливается, становится на одну ногу, а другой лениво болтает по воде. Это она таким приемом выгоняет из камышовых зарослей притаившуюся рыбу и ей это удается. Вот, встревоженная шумом, выплыла из своего укрытия одна рыбка, вторая, и цапля тут же хватает ее своим острым клювом.

— Можно ли приручить цаплю?

— Я пробовал... — Владимир Кириллович сделал паузу, словно что-то припоминая. — Однажды вот в этих местах, — он показал на песчаный берег, заросший камышом, — нашел одинокую молодую цаплю. Я долго наблюдал за ней, думая, что ее мать вернется, но в конце концов пришлось взять осиротелую птицу с собой.

Рассказывая о цапле, Глушко заметил, что всегда очень

важно подольше наблюдать за одинокой птицей (и не только за птицей, но и за любым живым существом), прежде чем начать ей помогать, поскольку мать, уходя в поисках корма, приказывает своему малышу оставаться на месте до ее возвращения...

— Ну и как, приручили цаплю-малыша?

— Все лето жила она у нас в усадьбе, кашу склевывала в основном из миски, иногда брала из рук. Проявляла интерес к книжкам с яркими картинками. И так до осени.

— А осенью?

— Цапля изменилась. Она беспокойно кричала, провожая взглядом летящих собратьев, а потом и сама подалась с ними.

В устье Дуная есть и большие птицы — розовые пеликаны. Прилетая весной с берегов далекого Нила, они гнездятся здесь большими колониями. Чаще всего их можно увидеть в глухих протоках, озерах и ериках, в которых нерестится рыба, нагуливают вес толстолобик и белый амур. Но туда не пробиться даже самому отчаянному охотнику или рыбаку. Здесь пеликаны чувствуют себя привольно и гнездятся там большими колониями.

Вот пеликанья армада зашевелилась, трубно заголосила и пришла в движение. Кажется, самому опытному полководцу не под силу навести среди пеликаньих полчищ элементарный порядок. Но раздался боевой клич — и все пернатое войско заволновалось, быстро перестраивая свои ряды, образуя что-то вроде живой «подковы».

— Смотрите, смотрите, — трогает меня за плечо Владимир Кириллович, — самое интересное только начинается.

Тесно прижавшись друг к другу, неистово горланя и хлопая по воде широкими крыльями, идут пеликаны в атаку — с шумом и плеском гонят рыбу к берегу.

Отмель все ближе и ближе. А клекот пернатой камарильи не утихает. И вот, когда рыба, прижатая к берегу, начинает в панике выбрасываться из воды, пеликаны жадно хватают ее широкими и длинными клювами.

— Ну и браконьеры? — возмущаюсь.

— Не такие уж и браконьеры, — поправляет меня Глушко. — Пеликаны ловят больную рыбу и тем очищают от нее водоемы. Потому этот вид пернатых вместе с черными аистами, огарями и орланами-белохвостами охраняется законом...

Приближаемся к песчаному мысу. Он — справа по борту; слева — извилистый, но очень покатый берег.

— Хотите увидеть тритона? — спрашивает Глушко, спрыгивая на влажный песок.

— А какой он?

Владимир Кириллович наклоняется и водит тростинкой по сухому корешку. Это и есть ящерица-тритон. Замерз бедолага, потому и лежит, словно парализованный.

— А теперь смотрите.— Он берет тритона, перекладывает с ладони на ладонь, согревает его своим дыханием — и на глазах свершается чудо. Земноводное зашевелилось, изогнуло свой широкий, приплюснутый с боков хвостик, вывернуло голову, лапки и заморгало глазами.

— Погрели сорванца, а теперь давайте отпустим его на все четыре стороны,— и Глушко осторожно положил тритона на песок, с минуту поколдовал над ним, и тот побежал, только его и видели.

Когда мы еще немного прошли, увидели на берегу еще одного тритона, а потом и чайку, летящую прямо на нас.

— Это «хозяйка»,— объясняет Владимир Кириллович.— Двести метров — полоса вдоль берега и столько же в сторону моря — это ее вотчина.

Летит чайка на полосе и вдруг — бултых в воду. Всплеск, как от падающего камня... Что-то схватила, выскакивает из воды и на бреющем полете удаляется к зарослям камыша, где ждет ее прожорливое семейство...

Незаметно пролетела большая часть дня. К шести часам вечера мы уже возвратились на Полуденное. Когда загрузились на «Волгу» к Петру Кирсановичу Далеску, солнце ударило лучом по нашему судну и вода стала оранжевой. Словно приняв сигнал ветра, заволновался Дунай. Наступал вечер. Капитан Далеску вел «Волгу» полным ходом к своему причалу в Вилново, чтобы скорее сдать принятый им очередной улов.

В МОРЕ ЗА КАТРАНОМ

Внимание — акула! Фелюга выходит в рейс.
Почему море черное? Шкипер Губков и его команда.
Морская лисица. С богатым уловом!

Я всегда думал, что акулы водятся где-то далеко, в теплых морях и океанах. Но вот, когда побывал в дельте Дуная, услышал, что акулы, о кровожадности которых написаны целые тома книг, живут и в наших морях. В Беринговом, Охотском и Японском морях водится сельдевая акула, в Баренцевом море — полярная, а в Черном море — колючая акула — катран.

В тот день, когда я приехал в Феодосию, чтобы увидеть черноморских акул, только и было о них разговоров.

Об акулах издавна ходит немало легенд. Из рассказов бывалых моряков, бороздивших воды Индийского и Тихого океанов, известно о многочисленных нападениях акул на людей.

Известно и о трагедии американского транспорта «Кейп Сан Хуан», торпедированного во вторую мировую войну японской субмариной. На оказавшийся в воде экипаж — полторы тысячи человек — набросилась стая акул. Они не только разрывали плавающих на части, но даже стаскивали солдат с надувных спасательных плотиков. Когда эта страшная картина предстала перед глазами моряков подошедшего на помощь торгового судна «Эдвин Мередит», многие из спасателей поседелели...

Черноморская акула тоже относится к хищным рыбам, но на человека она не нападает. От других видов акул она отличается сравнительно небольшой длиной — до двух метров, серовато-коричневой окраской с темными пятнами по бокам и еще тем, что не откладывает яйца, а является живородящим существом. Из ее «штанов», как говорят черноморские рыбаки, выходят на божий свет сразу двое акулят...

Катран имеет промысловое значение. В Черном море его ловят в районе Феодосии сетями, неводами, тралами и так называемыми вставками — снастями, напоминающими перемет. Только более внушительных размеров.

Чтобы увидеть катранов, я поехал в рыбколхоз «Заря революции».

...Рыбаки толпой стояли у причала и, всматриваясь в синеву клокочущего моря, говорили о погоде.

— Вот тебе и прогноз, Иван Ильич,— недовольно пожал плечами молодой рыбак в парусиновой куртке,— шторм как-то крепчает.

Море действительно все злее бросалось на гранитные выступы невысокого причала, угрожая смыть его, а заодно унести и рыбацкие лодки и катера, стоящие на привязи вдоль берега.

— Да, крепчает,— заметил Иван Ильич Губков, коренастый светловолосый рыбак в высоченных резиновых сапогах с завернутыми в два ряда голенищами.

Иван Губков, бывалый рыбак, редко в своих прогнозах ошибался. Ведь не год и не два плавает он на Черном море. А до этого лет десять ходил на «Кальмаре», «Пицунде» и других траулерах по Атлантике, Индийскому и Тихому океанам. Ходил за хеком, селедкой, ставридой, катраном. Знаком со всеми превратностями погоды...

С рассветом, как и предполагал Иван Ильич, установилась погода, и мы готовы были выйти из Феодосийского залива. Все уже, казалось, аккуратно сложено, заботливо накрыто брезентом. У рыбаков все учтено: люди, снасти, время. Но вот беда — у одного члена экипажа тяжело заболел ребенок, и он не смог выйти в море.

— А что, если вы поедете матросом, товарищ журналист? — предложил мне председатель колхоза Владимир Акимович Большинский, который провожал флотилию в море.

Я от неожиданности даже не знал, что ответить председателю. Помолчал, а потом все-таки собрался с мыслями:

— Какой же из меня матрос?

— Ничего, освоитесь. Будете готовить наживку, забрасывать буйки, снимать морских лисиц с крючков.

— Если так, считайте — договорились, — согласился я.

Губков отшвартовался от пирса. Заработал мотор. Из выхлопной трубы повалили колечки дыма, и наша фелюга стала набирать ход.

Фелюга хотя и небольшое судно, но держится на воде, как поплавок. Длинной метров десять, скорость — шесть узлов, команда — человек четыре-пять...

Обогнув остроконечный мыс со странным названием Киик-Атлама, мы вышли в открытое море. Тишина. Синеватая гладь моря.

Синее... Синеватое... Наверное, потому, что в море отражается небо. Странно, почему называется не Синим, а Черным? Может быть, потому, что оно темнее Эгейского, как думали древние греки. В давние времена моряки, проверяя глубину моря, заметили, что якоря, побывав на дне морском, темнеют, становятся черными-черными. Кто же их там красит, цвет меняет? Чудо! Но чудес, как мы знаем, не так уж много на свете. Тогда в чем же дело? В химии... Оказывается, на дне морском гниют растения, выделяется сероводород. Он-то и окрашивает воду в черный цвет.

Но дело не только в цвете. Неясна пока и соленость Черного моря. В старой-старой сказке сказывается: плыл один добрый молодец по тогда еще пресному морю, а у него на каравелле была волшебная мельница. Заигравшись с товарищами, молодец позабыл о своей чудо-мельнице. А она все мелет да мелет соль. Ее уже столько, что корабль стал тонуть от перегруза. Даже тогда, когда его поглотила морская пучина, чудо-мельница не переставала молотить, и молола она, пока совсем не посолила море.

На самом же деле: чем больше в морской воде хлористого натрия, то есть обыкновенной поваренной соли, тем и ее соленость больше изменяется. Кто-то из ученых даже подсчитал: если осадить поваренную соль и другие растворимые компоненты в морской воде, то они займут дно Мирового океана по меньшей мере на пятьдесят метров по толщине...

Да, многое изменилось со времени, когда сочинялись сказки о волшебных мельницах и соляных горах на дне морском.

Вот и рыбу уже ловят не неводом, как раньше, а так называемыми «вставками»...

На всей палубе лежат оцинкованные лотки. Их много. Одни порожние, другие доверху завалены мороженой ставридой. В мою обязанность входило готовить наживку. Я доставал из лотка мороженую рыбешку и длинным ножом сек ее на части, а другой матрос Николай Дежкин, склонившись над лотком, наживлял ими крючки. В это время Александр Осипов — рослый и молчаливый, в прошлом футболист местной команды «Торпедо» — старательно и симметрично укладывал капроновую нить.

Самым главным на фелюге был Иван Ильич Губков. Он и шкипер, и бригадир. Богатырского сложения, плечистый, светловолосый, похожий на былинного героя Садко, Иван был душой маленького коллектива. Незаменимый в работе, ловкий, расторопный. Все делал быстро, без шума и суеты.

А вообще Губков и вся его бригада хорошо известны на Черном море. Ребята в ней как на подбор: молодые, ладные, не одну путину вместе работают. Если Ивана по какой-то причине нет, каждый из них может возглавить бригаду. Море изучили как свои пять пальцев. Ведь все они из Феодосии, потомственные рыбаки. Рыбаками были их отцы, а у Ивана Ильича и дед рыбачил. Так что море для них — родная стихия. Конечно, намного проще подыскать работу в городе — почище и недалеко от дома... И времени на отдых было бы больше. Но Иван Ильич и его товарищи все равно предпочитают городской суете рыбацкое дело. Ведь у каждого из них свое море, своя фелюга.

— Курс сто!..— Губков стоит за штурвалом и ведет по компасу туда, где по его предложению должен быть катран.

— Приготовиться!— кричит он и передает штурвал своему помощнику Осипову, а сам подходит к борту, размахивается и бросает в море буй—трехметровый деревянный поплавок. В нижней части — с грузом, в средней — с поплавками из пенопласта, а в верхней — с пестрым флажком. Буй тащит за собой толстую капроновую нить — шворку полукилометровой длины с поводками, крючками и навешанными на них по всей длине наживками (их около трехсот штук). Все это называется вставкой. Вставка удерживается на дне металлическим грузом.

Следим за первой вставкой. В море выбрасываем вторую, третью, четвертую. Каждая отгорожена друг от друга буйками с красными, оранжевыми, синими и даже черными флажками, чтобы легче было их обнаружить в море.

Вот забросили пятую вставку. Тепер в море полторы тысячи

крючков с наживками. Остается только ждать, пока какую-то из них возьмет катран.

Ждем. По свободе можно и морем полюбоваться. А море было спокойным, и только кое-где на его поверхности кружилась пена, а у самого борта резвились дельфины. Они плескались, ныряли, кувыркались, и мне казалось, что они даже плясали возле нашего судна, как только кто-то из команды включал «Спидолу».

То, что дельфины — умные и дружелюбные человеку животные, известно давно. Древнегреческий писатель Плиний Старший описывал, как дельфины заперли в одном из заливов Средиземного моря косяк кефали и не позволили ей выйти до тех пор, пока люди не окончили ловить.

Убеленные сединой крымские рыбаки тоже вспоминали, какой успешной бывает рыбная ловля, если есть «помощник» дельфин. Те же рыбаки поведывали и о том, как дельфины спасают гибнущих, защищают людей от хищников, несут службу лоцманов, ищут затонувшие корабли. Пусть это сказки — красивые и удивительные, но и сказки помогают нам узнать мир, любить прекрасное и учат мыслить..

Ожидание становится тягостным и тревожным. Ведь никто не знает: пойдет катран на приманку или так и останется вставка с наживкой пустой. Обо всем этом думают рыбаки, но не говорят. Говорят они о другом, шутят и смеются.

— Коля, а нос-то у тебя ветерком прихватило... С этим, брат, не шути...

И началось, и началось... Но вот подходит время, когда пора браться и за первую вставку. Тянем на борт буй этой вставки, потом подтягиваем и самую шворку с поводками.

Пусто. И еще раз — пусто. Никто не тронул. Губков молча продолжает тянуть шворку. И на пятом, и на десятом, и на семнадцатом поводке только наживка, а катрана все нет и нет.

И вот где-то на сотом поводке что-то шевельнулось в глубине — пушистое, уродливое, с лапками и длинным хвостом.

— Морская лисица!

Такую диковинную рыбу не часто встретишь. Губков бросает лисицу на палубу. Здесь ее надо быстро обезвредить. Иначе хлопот не оберешься. Дежкин ее тут же глушит деревянным молотком.

— Морока с ней. Сушка, долгая выдержка, размол, но зато отличная мука для домашней птицы и скота получается, — говорит он. — Яйценосность кур в два раза увеличивается.

Потом пошла еще одна лисица, только помельче, морской петух — крупная большеголовая рыба с разноцветными плав-

никами, за ним — два смешных ерша и еще что-то, похожее на пескаря.

Даже Губков уже стал сильно нервничать, но тут неожиданно раздался зуммер.

— Придержи вставку,— крикнул он Дежкину, а сам скорее в кубрик к радиотелефону.

— Я — «Волна-шесть». Я — «Волна-шесть»...

Иван сразу узнал хриплый голос шкипера Королеза.

— Я — «Волна-девять». Я — «Волна-девять». Что случилось?

Прием...

— Иван Ильич, у меня срезало вал. Фелюга потеряла ход, ложимся в дрейф.

— Так что, тебе нужна наша помощь, Анатолий?

И снова гудит зуммер.

— Не спеши, Иван, буксировать. В море штиль. Предлагаю ловить рыбу. Понятно?

— А если что случится, Анатолий?

— Вызову по радиации,— ответил Губкову Королев...

И снова ожила палуба... Пошли морские лисицы, или, как их еще называют, скаты — большие и малые, тощие и пухлые, как подушки для мягкой мебели.

Но катрана пока нет.

И вдруг за бортом мелькнуло что-то темное, округлое, сплющенное с боков, с глазами на одну сторону.

Губков подтягивает улов к борту и выбрасывает на палубу.

— Это наша черноморская камбала,— объясняет он,— крупная, жирная, вкусная и, главное, без мелких косточек. Деликатес.

Я не раз видел камбалу на столе — жареную, отварную и даже запеченную с картофелем и луком, но живую, полуметровую с роскошным коротким хвостом и плавниками вокруг тела увидел впервые.

Потом поймались еще две камбалы размером немного меньше. За ними были пустые крючки, и только на последнем поводке висело что-то длинное и, как мне показалось, то черное, то белое. Это и был катран.

Губков хотел подтянуть катрана к борту, чтобы Дежкин мог зацепить его багром, но акула напряглась, рванулась с крючком, откусила поводок и ушла в море, блеснув острыми плавниками.

— Ну и везет же нам сегодня,— развел руками помощник Губкова Осипов.— Один катран попался, да и тот из-под самого носа удрал.

— Чего здесь зря толктись,— разочарованно промолвил Дежкин,— если все равно дело дохлое.

— А ты не горячись, Николай,— сказал ему Иван Ильич, сблоковтившись о палубную стойку.— У нас еще четыре шворки.

Показался буй второй вставки.

— Подъем!

Выбрали шворку, блеснуло белое брюхо. Акула металась, извивалась, зло вертела хвостом и плавниками, а они у нее острые, как и зубы. Чтобы не сорвалась, Губков аккуратно подвел ее к борту, наклонился, схватил правой рукой за голову и, выхватив из воды, поднял вверх. Сильное, упругое тело билось, сворачивалось в колесо. Губков ловко левой рукой надрезал акулю губу, выдернул крючок и, резко взмахнув, перебросил ее через голову. Катран ударился о наклонный настил палубы и, оглушенный, соскользнул в трюм.

Губков тянул шворку, и почти на каждом крючке — катран.

— Кажется, пошел хищник,— усмехнулся Дежкин, словно оправдываясь за свои первоначальные сомнения.

Вот и третья вставка. Иван Ильич, выбрав момент, сбегал в кубрик, чтобы узнать, как дела у Королева.

— Идти за вами?..

— Ни в коем случае,— ответил Королев.— Продолжайте работать, а мы как-нибудь перебьемся до темноты.

Третью вставку тянул Осипов, а Губков вместо него стал за штурвал. С первого поводка — катран. Еще, еще... Только успевай снимать с крючков. Осипов, как и раньше Губков, больших акул бросал в трюм, а маленьких — за борт: пусть подрастают.

Уже трюм наполовину забит рыбой, а катран все идет и идет. Только приблизились к последнему поводку — снова зуммер.

— Как дела, Иван Ильич? — интересуется Королев.

— Хорошо,— кричит тот в ответ.— Килограммов шестьсот только одного катрана взяли.

— Поздравляю с успехом!

Неспроста так говорит шкипер дрейфующей фелюги. Поймать за день полтонны катрана не всегда удается. Катран — ценная рыба. Что только не делают из нее! При умелой обработке из печени вытапливают целебный жир, с помощью которого лечат туберкулез, кожные заболевания, ожоги, простуду.

— У меня как-то горло заболело, задыхался. На ночь выпил полчашечки катраньего жира — к утру все как рукой сняло,— рассказывает Губков.

— А что из кожи, костей делают? — спрашиваю.

— Из костей и подкожной пленки приготавливают клей. Удивительный клей — металл схватывает намертво! Из кожи де-

лают фетр, шагрень, шьют красивые туфли и сумочки, портмоне и другие галантерейные изделия.

Помогая, чем мог, Губкову, я ловил каждое его слово.

— Но самое ценное у катрана все-таки мясо и плавники. В Скандинавии,— продолжал он,— плавники катрана ценятся выше хека и хамсы, а в Японии, Корее, Китае суп из акульих плавников — такое же изысканное блюдо, как и черепаший.

— Значит, в цене акулье мясо?

— Еще бы! В Лас-Палемасе и Санта-Круссе, на Канарских островах, на мысе Доброй Надежды и в других заморских портах, в которых я не однажды бывал, катраньи блюда ел с аппетитом,— продолжал рассказывать Губков.

— Какие же это блюда?

— Катран с хреном, катран запеченный. В Кейптауне английское фирменное блюдо — катран с жареным картофелем и луком.

— Его подают в горячем виде?

— Горячем, на сковороде. Но есть в английской и французской кухне и холодные блюда из акульего мяса — теша, балык...

— Балык?

Губков подморгнул Дежкину, и тот исчез в кубрике. Через минуту он уже возвратился со свертком в руке.

— Попробуйте,— улыбнулся он и протянул мне кусок вяленой рыбы.

Я отрезал кусок балыка и съел с удовольствием.

— Ну и как?

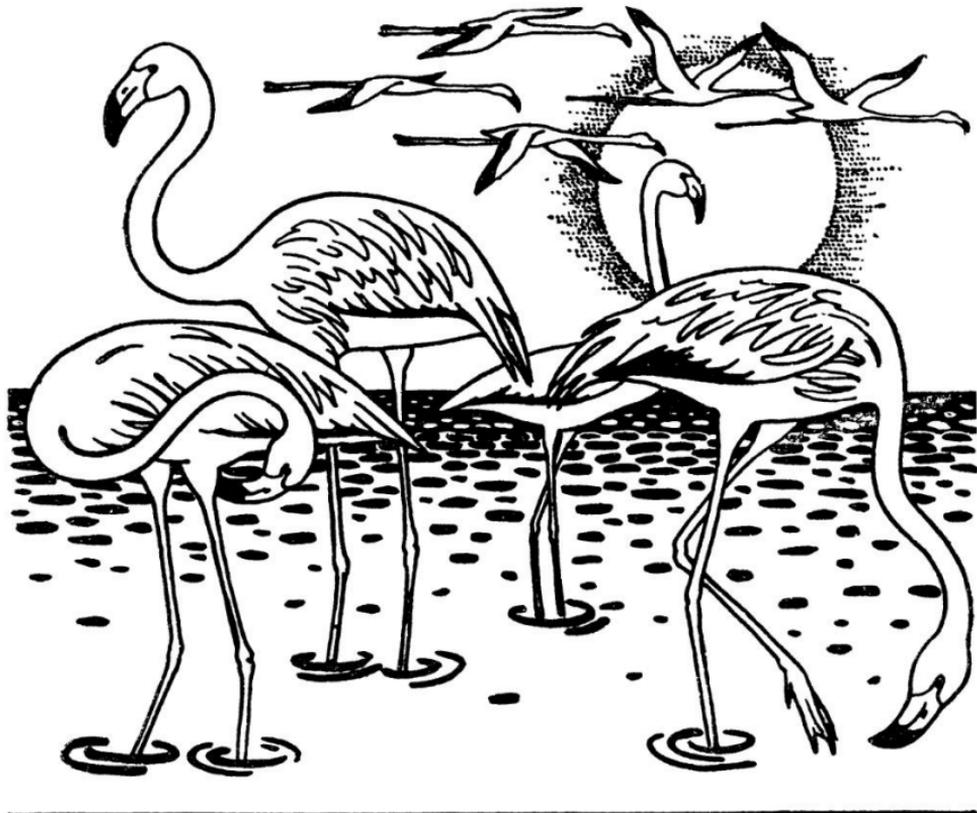
— Вкусно,— кивнул я.— Давно такой кеты не ел.

— Какая кета? — засмеялся Губков.— Ведь это балык из самого обыкновенного акульего мяса.

Прошел день. В предвечерних сумерках мы выбрали пятую вставку. Улов отменный — больше тонны. Но и это для бригады Ивана Ильича Губкова не предел. Рассказывают, что они привозили на колхозный причал и по две тонны...

Солнце уже окрасило фелюгу в заманчивые красные тона, море тоже становилось красным. Наступала темнота. Выбрав последнюю вставку, мы направились за фелюгой Королева. Спешили. Море есть море. Еще каких-то полчаса назад оно было тихим, ласковым, но вот подул свежий ветер. Сначала он дружески рябил воду, потом стал разгонять острую волну и, срывая с ее верхушек брызги, бросал их с размаху на нашу фелюгу.

Когда подошли к дрейфующей фелюге, уже совсем стемнело. Хотя море и ходило ходуном, Губков быстро подтянул швартовы, взял на буксир дрейфующее суденышко и, круто развернувшись, направился к берегу...

ТАМ, ГДЕ ЗИМУЮТ ФЛАМИНГО

Город у Красных вод. Аваза! «Казанка» уходит в море.
Вижу маяк. В бухте Бековича. Пернатые поселенцы.
Командант птичьих островов. На тюленьем лежбище.

Помнится, более сорока лет назад, когда я был студентом института, в маленькой комнате общежития мой хороший друг Андрей Дворниченко много рассказывал о Каспии. Мечтал и я побывать в этих благодатных краях, но все как-то не удавалось. Беспокойная профессия инженера-испытателя локомотивов иногда забрасывала не туда, куда хотелось поехать. Но вот много лет спустя республиканское общество «Знание» Туркменистана пригласило меня, как участника партизанского движения на Украине в годы Великой Отечественной войны, поделиться воспоминаниями о суровых годах борьбы с фашистскими захватчиками. Я, конечно, не раздумывая согласился.

...После цветущего Баку Красноводск, крупнейший город на восточном побережье Каспия, сначала показался одноцветным. Но это только на первый взгляд. Строительный камень гош, из которого сооружены здесь все дома, имеет розоватый, сиреневый и даже коричневый оттенки. Даже цвет гор здесь много раз на день меняется, становясь то оранжевым, как дыня, то желто-зеленым, как айва, то вдруг перед закатом — ярко-розовым, отчего и травянисто-зеленые воды Каспия тоже алеют. Может быть, потому и назван город Красноводском.

Воздух в городе сух, несмотря на близость моря. И еще — здесь нет своей пресной воды. И тем не менее, в Красноводске зеленеют скверы, парки, цветники.

Воду красноводчанам доставляют морем из Баку, а также по специальным трубам из Джибела, подземного моря, которое находится в 140 километрах от города. Работают также опреснители морской воды.

— Опреснители вы сможете увидеть и у себя на Украине, — убеждал меня Аннагельды Аннагельдинов, второй секретарь Красноводского горкома комсомола, а вот Авазу!..

— А что там в Авазе — пески, верблюжья колючка?

— В Авазе — миндаль, персик! — воскликнул Аннагельды, и мы направились к автобусной остановке.

И вот мчимся серой, безжизненной пустыней в Авазу. Вокруг — песчаные барханы, колючки, от которых, кажется, верблюды бы плевался.

— Ну что тут может расти, Аннагельды? — пожимаю плечами.

А Аннагельды свое:

— Миндаль, шелковица, отличные дыни, арбузы...

Через каких-нибудь двадцать с лишним минут я и сам в этом убедился. Соленое море, а на берегу зеленеют фруктовые деревья высотой в три метра.

— Держите! — улыбаясь говорит Аннагельды.

И вот я держу в руках золотистый персик, большой, холодный, который, казалось, не есть надо, а поместить на видном месте в музей.

— Вы только посмотрите, какие здесь розы!.. «Сердце Данко», «солнце» и еще двадцать два сорта. А георгины — бледно-розовые, белые, сиреневые... А гвоздики!

Аннагельды скромно замолчал. На широкой фруктовой аллее показался плотный мужчина лет пятидесяти в узорчатой тенниске и соломенной шляпе.

— Знакомьтесь, Георгий Агабекович Баданов, заместитель директора теплоцентрали...

Лицо у Георгия Агабековича доброе, открытое. Улыбка чуть

усталая. Я смотрел на него с искренней признательностью, думая о том, как трудно приходится здесь работать.

— Когда мы начали озеленять этот край,— рассказывает Георгий Агабекович,— над нашими первыми опытами кое-кто смеялся, уверяя, что пустыня может рожать только пески.

Но молодой фронтовик тогда не отступил (Баданов начал здесь работать сразу же, как только вернулся с войны). Во время строительства городской теплоцентрали он добился, чтобы трубы были проложены и к берегу моря. Когда сюда пришла вода, ее охлаждали и использовали для полива саженцев.

Теперь Аваза — пансионат энергетиков, о котором знает вся страна. Пансионат в знойных Каракумах, у самого соленого моря.

Не менее красивыми местами оказались и близлежащие от Красноводска морские заливы и острова, куда мы поехали после Аваза. Моими спутниками были старший егерь Красноводского заповедника Геннадий Николаевич Войтин и общительный моторист Венедикт Алексеевич Лунин, который просил называть его просто Веней.

Оказавшись с Веней на одной моторной лодке, я вспомнил, что это именно о нем красноводчане говорили: «Лунина и зимой можно встретить в море — то подвозит бедствующим птицам корм, то выходит на связь с самыми отдаленными островами».

«Казанка», так Веня называет свой катер, мчит по морю, почти не оставляя волн. Было ощущение не плавания, а езды на «Жигулях» — ровной, стремительной.

Обогнув полуостров Атдепе, вошли в Михайловский залив, а уже оттуда прямым ходом направились к бухте Бековича. Бухта историческая. В петровские времена здесь высаживался с отрядом князь Александр Бекович, кавказец по происхождению, образованный по тому времени человек, собственно, основатель «крепости у Красных вод» — нынешнего Красноводска.

В бухте Бековича, на самом краю красноводской косы, стоит белая-белая башенка маяка. Его сигналы знакомы морякам всего Каспия. Когда корабли проходят мимо косы, моряки в любую погоду выходят на палубу, всматриваясь в туманный горизонт. И радуется тот, кто первым увидит силуэт маяка.

Много кораблей ежегодно проходит мимо красноводской косы, вот уже четверть века провожает и встречает их Сергей Павлович Чернов.

— На маяке работал мой дедушка,— рассказывает Сергей Павлович,— потом отец, теперь я...

Перед самым отъездом узнал, что Чернов — ветеран войны. Пятнадцатилетним мальчишкой ушел он на фронт и прошел от берегов Дона до Берлина, награжден орденом Славы и боевыми медалями. Когда демобилизовался, в 1951 году по примеру отца и деда стал работать на маяке. Здесь же трудится и его дочь. История маяка богата событиями. Построен он давно, еще в дореволюционные годы. Первым светильником на Бековичах была чаша с оливковым маслом, позже — керосиновый фонарь, а затем и электрический прожектор.

Около миллиона свечей освещают путь кораблям. В туман, когда видимость менее трех миль, подключается звукосигнальная установка, и над морем тогда слышны прерывистые гудки.

За прошедшее время многое изменилось на маяке. Ушла в историю романтическая должность смотрителя. Сейчас здесь работают не смотрители, а люди, хорошо знающие технику. Но традиции здесь живут: каждый вечер на самый верх башни поднимается вахтенный. Туда ведут 170 ступенек винтовой лестницы. Вахтенный торжественно снимает чехол со светильника, похожего на огромную хрустальную вазу. Все в порядке — значит, с последним лучом заходящего солнца над морем вспыхнут лучи маяка, а на проходящих кораблях вахтенный штурман нарушит тишину мостика криком:

— Вижу Бековичи!..

Из бухты Бековичи держим путь на острова.

— Видите темные пятна на поверхности моря? — не отрываясь от смотрового щитка, говорит моторист Лунин. — Это стаи лысух, а дальше за ними — кряквы, нырки, крохали, лутки, а еще дальше — шилохвости, чирки, совки...

Я бывал в дельте Дуная, на заповедных черноморских островах, но нигде не видел такого разнообразия птиц, как здесь.

— Желтые, белые, оранжевые, серые, бежевые и даже красные. Всяких птиц у вас, наверное, миллион?

— Нет, больше, — отвечает Войтин. — Весной, когда массы пернатых спешат с южных зимовок домой — на Каспий, на Урал, в казахстанские степи, к берегам сибирских рек, их еще больше — десять, а может быть, и двенадцать миллионов...

Первыми в середине марта прилетают лебеди-кликуны, потом лебеди-шипунуны, кряква, юркие чирки, бакланы.

— Прилетает весной и очень редкая птица с красным клювом — белый журавль-стерх, — после короткой паузы продолжает старший егерь, — а их осталось на земле немного, что-то около двухсот пар...

Куда же летят неугомонные путешественники? Где они проводят зиму? На эти и другие вопросы ученые получают ответы лишь с помощью кольцевания.

Именно кольца, порой попадающие в руки орнитологов, рассказывают об удивительных странствиях пернатых пришельцев. Каспийских уток находят в Иране, а похожую на аиста каравайку — в Эфиопии, Албании. Снятое с лапки одной из птиц кольцо позволило зафиксировать перелет каравайки в западную часть Судана. Но есть птицы, которые совершают перелеты и на пять, и на десять, и даже на двадцать тысяч километров. Моряки китобойной флотилии «Слава» поймали полярную крачку, небольшую изящную птицу, ближайшую родственницу наших чак, в водах Антарктиды. Чтобы попасть туда, крылатому «марафонцу» пришлось обогнуть, по меньшей мере, западное побережье Европы и Африки.

Полярные крачки, каспийские утки, каравайки и многие другие виды пернатых представляют армию непревзойденных летунов. Только удивляешься, откуда в этих маленьких существах столько сил и энергии берется, чтобы совершать перелеты на столь длинные дистанции. У каждой птицы, даже самой маленькой, есть свое «горючее» — жир, которым она запасается перед полетом.

Слушая старшего егеря, я почему-то подумал и о летной погоде. Ведь расписание движения пернатых никак не связано с метеорологическими условиями. Хорошо бы и Аэрофлоту быть таким же «всепогодным»...

Подходим к острову Шинкаренко. Тут стоят специальные сети-дараданы, из которых в период кольцевания вынимают запутавшихся в сетях птиц, кольцуют и выпускают на волю.

— Кто же занимается у вас кольцеванием?

— Научные сотрудники и лично директор, кандидат биологических наук Владислав Иванович Васильев.

Когда я услышал о Васильеве, вспомнил свое первое знакомство с ним. Владислав Иванович — инвалид, еще в юности остался без ноги. Вся его жизнь проходит в море, на островах, где гнездятся птицы. Однажды в открытом море он подобрал фламинго с простреленным крылом и забрал птицу домой, поил, кормил ее, пока не поставил на ноги. В другой раз его моторную лодку обстреляли браконьеры. Не удивительно, что о Васильеве ходят легенды...

Жарко. Небольшие тучки, которые было собрались поутру, разошлись, солнце припекало. Хорошо бы искупаться! И, не раздумывая, я прямо с берега в море. Когда вынырнул, обомлел от страха: слева и справа от меня, подняв из воды головы, плыли змеи. Ну, думаю, сейчас бросятся... Время жаркое. Яд особенно смертоносно действует.

— Что случилось? — подбегает Веня.

— Змеи...

— Какие змеи? Это ведь обычные водяные ужи...

Но настроение было уже испорчено, и мне не хотелось больше оставаться на этом «змеином» острове.

С острова Шинкаренко мы поплыли на Малый Осушной, один из трех островов этой группы.

— Куда причаливать? — подплывая к Малому Осушному, кричит Веня.

Стоявший на берегу подтянутый мужчина, в котором нетрудно было узнать в прошлом военного, показал рукой, что подходить нужно туда, где он стоит. Мы повернули «Казанку», но она тут же встала на дыбы, брызги резко хлестнули по лицам.

С большим трудом наконец уткнулись в песчаный берег и торопливо соскочили на гальку. Волна все же лизнула пеной ноги.

— Здравствуйтесь, — улыбаясь сказал мужчина. — Сыровый Алексей Михайлович. А это, — указал он на стоявшую рядом с ним женщину, — Римма Викторовна, моя жена.

У Сыровых двое детей: сын в армии, а дочь в школе-интернате. Здесь, на островной земле, отец и мать ведут наблюдения за жизнью птиц. Алексей Михайлович — старший егерь, как бы сказать, комендант птичьих островов. Его жена — тоже егерь, но еще и повар, и радист, и врач...

— Конечно, на острове нет того комфорта, что в городе, — говорит Алексей Михайлович, — но есть телевизор, радио.

— Не скучно все время в одиночестве?

— Ничего, не скучаем, работы хватает и летом, и зимой.

— Бывают ли рискованные ситуации у вас, — я пошевеливаю пальцами, подбирая нужные слова, — особые случаи, что ли?

— Какие там особые... Самая что ни на есть будничная работа. Бывает, под лед провалишься, спасая лебедей; случается, перевязку заболевшей птице сделаешь, подкормишь тюлененка, выходишь цаплю или филина...

В оживленном разговоре незаметно выбрались на длинную косу. На самом мелководье бегают, опустив книзу головы, тысячи разнообразных куликов. Они, словно изогнутым прутиком, разгребают длинными клювами еще мягкий ил, добывая из него какую-то пищу.

— А это что, Алексей Михайлович? — увидев что-то необычное по цвету и совсем не свойственное морю, спросил я егеря.

— Розовые фламинго. Одно время эта красивая птица была в наших местах диковинкой.

— А сейчас?

Алексей Михайлович ответил не сразу:

— Грустно подумать, что фламинго вообще на территории нашей страны осталось не более двадцати тысяч...

Вдруг розовое пятно, вернее, полоска, замеченная вдали, шевельнулась. Кем-то спугнутые, птицы замахали крыльями и с гоготаньем поднялись над косой...

— Посмотрели бы осенью!.. Стаи фламинго вместе с молодняком поднимаются на крыло и совершают разминку перед отлетом в теплые края.

Фламинго — птица пугливая, осторожная. Едва начнешь приближаться к ней, старается подальше скрыться с глаз, но нам везло. Стая фламинго направлялась в нашу сторону, летела к соседнему, видимо, запасному месту кормежки.

Птицы летали, кружились и долго не садились, словно к чему-то присматриваясь. Но вот одна из них, видно, старшая в стае, странно захлопала крыльями, издала какой-то пронзительный звук и в тот же миг устремила к воде, а за ней и вся стая. И еще через минуту я увидел на воде вблизи нас грациозных птиц с краснокрылым оперением, напоминавшим отблески зари. Их изящные, почти лебединые шеи, стройные голенастые ноги, как у цапли, изогнутые книзу клювы не могли не вызывать изумления.

В этот же день, налюбовавшись всем увиденным, мы побывали и на других островах. Два часа пути по морю могут показаться бесконечными, если тугой, не по-летнему холодный ветер бьет в лицо, а волны перекатываются через палубу юркой моторной лодки. Но все это: и волны, и ветер, и низкие тучи, стелющиеся над водой,— вдруг исчезли, едва мы причалили к белоснежной ракушечьей отмели острова Большой Осушной.

— Итак, к ластоногим с визитом идем!— торжественно объявил Веня, выключив на ходу мотор «Казанки».

На длинной косе неподвижно лежали тюлени. В тихие солнечные дни, разморенные зноем, они собираются на лежке большими колониями — в сорок-пятьдесят особей. Отдохнув немного на берегу, ластоногие бросались в море, то глубоко ныряя, то вновь высывая из воды свои блестящие смешные носы.

Очень забавны и доверчивы тюлененки. Не случайно талисманом на олимпийской парусной регате в Таллине был тюлененок Вигри. «Вийгер» — по-эстонски «тюлень». Вигри — уменьшительное, ласкательное от «вийгера».

«Пляжный сезон» тюленьи стада проводят в теплых водах южного Каспия, а на зимовку устремляются к Мангышлакскому заливу, к тюленьим островам, на свои обжитые места.

Там у них лежбища — «квартиры» и «солярий» на льду. Там же всегда в изобилии и корм — килька и другая мелкая рыбешка. В предвесенние дни прямо на льду животные приносят потомство. Тюленята рождаются зеленоватыми и не по-

тюленьи шустрыми. Однако через несколько дней они белеют. Самки тюленей с первого дня появления на свет детенышей две недели держат их на усиленном питании. Детеныши-бельки растут и набирают вес не по дням, а по часам.

Оставшись одни, тюленята-бельки неделями неподвижно лежат, греясь на ярком весеннем солнце. В апреле, сменив белоснежную шубу на серую, они становятся резвыми, быстрыми и начинают самостоятельную жизнь, во всем повторяя повадки своих родителей.

Я всегда думал, что тюлени — боязливые животные. Но это оказалось не так. Мне не раз приходилось видеть, как они плавают, ныряют, греют животы на солнце. Очень близко они подпускают к себе проходящий катер или рыбацкую лодку, а потом долго следуют за ними, словно почетный эскорт. Плавают они быстро и часто гоняются за косяками кильки, оказываясь порой у бортов рыбацких сейнеров.

На Каспии был случай, когда однажды рыбонасос вместе с килькой доставил на палубу сейнера и тюлененка. Морякам пришлось по душе ластоногий пришелец. Они соорудили для него брезентовый бассейн. Малыш оказался потешным — очень любил музыку, особенно джазовую.

Пребывая на Каспии, я прослышал, что тюлени не только поклонники музыки, но и «сердцееды». На пляже у Авазы к одной из приезжих купальщиц подплыл молодой тюлень и обхватил шею девушки лапами. Думаю, не стоит описывать выражение лица у девушки, когда она оглянулась и увидела ластоногого донжуана... Но то, что я потом услышал, а затем и сам увидел на острове Осушном, меня совершенно поразило...

Веня остался в лодке, а я вышел на берег. На лежбище не жились шесть тюленей. Они подпустили меня довольно близко, позволили сфотографировать. Правда, при резких движениях угрожающе разевали рты и рычали.

— Не обращайтесь на это внимания, — говорил мне моторист, — тюлени человека не трогают.

Однако все было, к сожалению, по-другому. Поначалу животные не проявляли особого интереса ко мне, но потом пять из них, лежавшие на песчаной косе, вдруг зашевелились и направились в мою сторону. Что бы это значило? Метрах в трех от меня тюлени остановились, попрыгали, потом махнули лапами и — в море, как бы приглашая и там поиграть с ними.

На песчаной косе остался один тюлень, самый молодой и, как мне показалось, самый отчаянный драчун.

Два или три раза драчун переходил в атаку, а потом все-таки решил, что не я главный нарушитель спокойствия, а моторист. Тюлень нырнул в воду и пошел в атаку на моторку. Ве-

ня, как умел, отбивался от «агрессора», а тюлень все норовил ухватить весло зубами. Минут двадцать продолжался поединок, пока обессиленный тюлененок не уплыл в море.

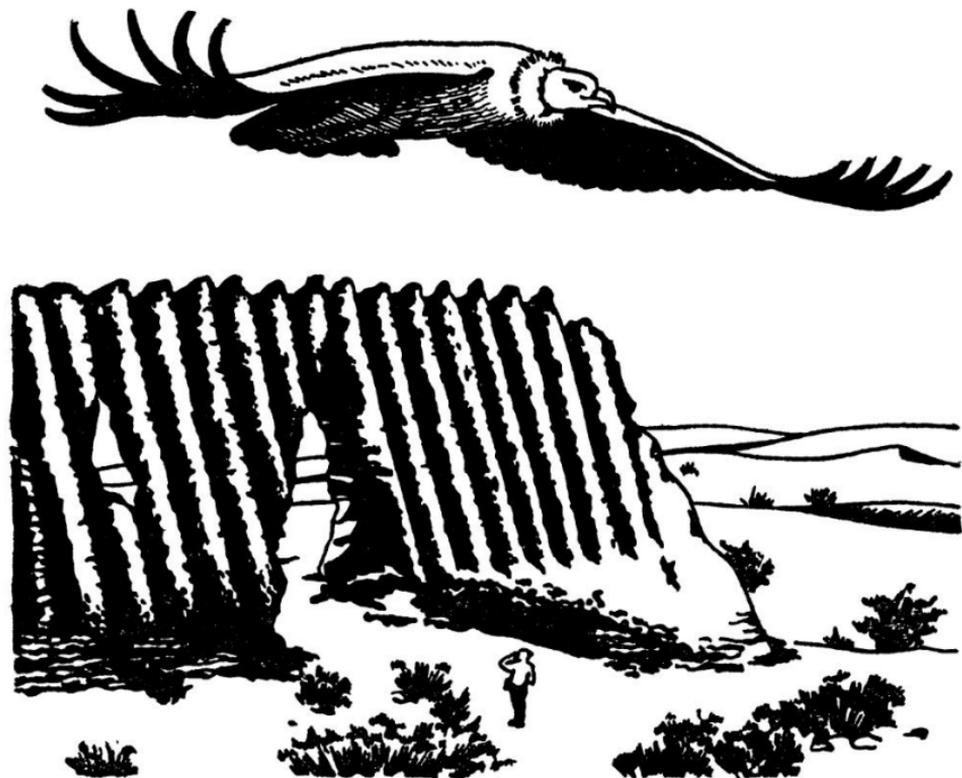
Что бы означала подобная агрессивность! Перед отъездом из Красноводска директор заповедника Владислав Иванович Васильев «хулиганские выходки» молодого тюленя объяснил тем, что, видимо, раньше кто-то его обидел. Мы тюленя не дразнили, не обижали, так в чем же дело?

— Во время одной из потасовок на лежбище кто-то из тюленей поранил своего собрата,— заключает Владислав Иванович.— Вот он и сгонял на вас злость...

Еще день мы плавали Каспийским морем, заглядывали на ближние острова. Хотелось побывать и на дальних, но не получилось — подвела «небесная канцелярия».

— Метеосводка предполагает шторм в восемь баллов, — предупредил комендант птичьих островов Алексей Михайлович Сыровой.

День уходил, а ночь еще не начиналась. Не ждать же, пока заштормит море, и мы, тепло попрощавшись с Алексеем Михайловичем и его гостеприимной супругой Риммой Викторовной, отбыли в Красноводск.

ДОРОГА НА БАДХЫЗ

На 117-м километре. Нарлы Момадович. В древнем Мерве.
Поезд идет на Кушку. Исцелитель колодцев. У самой южной границы,
На птичьем пиру. Наедине с коброй.

Когда-то из маленького аула Ших, у каспийского берега, через горные хребты и песчаные барханы лежал вьючный путь на древнюю Хиву, Мерв и Самарканд. Теперь в глубину Средней Азии из Красноводска тянутся стальные пути, вдоль которых выросли станции, рабочие поселки и среди них — город Небит-Даг.

Небит-Даг — столица туркменских нефтяников. Примерно три десятка лет это место на географической карте обозначалось еле заметной точкой. Вокруг разъезда, где стоял одинокий двухосный вагончик, простиралась бескрайняя пустыня. Сейчас этот город нефтяников выглядит прекрасно: молодой, зе-

ленный, с прямыми нарядными улицами, кварталами благоустроенных домов, цветниками, фонтанами. Думаешь, откуда все это, если в радиусе ста километров нет ни реки, ни озера, ни даже колодца с пресной водой.

Когда-то в этих местах протекала Амударья, но потом река взбунтовалась и потекла в Аральское море. Восточная легенда утверждала: там, где теперь город Байрам-Али, жил один из правителей средневекового государства сельджуков, предков нынешних туркмен, султан Санджар.

Однажды султан предупредил хорезмского шейха: если тот не отдаст за него замуж свою дочь, то он, султан Санджар, запрудит реку и направит всю до капли в Каспийское море. Шейх не обратил на это внимания, и тогда Санджар привел свою угрозу в исполнение.

Дочь шейха, красавица Дюрабек, имела сердце мягкое, любила свой народ. Поэтому решила она пожертвовать собою и спасти страну от голода и разорения. Она объявила всем, что сама добровольно отправится к султану Санджару и останется у него, если он вновь пустит воды Амударьи в Хорезм. Дюрабек сдержала свое слово, и Амударья снова повернула в Хорезм, но, повернув, навсегда покинула старое русло, забыв прежний путь в Каспийское море.

Так гласит восточная легенда. Ничего не знала о ней молодая выпускница Украинской сельскохозяйственной академии Надежда Шевченко, но с детства она знала цену воды в засушливых степях родной Таврии. После окончания высшего учебного заведения молодой гидролог приехала в Туркмению, в Каракумы, искать воду в тех местах, где некогда протекала Амударья. Почти пять лет гидролог Шевченко искала пресную воду и нашла под барханами море. Теперь это подземное море площадью в две тысячи квадратных километров поит нефтяников Небит-Дага водой, идет по водоводам сквозь пустыню до самого Каспия, на полуостров Челекен и в самый Красноводск.

Так древняя восточная легенда переплелась с действительностью.

Ахча-Куймай... Громохая колесами, скорый поезд мчится все дальше и дальше. В окнах мелькают пески с серой полыньей и редкими кустарниками саксаула, а справа проплывают горы Копетдага с красными, розовыми от солнца расцветками скал.

— Любуетесь? — спросил сосед по купе.

Мы познакомились с ним еще в Красноводске, на вокзале. Он подошел к вагону, улыбочивый, с большим желтым портфелем.

— Вы едете в Мары?

Это был Нарлы Момадович Валиев, ставший моим соседом по купе. В поездах люди быстро сближаются. Так вышло и с нами.

— Помню, пришел из института на хлопкоочистительный завод,— рассказывает он,— и сразу вся моя жизнь перевернулась. В институте как было? Получил «пятерку» — сам собой гордишься, получил «двойку» — сам и наказан. На заводе все по-другому. Хорошо трудишься, по-хозяйски бережешь сырье, электроэнергию, дорожишь рабочим временем — и тебе лучше и всей бригаде, цеху и в целом заводу.

— Вы говорите как инженер-экономист?

— Нет, теперь уже как директор предприятия.

— Как я понял, Нарлы Момадович, у туркменов шерсть, хлопок — главное богатство?

— Не только у туркменов.— Нарлы словно и не слушал, что я ему говорил.— Вы, кажется, в прошлом железнодорожник,— перебил он меня.— Так знаете, что в этом вагоне почти все из хлопка. Линолеум, текстолит, изоляция, ткань. А это? — он приподнялся с места и показал на стоявшие под сиденьем туфли.— Думаете, из чего они? Тоже из хлопка. Даже ваша тенниска, поясной ремень — все из хлопка...

За широкими окнами вагона по-прежнему мелькали пески Каракумов и отроги Копетдага. Только горы теперь становились ниже и не так блестели плешинами скал, как раньше. Но скоро, с наступлением темноты, и они исчезли на небосклоне.

Ночью проехали Ашхабад, Душак, Теджен, а когда розовая полоска рассвета разрослась в полнеба, прибыли в Мары, в тот самый город, где ткут знаменитые текинские ковры, выпускают нефтяные насосы, вырабатывают тончайшее хлопковое полотно.

— Мары — новый город,— говорит Нарлы Момадович,— а я найду время, чтобы показать вам древний Мерв.

— Тот, что на востоке?

— Да, в двадцати километрах от нашего города,— уточнил Валиев.

Древний Мерв! На весь мир он славился своими шелками, именами ювелиров, оружейников и гончаров. Здесь находили приют и вдохновенье поэты Омар Хайям и Алишер Навои...

Разрушался и вновь подымался из руин Мерв. Две страшные ночи довершили историю города. Первая — когда в город ворвались орды Чингис-хана, вторая — когда один из завоевателей приказал разрушить плотину и река Мургаб в считанные часы смыла городские кварталы.

Мы и на следующий день знакомимся с Мервом — столицей древнего государства. Когда-то это был город с изумитель-

ными дворцами, храмами, но время стерло их с лица земли, и даже их многочисленные руины похоронены под песком. Только мавзолеей того самого султана Санджара, о котором повествует легенда, возвышается среди развалин. Ослепительно сверкающий купол сорокаметровой высоты и сейчас виден далеко окрест...

Время частично разрушило купол мавзолея, голубые изразцы. Не уцелели и многочисленные узоры каменных решеток, внутренний богатый орнамент. Этот мавзолеей собираются вскоре реставрировать. И тогда, хочется верить, снова засверкают надписи арабской вязью из тонких золотых пластинок, заиграют цветастые узоры, созданные мастерами XII столетия.

Три дня я жил в Марах. На четвертый из Ашхабада позвонил Владимир Яковлевич Ковешников и сообщил, что можно ехать в Бадхыз, где нас встретит Атамурадов.

Хибибула Атамурадов — заместитель директора Бадхызского заповедника, а Владимир Яковлевич Ковешников — начальник управления охотничьего хозяйства Туркмении.

Телефонный звонок из Ашхабада, естественно, обрадовал меня, и я незамедлительно принялся укладывать рюкзак..

...Наполняя долину гулом и приглушенным свистом, поезд быстро мчится на юг. За окном — пески и пески. Теперь они уже тянутся с двух сторон колеи, и, только начиная с Сарыязинского водохранилища, ландшафт понемногу оживляется. Снова показались горы, правда, невысокие, но все-таки горы.

Ташкепри. Это девятая по счету остановка после Мары. С подходом поезда к станции наше купе оживилось. Двое из попутчиков сошли на станции. Один из них особенно запал в душу. Звали его Анапурой. Был он безбородый мужчина в длинном халате и бараньей папахе-тельпеке. Выглядел значительно моложе своих лет, и только лучи морщин, разбежавшиеся от уголков глаз, выказывали, что Анапуре под пятьдесят. Он ехал в Ташкепри к сыну.

— А кто ваш сын? — спросил я.

— Механизатор, на тракторе работает.

— А вы, наверное, мелиоратор, — вспомнил я оброненную Анапурой фразу: «В Туркмении не зря говорят: вода родит».

— Почти, — ответил Анапура, — я мастер по колодцам.

Колодцы в пустыне, как бакены на речном фарватере, указывают маршрут и означают не только воду, но и жизнь.

Подчас на сто и больше метров приходится пробивать зыбучие пески, чтобы добраться до воды. Не потому ли вечная шутка, приписываемая Ходже Насреддину, гласит, что самый практический способ построить минарет — это вырыть колодец и вывернуть его наизнанку? Если бы удалось поступить так с

самым глубоким каракумским колодцем Гоша-Суйджи, о котором мне рассказывал Анапура, наверное, башня получилась бы под стать Эйфелевой. Глубина его 274 метра.

Но вот этот самый колодец и постигла беда. Его шахта обветшала, обвалилась, и почти не стало воды. За Суйджу и взялся Анапура.

— Ну и как, привели в порядок Гоша-Суйджу?

— Словно в благодарность за наш труд,— застенчиво улыбнулся Анапура,— на дне колодца забили вдруг новые роднички...

— Кому на Полтавку, Алексеевку? — объявил проводник.

Мы подъезжали к новым станциям.

Наверное, мало кто знает, что на самом крайнем юге страны, на туркменской земле, есть много сел с украинскими названиями. Как они появились здесь, кто их основал и когда?

В конце прошлого века по «высочайшему повелению» на самой границе с Афганистаном поселились выходцы с Полтавщины, Харьковщины. Они поставили свои белые хаты, покрыли их местным камышом, обнесли глиняными дувалами и посадили у каждого дома черенки тополя, вербы, акации, привезенные с берегов Псела и древнего Славутича. Изливая свою грусть по родному краю, они и назвали свои села и хутора Полтавкой, Алексеевкой, Днепровкой.

И опять голос проводника:

— Кому на Моргуновку — выходи.

Это уже была наша станция. Как и обещал Владимир Яковлевич, нас действительно встретил Атамурадов. Прежде чем направиться на центральную усадьбу заповедника, он показал Кушку.

Кушка — самая южная точка нашей страны. Я знал это со школьной скамьи.

И все-таки что же собой представляет Кушка?

Кушка — прежде всего, речушка, небольшая и летом совершенно пересыхающая; зато весной, при выпадении в горах Северного Афганистана обильных осадков, она преобразуется до неузнаваемости, показывая свой строптивый характер: катит по руслу камни и все, что стоит на пути у потока.

Кушка — это и горы, которые окружают ее почти со всех сторон. Если с юга склоны гор выгорают за лето, то с севера они буйствуют разнотравьем до самой осени.

Как город, Кушка представляет собой городское поселение с двумя улицами и обеими главными.

...Въезжаем в маленькую триумфальную арку. Это северные ворота. Есть еще и южные. Воротам множество лет, Крепостные стены исчезли, а ворота остались,

Так чем же все-таки славится Кушка?

Помнится, что на этот вопрос как-то отвечали читатели «Комсомольской правды». Одни заметили просто, что это самая южная точка страны, другие — что самая жаркая (в июле-августе температура нередко переходит за отметку 40°), третьи утверждают, что Кушка славится огромным каменным крестом, поставленным в самой высокой части города как знак нерушимости границ.

Кушка — это еще и ворота в дружеский Афганистан, который виден отсюда с крыльца местного кинотеатра.

Но больше всего Кушка славится боевым орденом Красного Знамени и Бадхызом.

Летом тысяча девятьсот восемнадцатого года контрреволюция захватила власть на юге Туркменистана, и только Кушка, боевая крепость революции, оставалась неприступной. Три недели длилась героическая оборона, а когда подошли части Красной Армии, защитники крепости передали ей одиннадцать эшелонов боевой техники и вооружения, отбитых у белогвардейцев.

Кушка, вернее воинская часть, которая ее защищала, была отмечена орденом Красного Знамени. К боевому знамени его прикреплял лично Михаил Васильевич Фрунзе...

Теперь асфальтовая дорога ведет нас в Бадхыз, туда, где «рождается ветер» (так Бадхыз переводится с туркменского).

Чтобы добраться к самому Бадхызу, к его заповедным землям, например, к Куланьему плато, к впадине Еройландуз или к хребту Гезгядык, нужно проехать не менее ста километров тяжелой проселочной дорогой по степям, барханам, пескам.

Нас в автомобиле трое: молодой ученый-биолог Валерий Иванович Кузнецов, водитель Берекет Акылов и я. Берекет считает себя здешним старожилом. Вот уже десять лет он работает в заповеднике. У него глаза, как у беркута. Вот он притормаживает и соскакивает на обочину.

— Посмотрите, посмотрите! — восклицает.

Я смотрю, но сначала ничего не вижу. А Берекет с едва заметной норы уже тянет за хвост упирающегося варана. Еще проехали немного — Берекет снова тормозит и спрашивает:

— А это чьи следы? — и, не ожидая ответа, продолжает: —

— Джейраньи.

— А большие, глубокие?

Берекет не сразу отвечает. Приглядывается к следу и после короткой паузы улыбается: «Большие, глубокие — конечно, полосатой гиены», — и тут же рассказывает, как однажды он точно по таким следам вышел к оврагу, на краю которого увидел полосатую гиену с тушей джейрана в зубах...

— Следы — это целая книга, — вступает в разговор и Валерий Иванович Кузнецов. — Особенно легко читать их по утрам, когда земля еще влажная от ночной росы и отчетливо видны отпечатки ног многочисленных обитателей Бадхыза.

С рассветом, когда мы направились к южным границам заповедника, к котловану Еройландуза, мы встречали не только следы, но и самих его обитателей.

Мы часто останавливались по пути. Стараясь не шуметь, выбиралась из кабины ЗИЛа, спускались на землю и прислушивались. Вот глядим: из густых зарослей беззвучно появляется рыжеватая мордочка.

— Корсачонок, — шепчет на ухо Берекет. — Он еще молодой и, видно, по неопытности направляется к нашему «ЗИЛу».

Удовлетворив свое любопытство, корсачонок снова забрался в заросли, и только слышно было, как под его лапками зашуршали давно поблекшие цветы пустынного ириса.

И все-таки самые шумливые обитатели Бадхыза не звери, а птицы — вороны, коршуны, грифы, белоголовые сипы, орлы. Это не залетные пернатые, а свои, постоянно здесь обитающие.

Самыми первыми, скажем, к падшей овце, кулану или джейрану слетаются вороны. Затем налетают грифы, потом — белоголовые сипы... А когда, кажется, уже ничего от овцы или кулана не осталось, на пиршество прибывает собственной персоной орел-бородач. Его доля в этой трапезе — кожа, кости и сухожилия.

Трудно сказать, насколько вредны или полезны эти хищные птицы, но скорее их следует считать полезными, так как они кормятся в основном падалью, уничтожают степных полевок, молодых сусликов, не пренебрегают также саранчой, коршуны же у воды ловят даже водяных крыс и лягушек. Это дает основание назвать здешних пернатых хищников птицами-санитарами.

В бадхызской степи встречались и сарычи-курганники. Мне не впервые приходится видеть сарычей, этих довольно распространенных у нас птиц, но те, которых я видел раньше, были небольшими, какими-то рыжими или в серых пятнышках, с широким коротким хвостом. А вот в Бадхызе нам повстречалась гигантская птица этого вида.

Необычен этот пернатый хищник. Кузнецов рассказал мне, что, готовясь к выведению потомства, сарыч строит очень большой дом. В пятидесяти метрах от дороги мы увидели единственный на большом пространстве куст кандыма. Он был словно придавлен огромным гнездом сарыча. Оно было таким большим, что в нем без труда мог бы улечься даже человек.

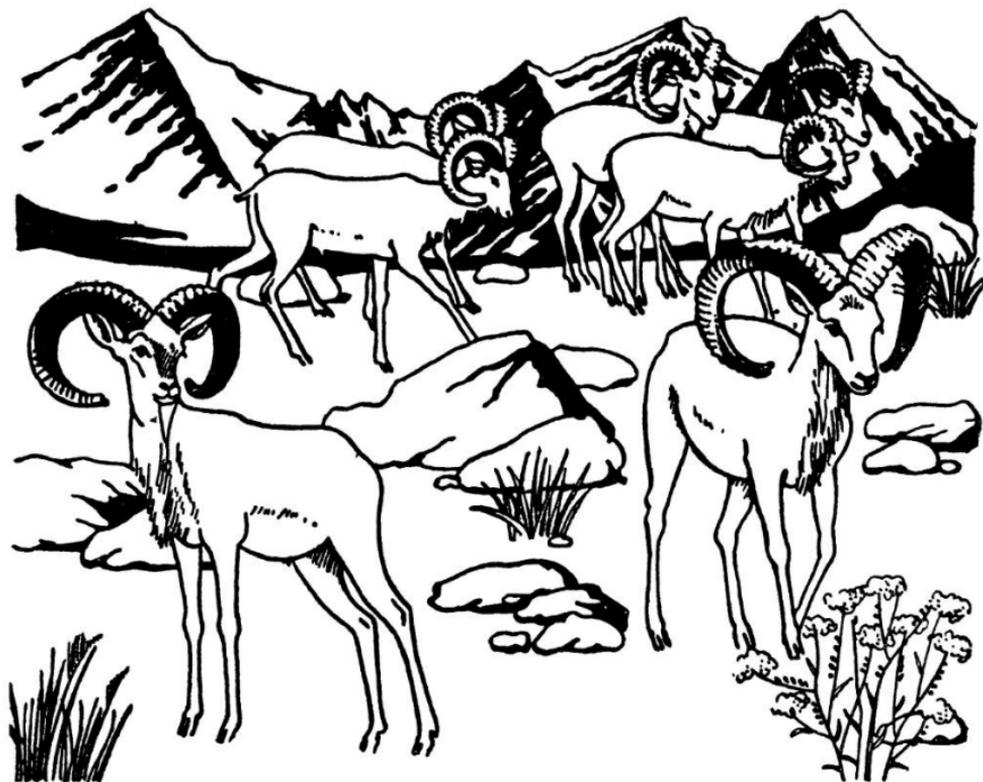
А солнце тем временем поднималось все выше и выше. Очень хотелось запечатлеть на пленке прилет сарыча, но ждать в жару, да еще такую, какая только может быть на самой южной оконечности нашей страны, не такое приятное занятие. Одно дело — наблюдать, как проказничают мартышки в зоопарке или дерутся в вольерах полосатые зебры, другое дело — фотографировать дикую природу.

Но вот понемногу жара спадает, солнце уже не так настойчиво льет потоки горячих лучей. Ожидая с минуты на минуту джейранов, я невольно бросил взгляд на песчаный бугорок и обмер. На меня смотрели круглые черные глаза кобры. Подняв над землей переднюю часть туловища и раздув до предела складки кожи над головой, кобра лениво покачивалась из стороны в сторону. Признаюсь: хотя я много раз и слышал, что змеи редко нападают на человека, холодный пот меня все-таки прошиб.

Я сейчас уже не помню, как все произошло. Я вскинул аппарат и щелкнул затвором. Кобра в этот же момент, не открывая пасти, отрывисто зашипела. Опомнившись, я невольно отпрянул назад. Отпрянула и кобра. Опустив голову, круто развернулась и не оглядываясь умчалась в ближайшее убежище. Именно умчалась. Движения ее были настолько стремительны и поспешны, что в одно мгновение я ее потерял из виду.

Позже, когда возвращался из поездки, я еще раз слышал в Бадхызе от известного змеелова Юрия Орлова (того самого Орлова, через руки которого проходит в год, наверное, полтысячи пресмыкающихся), что змея никогда не гонится за человеком, не прыгает и не катится вслед за ним колесом, а, наоборот, всегда стремится обойти человека, если только ей ничто не угрожает с его стороны.

Не прыгает, не катится, не угрожает... Но все равно, слушая Орлова, я думал о том, что и в следующий раз при такой встрече холодок все равно поползет по спине.

ТРОПОЙ АРХАРОВ

По следу чернохвостой газели. Еройландузская впадина.
В Красном овраге. Современники мамонтов. Куланы под Ашхабадом.
Пастушья звезда. Снежные бараны Поло.

Не знаю, долго ли меня еще бы одолевали думы о кобрах, если бы не возглас Валерия Ивановича:

— Слева джейраны!

Взобравшись на гребень песчаного бархана, животные застыли, словно изваяния. Оружия с нами не было, но даже если бы и было, все равно никто из нас не смог бы стрелять в этих доверчивых животных. Так грациозны они, так стремителен их бег, так красивы их маленькие головки с острой мордочкой на тонкой, с красивым изгибом шее, так грустны их черные влажные глаза!

Прячься в траве, мы пробовали приблизиться к джейранам.

Два-три снимка все же посчастливилось сделать. Почувяв неладное, животные насторожились и тут же сорвались с места и сразу же исчезли в зарослях.

Джейраны, или, как их еще называют, персидские чернохвостые газели, по изяществу и красоте не имеют равных среди своих сородичей.

Весной, как только появляются сочные побеги трав и кустарников, они пасутся в пустыне. Осенью же, собираясь в стада, совершают длительные перекочевки в места, более богатые кормами,— заросшие солончаковые котловины.

У джейранов много врагов: волки, лисицы, орлы, но самым страшным может быть джут. Джут — это стихийное бедствие, когда среди зимы наступает оттепель, а потом вдруг — резкое похолодание. И если джейраны не успеют вовремя откочевать в другие места, они гибнут от голода, так как пробить образовавшуюся на земле ледяную корку у них не хватает сил...

— Будем собираться,— не выпуская из рук фотоаппарата, сказал Кузнецов,— небось, заждался нас Берекет.

Не сделали мы и десяти шагов, как Валерий Иванович вдруг заторопился. Я спросил, что случилось. Он ничего не ответил, сделал еще несколько шагов и остановился.

А когда я подошел ближе, то тоже различил среди давно увядших пустынных маков серо-коричневого джейраненка. Прижавшись к земле, он положил свою крохотную мордочку на вытянутые передние ножки и испуганно захлопал темными, как пуговики, глазенками. Валерий Иванович осторожно подошел и приподнял его.

— Возьмем с собой? — предложил я.

— Нет, зачем же. Оставим здесь, где нашли.

— Без матери?

— Мать где-то здесь поблизости. Как только учует, что ушли непрошенные гости, она тотчас же вернется к своему малышу.

Мы положили джейраненка на мягкую травяную подстилку и напоили водой. Из фляги малыш не пил. Но стоило смочить водой палец и сунуть ему в рот, как джейраненок тут же ожил и, с аппетитом чмокая, начинал посасывать влажный палец.

...Уже стемнело, когда мы добрались до Еройландуза — огромной корытообразной впадины длиной, наверное, в тридцать километров, а шириной около двенадцати. Особенно резко котловина выражена с северной стороны, где равнина внезапно обрывается крутыми склонами красноватого песчаника на полкилометровую глубину. Там, на дне провала, вздымались черные конуса сопки. Сопки были высокие и состояли сплошь

из базальтовых пород. Одну из них в заповеднике величали «Замок царицы Тамары», другую — «Казан», третью — «Сахарная голова»...

Присматриваюсь и начинаю понимать, что «Замок царицы Тамары» очень подобен такому же скальному замку в Дарьяльском ущелье на Кавказе, «Казан» действительно похож на чугунный казан, в котором варят щурпу, только перевернутый, а «Сахарная голова» подобна настоящей рафинадной голове, которая до войны выпускалась в красочной упаковке.

Плоское днище впадины покрыто слоем соли и внешне напоминает замерзшее озеро, а при заходе солнца — фантастическую лунную поверхность.

Еройландуз — «провалившаяся соленая земля». Так в дословном переводе значится эта местность.

— Если говорить откровенно, — рассказывает Валерий Иванович, — уникальная котловина до сих пор остается загадкой для многих ученых.

— А все-таки?!

— Есть предположение, что в прошлом Еройландуз была лагуной исчезнувшего моря. Об этом свидетельствуют многочисленные раковины морских моллюсков, некогда обитавших в прибрежных водах лагуны; слоеные, как пироги, глинистые сланцы, на которых и сейчас ученые находят отпечатки листьев и плодов многих вечнозеленых деревьев и кустарников.

Судя по отпечаткам, здесь сотни тысяч лет тому назад произрастали лавры, стройные кипарисы, кедровые и многие другие деревья и кустарники. Но исчезло море, резко изменился климат, и на месте былых вечнозеленых лесов уцелели к нашему времени лишь кустарники парнолистника, кандыма, саксаула...

В зимнюю непогоду в Еройландузской впадине ищут укрытия от ледяных ветров многие животные и почти двести пятьдесят видов птиц.

Об этой знаменитой впадине я давно слышал, поэтому хотелось попасть туда засветло. Но не успели. Уже стемнело, когда мы добрались до Еройландуза. Там уже было четверо постояльцев: один метеоролог и три научных сотрудника Ленинградского зоопарка. Они изучали жизнь змей и особенно самой ядовитой — эфы.

Наскоро поели, обменялись новостями и завалились спать. Берекет, опасаясь змей и скорпионов, растянул кошму в кабине машины, а мы с Валерием Ивановичем не раздеваясь легли на топчане, во времянке змееловов.

Ночью было необычайно тихо, но почему-то не спалось: мешали какие-то шорохи. Сначала неизвестно откуда выползли ящерицы и начали лазить по стенам и потолку, охотясь за ноч-

ными мотыльками. Погодя послышалось какое-то шипенье под топчаном. Неужели — эфа? Тут и вовсе не до сна. Мне даже показалось, что кто-то жалит меня.

Приподнявшись с топчана, я расталкиваю спящего Кузнецова. А когда он, протирая глаза, посмотрел в мою сторону, я услышал два единственных слова:

— Руки покажите!

Карманный фонарь полоснул по моей правой, а потом левой руке.

— Чепуха. Это не эфа, не таранул и даже не скорпион. Самый обыкновенный крючок. Его, наверное, уронили ленинградские змееловы. Он вас и царапнул.

— Крючок?! — сразу отлегло от сердца.

...Рассвет подкрался как-то незаметно. И едва лучи солнца осветили днище впадины, как в нее, точно в воронку, хлынули потоки света. Собирались в дальнейший путь быстро.

За день нам предстояло пересечь всю впадину Еройландуз с юга на север, а добравшись до восточной границы заповедника Кызылджара, круто свернуть на запад и следовать до кордона Капеле.

Ехали быстро. Первая остановка была на кордоне Кызылджар. Кызылджар, или Красный овраг, — восточная граница заповедника. Это гигантский разлом в земле — овраг с красноватой землей, протяженностью более чем в пятнадцать километров.

В Кызылджаре нас встретил лесник Андрей Ткачев. Природа не обидела его ростом и телосложением, наделила добрым сердцем и умелыми руками. На кордоне Ткачев — лесник и бульдозерист, метеоролог и, конечно же, преданнейший хранитель природы.

У Красного оврага, где круглогодично проживает Ткачев, дуб, тополь не растут, но там есть осока, мятник, ферула, а в доме лесника живет степной кот, рыжий-рыжий, который дружит с варанами и не терпит змей и мышей.

— Дикий, а говорят, ученый.

— Похоже, что ученый, — уточняет лесник. — Стоит открыть шлагбаум на кордоне — наш Рыжик тут как тут. Гостей самолично встречает и провожает, за порядком на кордоне следит, змей и грызунов на пушечный выстрел к дому не подпускает. Душит таранулов, фаланг. Еще мой Рыжик — неплохой синоптик. В хорошую погоду на чердаке дневалит, в плохую — под лавкой спит. Если мордочку подпирает лапками — ждать перемены погоды.

С Кызылджара отправляемся на Куланье плато. Не знаю, как другим, а мне своим ландшафтом оно почему-то напоми-

нало африканскую саванну, которую я никогда не видел, но о которой много читал у Сетона-Томпсона, Иштвана Денеша, Джой Адамсон. Куланье плато все-таки не песчаная пустыня, а скорее схолмленная саванна. Ранней весной его затопляет половодье красных тюльпанов, алых маков. Цветет ферула со стеблем в человеческий рост и зонтиком желтых цветов. Потом ферула засыхает, и белые, с желтизной, стволы стоят в выжженной степи до следующего года.

Жизнь — на каждом шагу. На Куланьем плато есть термиты, есть гиены, есть шакалы. Кафрского буйвола, антилопы-канны, нильских крокодилов, правда, здесь нет, но зато много джейранов, варанов...

— А полосатых зебр,— уверяет Кузнецов,— в Бадхызе заменяют куланы.

Смотрю, Валерий Иванович наклоняется к земле и зовет меня.

— Вот вам и куланы следы.

Не прошло и полчаса, как в тишине безбрежной степи рождается далекий гул. Вслушавшись, различаем дробный перестук копыт... И вот главная бадхызская достопримечательность — на простор вырывается небольшой «отряд» куланов и застывает на мгновенье, завидев людей.

Стройные, налитые силой, движением, опрятные, с красивой темно-песочной окраской, они, словно от парикмахера. Гривы ежиком, по хребту тянется черно-смолистая полоса, хвост короткий, с кисточкой черных волос, а на ногах темные пятна-пяточки.

Не передать то восхищение, с которым смотрел я на этих гордых красавцев, современников мамонта, и думал, что все-таки человек может сохранить дикую природу.

И все-таки кто он — этот бадхызский кулан? Спор с лошадьёю или ослом разрешается в пользу осла, как только услышишь куланий рев. Однако осел, оказавшись рядом с куланом, выглядит низкорослым, забитым, покорным. Кулан же полон достоинства, грации, силы и дерзости. Разозленный кулан очень свиреп и опасен. Попадись на пути ревнивой самки жеребец, не уделяющий ей внимания,— схватит зубами, швырнет на землю, как мешок с отрубями, и забодает копытами, что однажды и случилось в Бадхызе.

На воле кулан — полный хозяин степей. Сила его уважаема.

Чабанский волкодав скорее бросится на волка и даже на снежного барса, чем на кулана, который случайно забрел в охраняемую им отару овец. На кулана волкодав даже не залает, а робко подожмет хвост и убежит восвояси.

В природе у здорового кулана врагов практически нет. Ему

не страшны ни серый волк, ни полосатая гиена, ни снежный барс. К неволе взрослый кулан привыкает очень плохо. С малышами дело обстоит проще. Их отлавливают сразу после появления на свет и незамедлительно отдают на «воспитание» новой матери-ослихе.

Кулан — редкое животное. В энциклопедическом словаре 1980 года издания находим: «В СССР сохранился лишь на юге Туркмении».

Сегодня он обитает не только здесь. Когда писались эти строки, я получил письмо от моего хорошего знакомого, директора Копетдагского заповедника Ивана Семеновича Суха. «Кроме небольшого стада куланов, завезенного из Бадхыза на остров Барсакельмес в Аральском море,— сообщал он,— недавно появились куланы также и под Ашхабадом, в местах, где их можно было встретить еще в прошлом веке».

На мировом зоологическом рынке спрос на куланов невероятно велик. Цена одной взрослой пары примерно такая же, как цена нашего малолитражного автомобиля. Практически любое животное, включая тапира, африканского носорога-альбиноса, можно получить в обмен на кулана.

...Быстро прошел еще один день. Заночевали мы на кордоне Кепеле у лесничего Херды Оразова. Херды оказался удивительно хлебосольным хозяином. Не успели мы привести себя в порядок после дороги, как уже был накрыт дастархан. На узорчатом ковре со скатертью стояли блюда с крупными пельменями, вареной бараниной, лежали пышные лепешки, только что вынутые из печи. Был, конечно, и кок-чай — зеленый чай, много сладостей, сушеный инжир, урюк и другие угощения. Ели, пили чай и разговаривали допоздна...

Ночь была холодная и звездная. Одна из звезд, самая далекая и самая яркая, как объяснил Валерий Иванович, видна в нашей стране только здесь, на самом крайнем юге. Точно не помню, как эта звезда обозначается в научной литературе, но здесь, в Туркмении, ее величают Ялдрак — «пастушьей звездой». Она очень далекая, а по силе свечения в восемь тысяч раз ярче нашего солнца.

На крайнем юге звезды зажигаются быстро, но они так же быстро и гаснут. Ночи на юге короткие. С рассветом мы стали собираться в дорогу. Распрощавшись с Херды Оразовым, отправились к кордону Цинхан-Чешма, к хребтам Эллибир и Дузенкыр, которые с севера замыкают границу заповедника.

— Там,— заверил Валерий Иванович,— обязательно повстречаемся с архарами.

По пути дважды пересекли горные речки. Удивительно шумные они, особенно ночью. В этом шуме можно услышать все,

что угодно. Я же ждал одного: скорее бы выйти на тропу архаров.

Заправив радиатор ЗИЛа водой, мы двинулись дальше. Сначала путь лежал по широкой плоскодонной долине, окруженной крутыми склонами гор, потом рельеф местности резко изменился. Дорога повела круто в гору. Машину пришлось оставить в зарослях арчи. Мы пошли вверх пешком.

Мы шли не останавливаясь. Выбравшись на зеленую поляну, увидели череп с большими, еще сохранившимися рогами. Молча обошли их, потрогали. Какая драма разыгралась здесь? Может, барс загрыз архара, а может, произошла смертельная схватка с волком?

Поднимаемся по склону еще выше. Днем, пока было жарко, мы наблюдали за архарами в бинокль. Группами, по пять-семь особей, они отдыхали на снегу. С наступлением прохлады, когда северные склоны сплошь покрыла тень, архары медленно спустились вниз, на плато, где в изобилии была сочная трава.

Спускались архары небольшими группами. В одной — беззаботные самцы, в другой — самки с малышами. Впереди — старая, опытная самка. На скальном гребне она остановилась, посмотрела вокруг и, убедившись, что опасности нет, повела стадо дальше. Удар копыта передней ноги о землю — сигнал об опасности: все стадо спасается бегством.

Мы затаились в кустах и ждали, пока архары спустятся еще ниже. А те спускались медленно, часто останавливались и с любопытством озирались по сторонам, словно желая определить место своей ближайшей ночевки.

Горы Копетдага, где мы натолкнулись на архаров, были удивительно красивы: мы почувствовали себя словно в каком-то сказочном Эльдорадо, где много зверей, не боящихся человека. Кроме архаров, здесь были и ушастые ежи, большие песчанки, тонкопалые суслики и неуклюжие сурки. Все они, в том числе и архары, смотрели на странных пришельцев, временами перебежали дорогу, несколько нас не пугаясь.

Приятно было наблюдать и фотографировать этих животных. Когда архары спустились на плато, стало заметно, что они не одни, а с целым эскортом говорливых клушиц. Птицы без страха подлетали к архарам, садились им на спину, на голову, бесцеремонно копошились в длинной шерсти, видимо, собирая клочья для утепления своих гнезд.

Видели мы не только самцов архаров, но и самок с архарятами. Малыши забавно резвились на поляне, бегали, прыгали, затевали драки. Иногда малыши приближались к нам на близкое расстояние и подолгу рассматривали нас. Они смотрели и не думали удирать, хотя мы и щелкали фотоаппаратами.

Вообще архары, особенно взрослые особи, экзотичны. Они стройные, грациозные, с густой шерстью из трубчатого, как у северного оленя, волоса. На голове у них два больших свыше метра в размахе, трехгранных рога, которые с годами скручиваются по спирали.

Архары, или снежные бараны, как их иногда называют,— сильные, красивые животные, но со строптивым нравом. Бездумно бегают, прыгают, пугливы, часто трясут головой, бьются лбом о скалы. Известно, что все звери, которых приручает человек, в той или иной степени боятся его, а архар, наоборот, смеется. Он, например, может ни с того ни с сего боднуть человека.

Буйный нрав архаров я испытал на себе. Перед отъездом из Бадхыза как-то мы с Берекетом зашли в вольеру, чтобы сфотографировать прирученного архара. Он дружелюбно нас встретил — стоял и даже пытался позировать. А затем без видимой причины прыгнул на нас, да так неожиданно, что мы с Берекетом едва ноги унесли.

Много интересного можно рассказать об этих удивительных обитателях гор, об истории открытия архаров. Их впервые увидел П. П. Семенов-Тянь-Шанский, когда путешествовал в Киргизии по Сарыджазским сыртам. Стадо гигантских баранов, взбивая пыль, пронеслась мимо путешественника. Киргизские проводники называли их качкарами, а Семенов вспомнил, что именно таких крупных баранов описал знаменитый венецианец Марко Поло, прошедший в XII веке через Памир. Так это и были архары — легендарные бараны Поло, о существовании которых никто не верил почти три столетия.

— Теперь же люди поверили в архаров, потому и взяли их под строгую опеку. И совсем не потому, — продолжал Валерий Иванович, — что архары — редкие животные, а потому, что они еще и очень ценные. Не только в промысловом и эстетическом отношении, но и в животноводстве.

— А причем здесь животноводство?

— При том, что гибридизация их с тонкорунными овцами позволила вывести новую породу высокопроизводительных и выносливых овец — казахских архаромериносов.

Солнце уже краем касалось белых вершин Копетдага. Надвигались сумерки. Вокруг все было дико и сказочно красиво. На крутом скальном утесе, запрокинув рога, гордо стоял бородатый архар и спокойно провожал нас глазами. Я в последний раз взглянул на владыку гор и пошел догонять своих товарищей.

СНОВА В КАРАКУМАХ

Каракум-река. На безлюдном разъезде.

Репетек — место известное. Каменка-плясунья. Загадка Геродота.
Сладкое солнце пустыни. Вверх по Амударье. Укрощение Джейхуна.

Солнце садится за горизонт, отнимая считанные светлые минуты, а мы снова едем по пустыне, а значит, будем проезжать уже в полной темноте Каракум-реку.

Еще не исчезли в темноте огни канала, а мне снова вспоминается это грандиозное сооружение, на котором я уже дважды побывал, когда останавливался в Марах. Припомнились и плотина, распределяющая сток воды по Каракумам, ее открытые створки, через которые, играючись, перепрыгивали полупудовые толстолобики, сазаны, белые амуры.

Еще вчера это были страшные, казалось, брошенные, никому не нужные места, а сегодня здесь течет величайшая в мире

искусственная река. По Каракум-реке проносятся быстроходные катера на подводных крыльях, сюда спешат на водопой миллионные отары овец, а раскаленные пески, когда-то поросшие только верблюжьей колючкой, теперь на многие километры распаханы следами тракторных и автомобильных трасс.

Везде, куда пришла великая река, слышишь рассказы о радостных возгласах жителей аулов, бежавших встречать воду, о детях, поднимавших на радостях дождь брызг, о седебородых аксакалах, бравших воду в пригоршни и пробовавших ее на вкус.

А когда пытаешься отрешиться от всего, чтобы найти немногие, самые точные слова, которые бы определили значимость того, что видели твои глаза, слышали твои уши, то нельзя не повторить за сотни, а может быть, и за тысячи лет до тебя сказанные здесь слова: «Где вода — там жизнь!»

Каракум-река теперь не только в Марах, Байрам-Али, через которые мы проезжали ночью, но и в Ашхабаде, Геок-Тепе, Бахардене и Казанджике. Когда пишутся эти строки, протяженность канала — тысяча сто один километр, но впереди, до самого Каспийского моря, еще миллионы гектаров иссушенной земли, жаждущей влаги.

...Разъезд Уч-Аджи. Ночуем здесь, на этом почти безлюдном железнодорожном пункте, чтобы утром следующего дня уже рейсовым автобусом Мары — Чарджоу отправиться на Репетек.

Теперь не железнодорожная колея, а асфальтовая лента прорезает дымящиеся пески. Хотя Каракумы и называют черной пустыней, но это больше из-за ее громадных размеров. На самом деле она все-таки желто-серая. Этот цвет наиболее характерен для пустыни. Повсюду пески, барханы.

Примерно четыре пятых всей территории республики занимают Каракумы — одна из величайших пустынь на нашей планете. Не растут здесь березки в ярко-зеленых косынках, нет горных вершин с вечными ледниками, редко видят люди хрустящий под ногами снег, веселые живительные дожди, шумные весенние потоки. Нет и лугов, покрытых изумрудным ковром трав. Но, как говорят, у каждого дерева свои плоды, у каждого цвета свой аромат.

Туркмения тоже имеет свои достопримечательности, у нее своя красота, свои радости. Прямо на глазах меняются картографические условности, меняется облик этого края. То, глядишь, появился в безводной пустыне новый участок Каракум-реки или ее новый приток, то пролегли новые трассы автомобильных и шоссейных дорог, то выросли новые рабочие поселки и города. Каждый из них имеет свою биографию. И мне, не

раз бывшему в Туркмении, известны их основатели. Рим, например, основал Ромул, Москву — Юрий Долгорукий, Киев — Кий, Щек, Хорив и их сестра Лыбедь, а вот Нички (большой оазис на берегу Каракум-реки со школами, клубом, магазинами и транслятором) основал инженер Валентин Гаврилович Позенко, один из руководителей «Каракумгидростроя».

Мы продолжаем путь. Обгоняем неторопливый грузовик, в кузове которого среди лаковой мебели сидит женщина в ярком платке, обгоняем вторую машину — грузовик с открытыми бортами. Ландшафт не меняется. Не потому ли наше воображение рисует безбрежные волны барханов с гребешками дымящегося от ветра песка, солнце, безжалостно палящее, жару такую, что нельзя дотронуться ни до одного металлического предмета, и еще едва заметную караванную тропу, по которой с бубенцами бредут верблюды?

Встретив первых верблюдов, выскакиваем из машины, фотографируем.

— Не торопитесь зря,— советует Одегельды, чабан из Уч-Аджина, составивший мне компанию до Репетека,— верблюды встретятся еще через пять километров и еще...

— Ладно,— киваю в ответ,— постараюсь не торопиться.

И все равно по привычке, заметив далеко впереди, на пустынном шоссе, движущиеся точки, подумал: люди! Оказывается, верблюды.

Верблюдов из зоопарка нельзя сравнить с теми, которых мы видели здесь. Неторопливо и изящно переставляя ноги, важно и грациозно идет себе по самой середине современного шоссе черноглазый верблюд...

Всем также хорошо известен безотказный труженик — восточный ишак. Представьте себе на минуту, что он идет через пустыню с караваном. Жара пятьдесят градусов. Лишь на треть пути хватит ишака, потом он сомлеет от зноя, а верблюду хоть бы что. Поистине удивительное это животное. Десять дней может обходиться без воды, шагая с двухсоткилограммовым грузом.

Как это ему удастся? Долго думали ученые об удивительной способности верблюдов переносить жажду. Одни утверждают, что все зависит от желудка, который хорошо удерживает воду, а пьет верблюд много и быстро: за десять минут выпивает десять ведер воды. Другие объясняют это горбом. Не этот ли огромный склад жира позволяет животному терпеть жажду?

Феноменальная стойкость верблюда к жажде, как оказалось, зависит от его способности терять до четверти своего веса за счет воды. При этом в крови влага удерживается в значительно большем количестве, чем у других животных.

Незаметно добрались мы до Репетека. Тепло попрощавшись с чабаном Одегелдой, я вышел из автобуса и сразу окунулся в звенящий, несмотря на раннее утро, зной.

Большой щит, установленный на развилке дорог, поведал, что Репетекская песчано-пустынная станция Академии наук Туркменской ССР — старинное научно-исследовательское учреждение в центральной части Восточных Каракумов.

На станции мы познакомились с ее научным руководителем Ишанкулиевым. Он молодой, и коллеги зовут его просто по имени — Меретом. Мерет — крупный, сильный мужчина, с лицом загорелым до такой степени, больше которой человек загореть уже не может.

— Так вы хотите что-то узнать о нашей пустынной станции Репетек? — Ишанкулиев понимающе кивнул головой и сразу начал рассказывать, не ожидая дополнительных вопросов.

— Начну с того, что Репетек,— продолжал он,— это часть Каракумов, это море барханных песков, приходящих в движение при ветре; это и своеобразные закрепленные пески с оригинальными растениями-пескоукрепителями — селином, кандымом и белым саксаулом, это и «пустынные леса» из черного саксаула.

— Словом, хотите сказать, что Репетек — место известное?..

— Да. К нам приезжают ученые со всех концов света. Приезжают и пишут.

— Пишут! По какому же адресу пишут, если вокруг пески и пески?

— Самому простому: «Советский Союз. Каракумы. Репетек...» И представьте себе, корреспонденцию получаем своевременно.

А когда мы с Меретом отправились в пустыню, возникли и другие вопросы. И по тому, как он отвечал на них, нетрудно было понять, что он в Каракумах свой человек, пустыню знает хорошо — холодную и знойную, весеннюю и осеннюю.

— Пустыня... — задумчиво промолвил Ишанкулиев. — Тем, кто знает ее понаслышке, она представляется однообразной песчаной равниной. А на самом деле она многолика, полна парадоксов и загадок. В июле здесь температура плюс пять-десять по Цельсию, а на солнце градусник может показывать и больше. В кабине же бульдозера или трактора ртуть термометра поднимается до верхней шкалы и, стремясь дальше, раскалывает стекло. Зимой же ртутный столбик падает до двадцати пяти градусов ниже нуля.

— Поэтому люди и считают пустыни безжизненными.

Мерет удивленно пожал плечами, и его красивое загорелое лицо стало еще сосредоточеннее.

— А миллионы овец, которые пасутся здесь? Не песком же они питаются.

— Выходит, пустыня человеку и враг, и друг?

— В этом нет ошибки. Солнце и сухость при определенных условиях не бедствие, а благо. Но дай волю пескам и знойному ветру — они разрушат все, что с таким трудом создано человеком.

...Идем с Меретом по зеленой саксаульной роще.

— Зеленые веточки саксаула, наверное, хорошая пища для верблюдов?

— Для верблюдов — пища, а для местных жителей — отменное топливо, — улыбается в ответ Мерет. — Даже дуб не может дать больше тепла. Саксаул горит ровно. А какие хорошие лепешки выпекаются в золе потухшего костра!

— Вы старый саксаул рубите для костра?

— Саксаул не рубят, не колют и даже не пилят. Пила его не берет, а даже самый острый топор быстро тупится.

— Ну и как же тогда у вас топливо заготавливается?

— Обухом топора. От его удара ветка саксаула рассыпается на мелкие части.

Цепочка наших следов протянулась уже на многие километры. Идти по песку тяжело. К исходу первого вечера я с удивлением обнаружил «гудение» в ногах. А к исходу второго дня до того болели мышцы, что я только и мечтал о том, где бы присесть отдохнуть, где бы воды попить.

Уходим все дальше и дальше в глубь пустыни. Редкие порывы ветра шевелят тяжелые зеленые ветки саксаулов, и, глядя на них, трудно себе представить, что сравнительно недавно здесь были только голые пески.

— Это еще что, — вдруг промолвил Мерет, бережно проводя рукой по сухим веткам саксаула, — лет через десять, а может быть, и раньше здесь будет дремучий лес. Вот тогда и приезжайте — сами увидите.

Кое-что мы и сейчас увидели, пока еще не в дремучих саксаульниках. Увидели и птиц, которые их облюбовали. Запомнили птицу майну — индийского скворца. Раньше эта небольшая птица прилетала сюда изредка в гости, а теперь поселилась в Каракумах навсегда. Случай чрезвычайно редкий. Каракумские птицы обычно сторонятся людей. Но не таков по характеру индийский скворец. Майна чрезвычайно любопытна и быстро привязывается к людям. Славится птица на редкость затейливыми песнями. При общении с людьми скворец быстро выучивает отдельные слова и даже небольшие фразы.

Как ни удивителен индийский скворец, но настоящим артистом-подражателем слывет все-таки каменка-плясунья. Эта пти-

чка-невеличка может часами «висеть» над землей. Вообще же воздух здесь наполнен звуками: разносится пение жаворонка и стрижа, клетот коршуна и треск сороки, а то вдруг раздается молодецкий посвист, слышится резкий крик осла или рев верблюда.

Черными саксаульниками мы незаметно вышли на барханную грядку. Тут и там встречались следы жуков-скарабеев, прикативших в свои норки не один шар с кормом, узкие росчерки юрких ящериц, которые при малейшей опасности мгновенно зарываются в песок.

— А это чьи следы?

— Здесь тушканчик ночью прыгал. Вообще большинство обитателей пустыни,— продолжает Мерет,— ведут ночной образ жизни. Иначе им нельзя: в летний зной днем можно зажариться, как на сковородке. А в песке им неплохо. Песчаный удавчик, например, отлично ползает «в подземелье» и охотится на жуков.

В Каракумах обитают и любопытные живые существа — термиты. Еще их называют белыми муравьями. Они удивительны во многих отношениях. Особенно поражает их аппетит — не брезгуют ничем. Еще в древности знаменитый Геродот утверждал, что муравьи не только вредители,— они могут приносить пользу людям. В одной из своих работ он писал: «Муравьи роют для себя подземные жилища, выбрасывая кучи песка, и песок... полон золота».

— Ну и как вы думаете, Мерет, основано ли утверждение Геродота на реальности?

Мерет не сразу ответил. Сделав короткую паузу, он посмотрел на кишаших в своей колонии термитов и сказал:

— Тщательно обследуя тела белых муравьев, наши туркменские ученые, правда, золота в них не нашли, зато обнаружили много других химических элементов: серебро, хром, титан, никель, медь. А все дело в том, что муравьи, устраивая для себя подземное жилье, проникают в глубь земли на десятки метров, утоляют жажду водой, содержащей соли, а с ней и металлы накапливаются в их организме, который становится своеобразным индикатором имеющихся в данной местности полезных ископаемых.

Два дня мы бродили пешком и ездили по Каракумам вздохом, и только на третий день вернулись в Репетек. У домика Мерета, под тенью ветвистого саксаула, была раскинута большая брезент-скатерть. На той скатерти появилась домашняя еда. Жирный плов и пельмени, маленькие, размером с трехкопеечную монету, крепкие, сочные. Нужно ли говорить, как мы воздали должное искусству местных кулинаров.

— Осень — хорошая пора в Каракумах...

Слушая Мерета, я подумал: в Киеве сейчас тоже осень. Но как она не похожа на каракумскую. За окном ненастье, хлещет дождь, сильный ветер срывает желтые листья. А здесь с прошедшей жарой хотя и давно поблекли краски цветов и яркое небо начинает покрываться серой дымкой, все равно осень прекрасна своей удивительной тишиной и живительной прохладой.

Утром следующего дня мы уезжали из гостеприимного Репетека. Уезжали с легкой завистью к Мерету Ишанкулиеву и его молодым друзьям, которые живут в самом сердце Юго-Восточных Каракумов. Живут интересной, кипучей жизнью.

Дальше наш маршрут лежал через Чарджоу и Амударью к тугаям Пайгамбара.

В прежние дореволюционные годы Чарджоу представлял собой военное поселение на Амударье, которое с постройкой Закаспийской железной дороги стало быстро заселяться и вскоре обрело черты настоящего города. В современном Чарджоу сто тысяч жителей. Это город с развитой промышленностью и транспортными связями, которые еще больше расширились с вводом железнодорожной линии Чарджоу — Кунград.

Чарджоу нам понравился. Незадолго до нашего приезда здесь прошел небольшой и весьма редкий для этих мест дождик. Он немного освежил воздух, и город показался нам приветливым и нарядным.

К сожалению мы не располагали достаточным временем, но познакомиться со знаменитыми на весь мир дарами Каракумов нам все-таки удалось.

Погода стояла чудесная. В густой синеве неба — ни облачка, только одно солнце, большое, спящее. На ярмарочной площади и прилегающих к ней улочках — людской водоворот. Тут все перемешалось: лохматые бараньи папахи туркменов, меховые шапки киргизов, длинные бешметы каракалпачек с тюбетейками узбеков и расписными жилетами уйгур.

...Знаменитый Чарджоуский рынок бушует. Здесь торгуют всем: медом и алычой, сушеными фруктами и самодельными браслетами, волосяными арканами и урюком, медными тазами и кошмой для юрт. Торгуют с подвод, с рук и с земли... Базар гудит, как потревоженный улей.

Особое оживление в овощном ряду. «Гуляби», «шерим-печак», «каракыз», «зами»... Слышишь эти названия, а про себя думаешь: что это? Названия древних городов? Названия цветов? А может быть, имена восточных красавиц? Нет! Это — дыни.

Дыни... Среднеазиатские дыни. Каждый может их увидеть, попробовать. Но трудно передать словами аромат, нежность, прохладу этого сладкого солнца Каракумов.

Пробую «гуляби» — ее изумительный вкус и аромат невозможно описать. Недаром этот сорт дыни по-русски называют «соком розы». Хорош и «каракыз» — дыня с шершавой морщинистой кожицей. Как и «гуляби», «каракыз» — золотая медальстка. Высшими наградами и дипломами не раз их отмечали на зарубежных выставках.

«Пора и меру знать,— вторую сам себе,— две дыни взял — хватит». Собираюсь уходить, но тут возле меня оказался уже немолодой туркмен с Тедженского оазиса.

— Аксакал,— улыбается он,— бери и мою дыню, не пожалейшь.

У меня уже есть «гуляби» и «каракыз», а он свое:

— «Гуляби», «каракыз»... Разве это дыни. Вот мои, тедженские,— это дыни!— И тут же, не ожидая моего согласия, отрезает светящийся изнутри и истекающий соком большой ломоть. Пробую отказаться, но хозяин без смущения машет руками.

— «Бешак»... «Шерим-печак», «зами»?..— пробую козырять своими познаниями.

— Какой «бешак», какой «шерим-печак»? — возмущается он.— Это же «вахарман»,— и добавляет:— Когда самый первый человек вырастил самую первую такую дыню, он взял нож, но не успел прикоснуться к ней, как дыня лопнула от одного дыхания. И он воскликнул: «Вахарман!» — «Ой, жалко!»

Пришлось обзавестись и «вахарманом». Я не дегустатор, но скажу честно: все дыни, которые я покупал или пробовал на рынке, мне нравились своим вкусом и ароматом. Недаром среднеазиатские дыни величают сладким чудом Каракумов.

Именно этим «чудом» я наслаждался почти целый день. Вечером решил побывать в рабочем клубе. И не столько из-за популярного в Туркмении вокально-инструментального ансамбля «Джейхан», сколько из-за того, что именно на сцене этого клуба в 1891 году, путешествуя по Средней Азии, выступал молодой и малоизвестный еще в то время певец Федор Шаляпин.

Мы уже упоминали, что Чарджоу стоит на Амударье. На рассвете следующего дня мы уже на буксире «Херсон» плыли вверх по реке и завороженно ждали появления над безбрежным горизонтом огненного шара, но увидели лишь матовый небосвод, плотно завешанный предутренней дымкой. Да и сама Амударья показалась мне совсем не такой, как я ее себе представлял,— прозрачно-белой, а не голубой, хрустальной, как все реки, берущие начало с гор. Вблизи цвет воды напоминал мороженое сорта «крем-брюле», и только издали река отливала какой-то грязноватой синевой.

В первый же день нашего путешествия по Амударье мы заметили и многочисленные русла, тянувшиеся в глубь Каракумов. Теперь они оказались сухими, без ручейков, без следов даже временных потоков.

— Слева по борту Керки! — слышался голос вахтенного. — Справа пристань Керкичи!

Наш буксир подходил к небольшому городку на юго-востоке Туркмении. Здесь, у Керки, начинается Каракум-река. Отсюда по четырем подводящим каналам напитанная илом амударьинская вода вливается в русло Каракумского канала; отсюда заходят в канал суда, а пройдя канал, плывут дальше через пустыню.

В Керки вахтенный высадил нашего единственного пассажира — седобородого боята (бояты — одна из народностей Туркмении), как он себя называл.

— На свадьбу к сыну спешу, — прощаясь, сказал старик и ловко забросил за плечи холщовый мешок с двумя огромными дынями «гуляби».

Я смотрел на седобородого боята и все думал о значении этого слова...

— Вы здешний? — спросил я капитана нашего буксира Ахмеда Мередова, симпатичного и, как мне показалось, очень образованного человека лет двадцати пяти.

— Здешний. В этих местах закончил семилетку, речной техникум, стал комсомольцем.

— И родились здесь?

— Конечно.

— Тогда скажите, кто теперь живет в средней части Амударьи?

— Как кто? Туркмены: бояты, эрсары, сакары, човдуры и другие племена. Все они издавна занимаются поливным земледелием и отгонным животноводством.

Молодой капитан рассказал об интересных обычаях и традициях этих племен. Один из таких обычаев связан с ежегодной чисткой и углублением каналов и арыков. Каждому проходящему по мосту через очищенный арык кто-нибудь из работающих протягивает на лопате кусок хлеба. Прохожему надлежит надкусить его, как бы отведать, а на лопату положить несколько монет. На собранные таким образом деньги в конце рабочего дня покупается общее угощение. Если же путник не имеет при себе денег, он обязан очистить арык определенной длины или побороть того, кто протянул ему хлеб.

— И у вас такие традиции?

— А разве мы не туркмены?

— Вы что — из боятов?

— Самый настоящий. Только, видите ли, мы не земледельцы, а речники, по Амударье плаваем.

С незапамятных времен плавают по Амударье большие узконосые лодки-каюки. Вниз они движутся по течению, делая по 70—80 километров в сутки, в вверх идут, подняв большие прямоугольные паруса. Господствующие ветры здесь «удобно» дуют как раз против течения.

Мы плывем тоже вверх против течения, только не на парусном каюке, а на речном буксире. Буксир «Херсон» и баржа, которую он тянул, направлялись с грузом леса и автомашин в один из афганских портов.

Был поздний вечер. На реке стоял штиль, лишь за кормой тянулся слепящий след от винта.

— Ахмад,— спросил я капитана,— долго ли нам еще плыть до Термеза?

Капитан стоял, широко расставив ноги, и молчал. А почему молчал? Наверное, как и все амударьинские речники, не любил отвечать на вопрос, когда должен прибыть пароход в тот или иной пункт. Кто знает, как будет вести себя Амударья, какие и где она намоет мели и перекаты.

Когда я думал именно об этом, послышалась команда: «Право на борт! Право на борт!» — а потом еще одна: «От берега!»

Минут десять или пятнадцать вхолостую крутились винты, но сильное течение сделало свое дело — вынесло грунт из-под «Херсона». Буксир вздрогнул и, освободившись из плена, вышел на глубокий участок.

Капитан улыбнулся:

— Сейчас уже ничего страшного нет. Посмотрели бы, что наша Амударья вытворяет в паводок. Недаром ее в народе зовут джайхун — «бешеной».

И капитан стал рассказывать, как блуждающая в песках Амударья мчит в половодье высокой волной и крошит все, что попадает ей на пути: дамбы, поселки, берега. На десятки, а иногда и на сотни километров с шумом падают в воду огромные глыбы земли. Создается впечатление, что действует невидимый подводный нож.

— Действует дейгиш; кажется, так называют у вас это катастрофическое разрушение берегов? — спросил я.

— И еще как действует. Люди не раз старались перехитрить его. С берегов сбрасывали камни, хворост, бетонные плиты, но это мало помогало.

— Так, наверное, было прежде, а как теперь?

— Теперь мелиораторы прокладывают «прорезы»-каналы, спрямляющие русло реки.

— Надежно, но, видимо, очень дорого?

— А терять поселки, посева, дамбы — дешевле?

Слушая Мередова, я невольно восхищался им: какой молодой и какой знающий человек.

А капитан не смущаясь продолжал:

— Каждый может сказать, где текла Амударья вчера, но никто не может поручиться, где она потечет завтра...

...Мукры, Чаршанга — это селения на нашем пути по Амударье. Через сутки сворачиваем в узкую, скрытую от основного русла густыми зарослями протоку. Здесь один из причалов Термеза.

Сходим с буксира.

У берега плещется спокойная Амударья, горят яркие южные звезды, и светит высокая луна.

В ТУГАЯХ ПАЙГАМБАРА

В огненном крае. Шакальи проделки. Чудо-рыба.
В древнем Термезе. Остров непуганых зверей. По следам хангулов.
Грозный хаус. Зайцы... в пустыне.

В Термезе я не только заночевал, но еще и задержался более чем на сутки. Когда багряный диск солнца выкатился из-за горизонта и, казалось, начинался новый светлый день, над городом снова нависла «ночь». Матово-желтое небо вдруг стало пурпурного цвета. И тут же потемнело, словно его занавесили черным покрывалом. Я зажег в гостинице свет и посмотрел на часы. Они показывали семь утра.

Весь день было темно.

— Ничего. Покуражится и уйдет, — только и промолвил Юрий Иванович Петренко, охотовед из Ташкента, находившийся в Термезе по служебным делам.

— Кто уйдет?— не понял я.

— Как кто?! Афганец.

— Какой афганец? При чем тут афганец к пыльной буре?

— При том, что в Афганистане в эти дни вытряхивают ковры и пыль столбом несется за Амударью,— засмеялся Петренко.

Это, конечно, шутка. Но если говорить серьезно, то афганец — это действительно и ветер, и мощные потоки воздуха, которые приносят тучи мельчайшей песчаной пыли с пустынь Афганистана, а возможно, и со всего Аравийского полуострова...

Лишь перед рассветом следующего дня, когда порывы ветра угнали куда-то в горы тучи пыли, небо прояснилось и снова показалось солнце.

— Теперь не грех и в дорогу собираться,— предупредил меня Петренко.

Приходилось мне во время путешествий встречаться с разными людьми — и хорошими, и плохими. Юрий Иванович Петренко оставил о себе самое прекрасное впечатление.

Еще будучи студентом Одесского государственного университета, Петренко проходил преддипломную практику в заповедных местах Узбекистана. Далекое предгорья Памиро-Алая, неугомная Амударья, заповедный остров Арал-Пайгамбар, их флора и фауна, а возможно, и тишина, какой в большом городе нет и быть не может, и потянули молодого специалиста в эти края.

Познакомившись с Юрием Ивановичем в Узбекском филиале Географического общества СССР, я узнал, что он летом и осенью обычно находится в Сурхандарьинской области и на заповедных островах Амударьи, и тут же подумал: хорошо бы приурочить к этому времени и свой приезд в Термез, главный город этой области.

И вот я в Термезе. К моей великой радости — в городе и охотовед Петренко. Больше того, у него, оказывается, в плане тоже посещение Арал-Пайгамбара.

От Термеза до Арал-Пайгамбара километров двадцать — тридцать. До рыбацкого стана с охотоведом Петренко мы шли пешком. Там была хижина, две лодки-плоскодонки на песчаном берегу, бочки для засола рыбы и сохнувшие сети.

Один из рыбаков-узбеков говорил по-русски и ко всему был давнишним знакомым Петренко. По тому, как быстро Юрий Иванович уладил здесь вопрос с лодкой для нашей поездки на Пайгамбар и другие наши дела, я понял, насколько в этих местах высок его авторитет.

Плыть по Амударье было интересно. Вдоль реки росли своеобразные леса, заросли облепихи, тамариска, черкеза, а у са-

мой воды — высокие тростники. И нельзя было не восторгаться амударьинской флорой, которая по разнообразию видов считается богатейшей в стране.

Восторгаясь виденным, я в то же время убеждался, что путешествие по этой среднеазиатской реке оказалось для меня намного труднее, чем я ожидал. Донимала жара. Вспоминаю: как-то я выскочил из лодки босиком и побежал фотографировать замысловатый саксаул. Росло дерево прямо на песке. Я так и не смог добежать до саксаула, так как песок обжигал подошвы, а вот пустынное дерево прекрасно себя чувствовало на этой горячей «сковородке».

Не потому ли Термез и его окрестности называются огненным краем? Даже в официальных энциклопедических источниках есть запись: «В СССР нет места более жаркого, чем Термез»...

Бесшумно отталкиваясь шестами, мы подплыли к роще деревьев, темной, таинственно-тихой, полной каких-то шорохов и птичьих выкриков, объехали ее и через узкую протоку пробились к одному из заливов с песчаной косой, где, как нам казалось, можно было искупаться в чистой воде, отдохнуть и даже поохотиться в прибрежных тугаях.

По-узбекски «тугаи» означают и лес с обычной древесной растительностью — лохом, ивой, кустами облепихи, и речную долину — с камышом, рогозой, войником.

В тугаях живут разные звери и птицы. И когда я оказался в этих зарослях, то все время ловил себя на том, что жду с минуты на минуту встречи с таинственными обитателями этих мест.

И такие встречи состоялись. Первыми таинственными обитателями были птицы. Особенно часто попадались нам утки разных видов. Вдоль берега важно прохаживались белые цапли, кулики-ходуличники, зеленые шурки и черные лебеди; на камышовых кочках располагались целые колонии черно-бронзовых рыболовов — бакланов с кривыми цепкими клювами. Эти речные пираты очень смелые — наше появление их несколько не смутило и не испугало.

Предположение Юрия Ивановича, высказанное еще в пути, оправдалось: озеро, которое соединялось с Амударьей неширокой протокой, оказалось с прибрежной косой и необычайно чистой водой. Озеро поразило нас не только своей прозрачностью, но и рыбным изобилием.

Какой только рыбы тут не было: плотва и сазан, усач и сом... Правда, сомы попадались небольшие, но Петренко уверял, что в глухих местах Амударьи ловили и больших сомов весом около ста килограммов, а однажды местные рыбаки поймали сома, в желудке которого оказалась даже туша шакала...

— А это что за чудовище? — показываю Юрию Ивановичу на странную рыбу, проплывшую со стайкой гамбузий. Голова змеи, тело вроде миноги, а хвост словно у ящерицы-агамы.

— Скафиригус. Его еще называют лопатонос.

У этой диковинной рыбы действительно нос напоминает лопату — им скафиригус добывает себе в мягком грунте корм. Лопатонос — редкая рыба. За прошлые десятилетия она была почти полностью истреблена. С того времени, как лопатонос был взят под усиленную охрану, численность его заметно увеличилась. Эта рыба появилась также в Сырдарье и водоемах Зеравшана.

Солнце полыхало над Амударьей. Было жарко и сухо, зато в камышах, как в бане, стояли густые испарения. Спасение было только в воде...

До трех часов дня мы купались, а затем принялись готовить обед. Юрий Иванович взял удочки, забрел по колени в воду и стал удить. Клев был преотличный, и сачок быстро наполнялся рыбой. Тем временем я достал из рюкзака лепешки, вареное мясо и банку сгущенного молока. Открыв банку сгущенки, я поставил ее на расстеленную на песке плащ-накидку, а сам принялся за разведение костра и приготовление пищи.

Я так увлекся стряпней, что не сразу услышал возню в камышах. А когда обернулся, остолбенел: метрах в пяти от меня стоял знакомый и незнакомый зверь с несколько вытянутыми, тонкими конечностями, с узкой заостренной мордой и коротким пушистым хвостом. Стоял не один, а с целым выводком щенят, таких же противных и хищных, как и он сам.

«Неужели шакалы?» — подумал я. Из рассказов старых охотников и следопытов я знал, что эти трусливые и осторожные звери редко попадают на глаза даже самому наблюдательному человеку, а тут буквально в пяти метрах от нас — мать-шакалиха с целым выводком щенят. И не просто стоят, а преспокойно слизывали с плащ-накидки сгущенное молоко, вылившееся из опрокинутой банки.

— Пошли вон, паршивцы! — кричу и запускаю в шакалью свору эмалированную кружку.

Кружка не долетела, но шакалиха поглядела в мою сторону, со злостью твякнула и, поджав хвост, мелкой рысцей засеменила в тростники. За ней вскоре убралось и все ее семейство.

Ночь застала нас в тугаях. А какая ночь в этих местах проходит без горестного «детского» или «женского» плача, постепенно приближающегося к спящему лагерю... И все это шакальи проделки. О чем взывают они в ночи? Какая печаль заставляет их веками так вить? Долго ворочался я в душной палатке, не в силах заснуть. Только на рассвете, когда беспокой-

ное шакалье «представление» сменилось звенящей тишиной, меня одолела дремота, но спать все равно не пришлось, поскольку надо было отправляться в дорогу, пока еще держалась прохлада.

С озера на Амударью мы вышли другой протокой. Своенравная река несла нашу лодку среди подмытых и поверженных в воду кустарников и стеблей камыша. Местами образовавшиеся из них заторы плыли с нами и в отдельных местах перереживали нам путь.

Извилистый фарватер Амударьи и особенно ее притоков задал нам дополнительную работу: нужно было обходить мели и завалы, но к полудню крутой поворот реки сделал излучину и открыл перед нами песчаную косу, а на ней поселение тоже под именем Термез.

В школьных учебниках по географии Термез упоминается как административный, политический и хозяйственный центр Сурхандарьинской области, как один из самых жарких пунктов Советского Союза. Но тот Термез находится за пятнадцать-двадцать километров выше по Амударье, а сейчас мы вышли к древнему Термезу, к городу, который возник еще в третьем веке нашей эры и с самого начала своего существования играл значительную роль в жизни народов, населяющих обширную территорию одного из величайших государственных образований древности — Кушанского царства.

Много веков существовал этот древний Термез, но нашествие иноземных захватчиков и феодальные междоусобицы разрушили его. Сегодня Термезское городище — огромный пустырь в всхолмленными былыми кварталами, глинобитными стенами, развалинами древней крепости и единственным сохранившимся зданием — куполообразным мавзолеем Хакими ат-Термези.

Шейх ат-Термези. По тому времени очень образованный человек. Он был автором многих научных трудов, переводчиком и поэтом. Когда шейх ат-Термези умер, над его мраморной усыпальницей-кабрташем возвели удивительной красоты мавзолей с узорчатой панелью, куполом, мечетью, стены которой выложены из шлифованного жженого кирпича с надписями из того же кирпича, опоясывающими стены.

Все это сохранилось до наших дней и не забывается.

Жаркий полдень застал нас на песчаном берегу Амударьи — том самом берегу, где некогда фаланги Александра Македонского переправлялись через своенравную Амударью с помощью понтонов, составленных из набитых соломой бараньих шкур — бурдюков (так называемая переправа на «сали»). Мы же на Арал-Пайгамбар переправлялись обычной лодкой-плосдонкой.

И вот наконец Арал-Пайгамбар. «Арал» означает «остров» (от тюркского и монгольского слова), а Пайгамбар — имя шейха, а может быть, и святого, побывавшего, по древнему преданию, здесь, на безлюдном тогда острове. Площадь Арал-Пайгамбара — более четырех тысяч гектаров. Большая часть его покрыта густыми зарослями древовидных растений — туранги и джиды, окутанными травянистыми лианами. На песчаных буграх растут кусты тамариска и другие растения.

— А вот приглядитесь к этой травке,— говорит Юрий Иванович и, поглаживая сорванный пучок травы, стал аккуратно счищать с его корней песок.

Когда я поинтересовался, та ли это трава, которая помогает быстро заживлять раны, излечивать болезни, Петренко сказал:

— Она и называется в наших краях туркменским женьшенем. Но у нее много и других «имен» — буян, лакрица, солодка.

— Солодкой лечат не только многие болезни. В ее корнях с приторно-сладким вкусом остро нуждаются не только фармакология и парфюмерия, но еще и двадцать отраслей промышленности.

Движемся в глубь острова. В низинах — непроходимые тростниковые джунгли. В таких местах обитают олени и кочуют стада диких кабанов.

Страшен и свиреп дикий кабан-секач с большими клыками. Торчащие из его пасти клыки отточены так, что ими можно любой предмет изрезать. Одним ударом своих клыков секач не то что человека — быка убивает.

Юрий Иванович некоторое время молчал, смотрел на камыши, моргал красноватыми веками:

— Когда-то, лет сорок назад, здесь за кабанам охотились тигры. Но теперь тигров как будто нет, все они перебрались в соседний Афганистан...

Отдохнув, продолжаем свой путь, местами прорубывая большими охотничьими ножами проходы в глухих зарослях. Двигаемся медленно, осторожность не оставляет нас ни на минуту.

«Кх-кх-кх»,— доносится из зарослей клокочущий вскрик.

Теперь и я слышу, как какая-то птица пробирается среди камыша и вскоре появляется на крохотной поляне. Это был фазан. Мне не раз приходилось видеть фазанов в Киевском и Московском зоопарках, а также в специальных фазанариях, но таких красавцев, как на Пайгамбаре, я никогда еще не встречал. Голос у тугайского фазана звонкий, оперение пестрое: огненно-золотистое, с черно-синим отливом и с белыми «зеркальцами» на крыльях.

Трижды я фотографировал тугайского фазана, хотел снять и в четвертый раз, но тут вдруг фазан забеспокоился, с криком взлетел и сел на ветку...

Среди редких животных, которые населяют Пайгамбар есть и тугайский олень — хангул.

Когда-то хангулы густо населяли тугаи Амударьи и Сырдарьи. Но площади прибрежных лесов и камышовых зарослей неудержимо сокращались, что в конце концов привело почти к полному исчезновению животных. Четверть века тому Арал-Пайгамбар был объявлен заповедником, и на острове началась работа по восстановлению тугайского оленя. Она прошла успешно. Сейчас приятно наблюдать, как на утренних зорях хангулы пасутся большими стадами на мокрых от обильной росы лугах, как они, почуяв опасность, тревожно свистят и, отталкиваясь всеми копытами, несутся по тугаям гигантскими прыжками.

Трудно и беспокожно в тугаях не только взрослым хангулам, но особенно их малышам в первые дни после рождения. На каждом шагу их подстерегают коварные враги. Это и волки, и шакалы, и даже ядовитые змеи. Но самым опасным хищником для этих малышей является в тугаях камышовый кот — хаус, кровожадный и сильный зверь.

Такого же размера, как обычная домашняя кошка, хаус отличается однотонной желто-бурой окраской, коротким хвостом и кисточками на ушах. Живет хаус в густых труднодоступных тростниковых зарослях, вблизи рек. Открытых мест избегает. Охотится преимущественно ночью, но иногда выходит и днем.

Вдоль пойменных обрывов на Пайгамбаре обитает и другой кот — пятнистый, напоминающий домашнего. А в вечерних сумерках можно услышать и отрывистый, хрипящий лай. Это полосатый разбойник — гиена — зловеще тянет свою голодную песню. Этой песни я сам не слышал, но мой спутник утверждал: когда в вечерних сумерках лает гиена, холодок пробегает по телу.

Но все это — рассказ о северной части Арал-Пайгамбара. На юге же острова — пустыня с многолетними гигантскими злаками и очень крупным метельчатым соцветием — эриантусами и редкими кустами черного и белого саксаула, кандыма и солянки.

Пустыня... Само слово какое-то сухое, шершавое... Здесь, казалось, и песок до невероятности приближен по цвету к прозрачности воздуха и создает такой ландшафт, который смотрится, словно другая планета в линзе телескопа. Кажется, здесь, как и в пустыне Каракумы, нет ничего живого — одни песчинки. На самом деле это не так.

Продвигаясь пустыней Пайгамбара, мы не раз встречали больших песчанок, похожих на крыс (отличает их разве что

хвост с кисточкой на конце), тонкопалых сусликов, названных так за длинные и тонкие пальцы и когти, да еще тушканчиков, напоминающих крохотного кенгуренка. С этим зверьком я по-настоящему познакомился, выйдя перед рассветом из душевной палатки. Луч ручного карманного фонарика скользнул по песку, и я увидел забавного зверька. Он растерянно стоял на задних лапках, прижимая передние лапки-коротышки к груди, и испуганно глядел своими розовыми глазенками то на меня, то на блеск рефлектора, извергавшего пучки света.

Рыжее солнце по-прежнему держит пустынную часть острова в цепких палящих лучах. Небо, пропитанное зноем, слегка коробится дымчатыми облаками, а от песка несет жаром, как от раскаленной печки.

Ноги тонут в горячем песке. Я едва поспеваю за Юрием Ивановичем. Невыносимо жарко. С каждым шагом чувствую, что мое тело все больше нагревается и становится все более липким от пота. Как-то тяжелеет и одежда, и без того увесистый рюкзак, и даже головной убор.

— Передохнем или идем дальше? — поворачивая коричневое от загара лицо, спрашивает Петренко.

Решаем не останавливаться. Направляясь к переправе, где стояла в камышах наша лодка-плоскодонка, мы заметили на ветке кандыма ярко окрашенное животное из семейства пресмыкающихся. Только оно не сидело на ветке, а висело вниз головой. Это была ящерица-геккон. Удивляло: как этот геккон держится так и не падает. И не только держится на вертикальной поверхности, но даже может бегать по ней. Оказывается, у геккона острые когти и расширенные пальцы лап, которые снизу покрыты роговыми пластинками с микроскопическими волосками-присосками. Так что геккон, если заберется в жилище, может бегать по потолку так же быстро, как и по полу.

Очень интересно наблюдать за этими ящерицами! Можно прямо-таки часами смотреть их беспорядочную беготню. Как-то я читал в одной из центральных газет, что известный советский профессор Андрей Григорьевич Банников во время недавнего путешествия по Африке обнаружил еще одну разновидность ящерицы-геккона. Я тут же подумал: если бы настоящему специалисту по пресмыкающимся побывать на Арал-Пайгамбаре, то он и здесь мог бы открыть для науки не одну разновидность ящериц.

Кроме ящериц, встречались на пути песчаные удавы, полозы и чрезвычайно подвижная змея-стрела. Быстро скользят по песку и ловко взбираясь на ветки саксаула, она охотится за ящерицами — своей основной добычей. Но не брезгует она и фалангами.

Рассматривать, фотографировать в пустыне змей, песчанок и даже варанов — забавное занятие, а вот встреча с пауками, наверное, мало кому доставит удовольствие. А между тем, пауки — удивительные насекомые, а некоторые из них весьма полезные. Недавно английские энтомологи подсчитали, что пауки уничтожают больше вредителей, чем все остальные их «по-требители», включая птиц и животных.

Пауки бывают разные. Только я подумал об этом, как услышал голос моего спутника:

— Идите сюда, полюбуитесь, что я нашел.

Подхожу. У песчаного бугорка — норка с паутиной, а на паутине — паучок сантиметра три-четыре в длину, черный как смоль, с красными точечками на брюшке.

— Вот это да, самый настоящий каракурт?! — и быстрее за фотоаппарат. Щелкаю нос к носу, а Юрий Иванович надрывается: «Не прикасайтесь, не прикасайтесь к этой таракашке — она ядовита!»

Сфотографировал я каракурта, а потом думаю: «Хорошая таракашка. Попробуй-ка неосторожно до нее дотронуться — обольет липкой гадостью, ужалит. А если ужалит — пиши пропало. Яд каракурта — в пятнадцать раз, а если это самка-каракуртиха — то в сто шестьдесят раз сильнее яда кобры и даже самой эфы».

На Пагаймбаре мы видели не только каракуртов. В пустынной части острова встретили... зайцев. Натолкнулись на одну большую нору, другую.

— Неужели в пустыне кроты водятся?

Еще нора. Решили подстеречь зверька. Только вечером, когда стало темнеть и жара немного спала, мы получили ответ на загадку. Из норы выпрыгнул... заяц.

Оказывается, зайцы, живущие в пустыне, тоже откапывают в песке норы. И прячутся там днем от жары, подобно тушканчикам, сусликам и другим обитателям барханов.

Пустыня Пайгамбара не так уж и пуста.

— А вы как думали? — словно угадав мои мысли, говорит Юрий Иванович. — Если хотите знать, здесь, в пустыне, даже тюльпаны и ромашки цветут. Только все они низкорослые. А весной можно увидеть еще одно чудо — съедобные грибы: на поверхности видны только их шляпки, а ножки сидят глубоко в песке. Правда, селяться эти грибы далеко друг от друга, и, чтобы набрать лукошко, нужно очень долго бродить.

Почти неделя, проведенная в тугаях Амударьи, оставила незабываемые впечатления. Право же, настоящие джунгли есть не только на Амазонке или в Уссурийском крае, но и на Арал-Пайгамбаре.

ЗА ПЕРЕВАЛОМ — КАРА-КАЛА

Город в пустыне. В заповеднике у Суха.
На земле Парфянского царства. В «преисподней» Бахардена.
Через Каракумы. Беспокойная ночь.
«Пришельцы» из Эквадора.

Если плыть из Пайгамбара вверх по Амударье, то можно попасть в Тигровую балку — заповедник на самом юге нашей страны, в Таджикистане.

Можно, но мы не попали. События 1978 года в Афганистане (Тигровая балка лежит на самой границе с Афганистаном) вынудили нас временно отказаться от намеченного маршрута и отправиться на самый юг Туркмении, в Сянт-Хасардагский заповедник, куда настойчиво рекомендовал поехать Владимир Яковлевич Ковешников из Республиканского комитета лесного хозяйства.

— Поезжайте, не пожалеейте,— писал Владимир Яковлевич,— Сянт-Хасардаг — чудо Туркмении. Там единственные в мире сухие субтропики. Там — миндаль, пальмы и буйная трава такой высоты, что осла не видно. И еще: на реке Атрек — древние городища, пещеры с наскальными рисунками.

Владимир Яковлевич также сообщил, что в Ашхабаде, который мы должны проезжать по пути в Сянт-Хасардаг, будут находиться Николай Николаевич Дроздов, которого знают миллионы телезрителей по передачам «В мире животных», а также крупный ученый-зоолог, профессор Андрей Григорьевич Банников, несколько лет тому назад открывший в пустыне Го-би дикого верблюда.

Естественно, все это было для меня очень интересно, и я без размышлений отправился в дальнюю дорогу — в Туркмению.

Когда-то мне говорили, что Ашхабад находится в пустыне. Помню, когда впервые приехал в столицу Туркмении, а это было лет пятнадцать назад, я повстречался со своим школьным товарищем Яковом Рогачевским, работавшим тогда заместителем председателя Республиканского комитета по телевидению и радиовещанию.

Помню, как мы отправились бродить с ним по Ашхабаду. Оживленные улицы, люди в ярких национальных костюмах, современной архитектуры ансамбли новых площадей и улиц, театры, скверы, звонкое журчанье арыков.

Город мне очень понравился. И тем не менее вечером, когда мы вернулись с прогулки, я все-таки сказал Якову:

— Мне говорили, что Ашхабад находится в пустыне. Где же эта пустыня, если мы весь день с тобой ходили, будто в ботаническом саду?

— Поезжай на окраину и увидишь эту самую пустыню,— ответил Яков.

Поехал и действительно за городом увидел самую настоящую пустыню с барханами, верблюжьей колючкой, ящерицами и змеями.

Удивительный Ашхабад — город в желтом кольце Каракумов. Да и судьба у него удивительная. Трижды город трясла подземная стихия, а в четвертый раз, в ночь на 6 октября 1948 года, Ашхабад был полностью разрушен в считанные секунды.

«Ашхабад» — в переводе — любимый город. И стихия будто испытала силу любви к этому городу. Вместе со всеми братскими народами страны ашхабадцы подняли свой город буквально из пепла.

И вот я снова в Ашхабаде — городе, по существу, рожденном

заново. Моим провожатым согласился быть Николай Борисович. Позже я назову его фамилию и вкратце расскажу об этом замечательном человеке. Забегая вперед, скажу, что жизнь забросила его с берегов Ледовитого океана в субтропики Туркмении, а пока будем называть его просто Николаем Борисовичем.

Направляясь в долину реки Сумбар, а значит, и в Сянт-Хасардаг, мы заехали к Ивану Семеновичу Суху, моему старому приятелю, земляку, директору недавно учрежденного Копетдагского заповедника. Это он, как мы уже говорили, начал в восьмидесятые годы расселять под Ашхабадом джейранов и куланов, чтобы вернуть Каракумам первозданную фауну.

Как только мы прибыли к Суху, он стал знакомить нас со своим хозяйством.

— Между прочим, в одной из лабораторий,— сказал он,— работают люди, которые свою профессию определяют коротко — дояр. Но вот деталь: доят они не коров, не кобылиц и даже не верблюдиц, а... скорпионов.

Оказывается, яд скорпионов — целебный и поэтому очень ценный для фармацевтов продукт.

— Одна молочно-белая капелька, добытая из ядовитой железы скорпиона, стоит по меньшей мере тысячу рублей.

О многом нам поведал Иван Семенович. Он предложил поехать с ним в горы и посмотреть винторогих козлов-мархуров. Очень заманчивым было это приглашение, но времени было в обрез, и мы, к сожалению, вынуждены были от него отказаться.

В дорогу вместе со мной отправились Николай Борисович и Ольга Александровна Кузнецова, хорошо знакомая еще по Бадхызу.

Мы уже почти попрощались, а Иван Семенович все еще стоял задумчивый. Потом вдруг он оживился, подбежал к машине и сунул мне в руку куртку: «Берите, берите, в дороге пригодится». А когда шофер нажал на стартер и машина фыркнула отработанным газом, Сух успел крикнуть вдогонку:

— Не забудьте про Нису!

Мы очень довольны, что не пропустили мимо ушей совет Ивана Семеновича и, проезжая селение Богир, заглянули в древнее городище.

Если судить по развалинам, есть Старая и Новая Ниса. Первая расположена на высоком холме, а вторая — на равнине. Старая Ниса в третьем веке до нашей эры была столицей Парфянского царства.

Парфия. Парфянское царство. Что мы знаем о нем? Наверное, то же, что и о Бактрии, Согдии, о средневековой цветущей

стране дахов, с которой около двух с половиной тысяч лет назад воевал Александр Македонский, или о самом великом полководце, о сказках «Тысячи и одной ночи» — все в общем...

Теперь же, на земле Старой Нисы, на ее земляных валах, под которыми погребены стены когда-то могучей крепости, где археологи показывают нам хорошо сохранившиеся монеты, хумы (керамические сосуды для хранения вина), орудия труда (зернотерки, каменные ступки, ножи), изделия из слоновой кости, различные украшения, все выглядит совсем в другом свете.

От Парфянского царства до Сюнт-Хасардага еще далеко, километров двести. Слева от нас возвышается Копетдаг, а справа — безбрежная пустыня, где ветер, как и тысячи лет тому назад, пересыпает миллиарды тонн песка и гонит его от одного сыпучего бархана к другому.

— Подъезжаем к Геок-Тепе, — объявляет Николай Борисович.

Геок-Тепе — поселок городского типа. Вокруг него много садов и виноградников. Здесь готовят отличные вина и ткют замечательные ковры. Есть и колхозная ферма, где разводят верблюдов.

Что такое верблюд, мы уже знаем. Как заяц, он будет бежать впереди машины, пока его не собьют. Перегнать, обойти верблюда нельзя — обязательно столкнешься. Единственный выход — остановиться, тогда и верблюд остановится и спокойно отойдет в сторону.

За Геок-Тепе расположена Бахарденская пещера. Это настоящий подземный дворец, имеющий несколько огромных залов, с одного из которых ведет к озеру шестидесятиметровая лестница. Когда спустишься по этой лестнице, в полумраке открывается озеро с теплой минеральной водой.

Волшебное впечатление... Прозрачное озеро, а над его поверхностью причудливо стелется легкий пар, и вода в нем прогрета совсем как в домашней ванне.

О чудодейственной силе подземного озера сложено немало легенд. Одна из них гласит, будто в пору расцвета Парфянского царства в Нисе вспыхнуло восстание рабов, но его жестоко подавили. Тысячи мертвых и полуживых повстанцев были сброшены в «преисподнюю» Бахардена. А через несколько дней парфянский владыка с ужасом увидел: в город врываются мертвые. Их, по преданию, вернула к жизни целебная озерная вода.

Неожиданно накатились сумерки. И пустыня, изнемогавшая от жары, постепенно наполнялась прохладой, тишиной и дремотой. Слово изваяния, стоят в застывших позах поникший

саксаул, растопыренные кусты кандыма, солянок. Кажется, что все дремлет. Но вот что-то промелькнуло в свете фар. Шакал. Его не спутаешь ни с кем. Хвост трусливо поджат, голова опущена.

— А это что еще за длиннохвостый?!

Земляной заяц завертелся в свете фар и ускакал длинными прыжками. Ну и прыгучий какой! И это при десятисантиметровой длине своего тела. Если бы такой прыгучестью обладал человек, он должен был бы прыгать по меньшей мере на метров пятьдесят.

По дороге встречались и другие зверьки: дикобразы, ушастый ежик. Что дикобраз ищет, одному ему известно. Если луковицу метлика, то он легко ее находит, выкапывая своими когтистыми лапами. А когда выползает на дорогу еж, то, двигая своим длинным носом и принюхиваясь к запахам, а также прислушиваясь к звукам, он быстро хватается зазевавшуюся ящерицу или жука. Однако и самих ежей подстерегает на каждом шагу опасность.

Шоссейная дорога ведет на юг, в Сумбарскую долину. По ней люди едут и в рейсовых автобусах, и в колхозных автомобилях, а также на лошадях и ослах. Извиваясь и петляя, шоссе то заставляет преодолевать подъемы, то тормозить на спусках.

За невысоким перевалом лежит Ходжакалинская долина. Она только преддверие субтропиков, в нее еще свободно проникают северные ветры, принося зимой холода и даже покрывая на некоторое время вершины окрестных гор снегом.

По пути лежит селение Ходжакала. «Кала» в переводе с туркменского — «крепость». Когда-то это селение было окружено крепостной стеной и запирало проход к предгорным оазисам. Теперь стены этой уже давно нет, но название населенного пункта осталось со словом «кала».

Миновав Ходжакалу и еще несколько поселков, дорога привела нас к хребту Сянт-Хасардаг. Переваливаем его и спускаемся в Сумбарскую долину. Укрытая от равнинной Туркмении двумя хребтами, она и представляет собой ее субтропики...

Поздний час. Темнота, как обычно в тропиках, волшебная — наполненная диковинными звуками. И вот уже раздался резкий крик ночной птицы...

— Подъезжаем к Старой крепости,— объявляет Ольга Александровна. — Николай Борисович едет в Кара-Калу по неотложным делам, а мы с вами останемся здесь.

Наш газик снова круто свернул на юго-запад и сразу же, за каким-то обрывом, устремился к заповедной усадьбе, о которой предупредила нас Кузнецова.

Узкая дорога утопала в зарослях орешника, шиповника, бо-

ярышника и еще каких-то колючих кустарников, среди которых стоял дом с длинной дымовой трубой.

— Это и есть наша обитель,— смеется Ольга Александровна, ловко выпрыгивая из кузова остановившегося газика.

У порога небольшого домика нас встретил подтянутый мужчина с мушкетерской бородкой. Это — Валерий Иванович Кузнецов, муж Ольги Александровны. Утихомилив своих собак, больших и лохматых, неизвестной породы, Валерий Иванович приглашает в дом.

Было поздно, далеко за полночь. Но это не помешало хозяину попотчевать нас крепким чаем. Разговариваем, обмениваемся новостями, но не засиживаемся и отправляемся отдыхать.

В одной из комнат с крашеным полом и самой необходимой мебелью спали дети, в другой комнате, рядом с кухней, был рабочий кабинет Валерия Ивановича. Там стоят шкафы, доверху забитые книгами, аквариумы, гербарии, минералы, чучела животных, а на большом полированном столе — колбы, банки, коробочки. А рядом, почти вплоты к столу, стоял диван с собранной постелью. Здесь меня поместили на ночлег. При этом Валерий Иванович, пожелав мне спокойной ночи, задержался в кабинете и сказал:

— Если услышите шорох над потолком — не пугайтесь. Там у нас на чердаке кобры мышей ловят.

— А если шорох под полом?

— Тоже ничего страшного, — в тон отвечает Валерий Иванович. — Бывает, что и под полом, особенно во время ночных заморозков, могут собираться гюрзы. Они у нас ручные: людей не трогают и по комнатам не бегают.

«Ничего себя постояльцы», — думаю про себя и молча поглядываю на Кузнецова.

Вижу, что он собирается уходить. «Вы куда?» — говорю ему, а он, как ни в чем не бывало: «Спокойной ночи». Тут я ему уже не про змей толкую, а про баночки и коробочки, которыми заставлен стол.

Кузнецов посмотрел на меня и искренне рассмеялся. Мне же было совсем не до смеха. Вспомнил Бадхыз и ночевку в заповеднике, у Валерия Ивановича. В кабинете на столе у него тоже стояли баночки и коробочки, а в них скорпионы, фаланги, таранулы, в одной даже третьи сутки «отдыхал» каракурт. На вопрос, что это значит, Кузнецов с присущим ему юмором сказал, что это «сувениры» для одного из симпозиумов в Москве.

— Пожалуйста, не волнуйтесь — эти баночки пустые, — ответил Валерий Иванович.

— А скорпионы?

— Пора знать, что я уже давно не занимаюсь скорпионами. Теперь мое амплуа — леопарды!

Ну, думаю, не хватает еще леопардов, тех самых «зверюшек», которые одним ударом лапы перебивают архару шейные позвонки.

Кузнецов молчит. Потом вдруг спрашивает, боюсь ли я леопардов. Я отважно отвечаю: «Нет!» — «Прекрасно», — сказал он и вышел из комнаты, оставив меня наедине с собственными мыслями.

Ложусь, укрываюсь с головой, свет гашу, и тотчас же под потолком раздаются какая-то возня, шипенье, писк. Потом шум прекратился, но ненадолго. Проходит минута, вторая, и вдруг что-то мягкое и гибкое падает на мою постель. Леопард? В ужасе содрогаюсь. Вращаю шейными позвонками — двигаются. Может быть, кобра? Протянуть руку, пощупать, что там у стены. А что, если в самом деле кобра. Лежу, не двигаюсь. Вдруг чувствую, что-то холодное трется о мою спину.

Кобра... Кажется, она угрелась. Лежу, не двигаюсь и снова думаю: угрелась, блаженствует, а может быть, не блаженствует, а уже целится в мою левую лопатку. Надо что-то делать. Была не была. Тянусь к коробке со спичками, лежащей на столе. И тут же шальная мысль: а что, если Кузнецов перепутал и оставил вместо спичек коробку со скорпионами или фалангами. Если в коробке скорпионы, черт с ними: ужалят — поболит и перестанет; а если кобра, угревшаяся за одеялом, хватанет, тогда совсем будет плохо.

Тянусь за коробкой. На всякий случай взбалтываю. Вроде спички. Запускаю пальцы — твердое. Достая наконец спичку, зажигаю и со страхом гляжу на одеяло, а на одеяле... сиамский котенок. Вот кто оказался нарушителем спокойствия, кто спиркировал с книжного шкафа.

Помню, долго я лежал с открытыми глазами, почти не шевелясь, глядя в потолок, в грубо подогнанные доски, за которыми еще долго слышалась змеиная возня.

Утром узнаю, что, кроме меня, сюда приехал научный сотрудник субтропической станции Всесоюзного института растениеводства Константин Павлович Попов. С ним мы и поехали в Кара-Калу.

Кара-Кала — это самое крупное селение городского типа, расположенное в средней широкой части Сумбарской долины. В нем живет около четверти всего ее населения.

Когда едешь в Кара-Калу, то Западный Копетдаг отличается своим каким-то «неземным» пейзажем: панцирем скал, сползающими россыпями камня, кустарниками вездесущей полыни и какими-то необычными горами.

Константин Павлович рассказывал, что еще лет десять назад, когда он прибыл сюда из Крыма на постоянную работу, его поразила пустынный вид местных гор. Но при более близком обзоре эти горы оказались не такими пустынными, как показались на первый взгляд. Особенно весенней порой, когда пробуждается живая природа. В эту пору склоны Копетдага покрываются красочным ковром цветущего разнотравья. Но жаль — очень краток этот расцвет природы. Уже в самом начале мая под палящими лучами солнца жизнь на склонах гор и на безводных плато замирает. Буйствует она еще какое-то время в ущельях, которыми густо исполосан Копетдаг.

В самой Кара-Кале есть не только домики, утопающие в зелени садов и виноградников, но и питомник субтропических культур, и дендропарк. Удивительный этот парк. В его основе — хвойные деревья: ели, можжевельники, есть и гордо устремленные ввысь кипарисы. Растут здесь и тополь, дуб, а также ленкоранская акация, которая в цвету покрывается розовым пушком, развесистые чинары, а за тенистой аллеей парка — ясень манной с мелкими-мелкими, как манная крупа, цветочками, эквадорская сосна и даже «гости» из далекой Австралии — два эвкалипта, которые нигде на территории Средней Азии не произрастают.

В Кара-Кале еще растет китайский финик (по-туркменски — эндап) — плодое дерево, шелковистые плоды которого являются прекрасным средством от гипертонии.

Финики мне не раз приходилось встречать на своем веку, а вот такое дерево в золотистом цвету, как испанский дрок, видел впервые.

— Цветет он весь сезон, до середины декабря, — объясняет Константин Павлович, — в декабре у нас цветут тюльпаны, ярко-желтым цветом покрываются и штернбергии.

Удивительный край. В восьмидесяти километрах отсюда все дышит зимой, а тут будто царствует весна: зеленеет трава, распускаются цветы, а певчие птицы дают здесь настоящие концерты хорового пения.

— В самом деле, у нас «зимует» весна, — улыбается Попов и чуть ли не силой тянет меня в глубину парка.

— Вот наш домашний Копетдаг, — объявляет он.

— Почему домашний?

Константин Павлович, словно не слушая моего вопроса, увлеченно рассказывает, как они возили сюда камень, садили цветы, точно такие же, как в ущельях Копетдага, приживляли древовидные лианы, жимолость, цветущую летом ароматными цветами.

— Неужели высаживают у вас и камыши?

— Да, но только такие виды, которые за сезон дают прибавку в росте на восемь-десять метров. Так, наперекор суховеям и другим трудностям, здесь, в Кара-Кале, мы воспроизвели Копетдаг в миниатюре,— закончил свой рассказ Попов.

— Воспроизвели, может быть, потому, что у вас здесь земля особая,— заметил я Константину Павловичу,— потому все растет и приживается.

— Земля — она везде земля, руки к ней приложить надо,— ответил Попов.

И где бы ни работал Константин Павлович, главным направлением в его поисках, научных исследованиях была и остается фисташка.

Кто не знаком с вкусными и питательными плодами фисташки, по цвету такими салатowymi, иногда оранжевыми, лиловыми и даже темно-фиолетовыми? Доказано, что орехи фисташек восстанавливают силы человека. Еще Гиппократ использовал ореховую кожуру для приготовления лучших лаков, а древесину — для облицовки мебели, изготовления всевозможных резных изделий. Словом, «профессий» у фисташки множество.

Фисташка — замечательное дерево, доживающее до пяти-шести столетий и достигающее толщины в четыре обхвата. Ее раскидистая зеленая крона простирается на 35—40 метров.

Устойчива фисташка и к засухам. ...На небе ни облачка. Наступает беспощадный зной. Кругом засуха. Гаснет жизнь, а фисташке нипочем. Она в это время даже прихорашивается, будто наливается соками. В августе, когда начинает плодоносить фисташка, расцвеченная салатowymi, оранжевыми или темно-фиолетовыми плодами, она становится еще красивее...

Константина Павловича можно часами слушать и слушать. Увлеченный он человек. В этом я еще раз убедился, когда один из вечеров провел в его доме. До поздней ночи мы рассматривали коллекции дикорастущих трав и цветов, стопки синих тетрадей с путевыми наблюдениями, записками.

— И здесь ваши статьи?— спросил я, протягивая руку к стопке журналов «Природа»,

Он перехватил один из журналов и открыл его на 68-й странице.

— Вот здесь начинается моя статья об охране природы Западного Копетдага.

Потом мы смотрели фотоальбомы с изображением флоры и фауны Таджикистана, Туркмении и других мест, где Попов в разное время работал и путешествовал.

Вот крымские фотоальбомы. Здесь замечательны гора Демерджи, известная своим причудливым выветриванием, сосенка-дочь, поселившаяся в дупле сосны-матери, развалины древ-

него городища и скала, напоминающая минарет высотой в 30 метров.

— И это фотографии крымские?

— Разве не видно, что крымские? — заметил Константин Павлович и стал показывать снимки водопада Джур-Джур, древней юкки, поражающей внушительными размерами листьев, генуэзской крепости, напоминающей о былом могуществе древнего Сурожа, косуленка с оленихой, мирно пощипывающих травку.

Еще шкаф и еще стол, где размещены новые альбомы, слайды, черно-белые снимки, рефераты, научные статьи, многие из которых представляют Кара-Калу, долину Сумбар и Копетдаг.

ЗЕЛЕНОЕ ЧУДО КОПЕТДАГА

Мандрагора Мизгиревой. На дегустации хурмы.
«Белла дона». Оазис... для змей. На кобру с кепкой.
Жорка и Машка.

Вблизи селения Кара-Кала находятся плантации совхоза субтропических культур и Туркменская опытная станция Всесоюзного института растениеводства, не имеющая себе равных в стране.

Вот уже полвека хозяйкой этой чудо-станции в шестьсот гектаров является Ольга Фоминична Мизгирева.

В Кара-Кале ее знают стар и млад. Когда она идет по селению, только и слышно: «Салям алейкум»,— почтительно кланяются ей старики в папахах. «Добрый день, Ольга Фоминична»,— говорят пожилые женщины. «Здравствуйте, бабушка Оля»,— приветствуют ее дети.

Жизнь человека до обидного коротка. Особенно быстротечна она у людей напряженного умственного труда. Кажется, не так давно Мизгирева закончила художественное училище. Она мечтала стать живописцем. И стала бы. Но вот в 1931 году с заданием Госиздата приехала в Кара-Калу на зарисовки декоративных растений, и душа ее наполнилась новыми планами.

А было это так. В том же тридцать первом году в Туркмению приезжал академик Николай Иванович Вавилов, директор Всесоюзного института растениеводства. Он обратил внимание на талантливые рисунки одаренной художницы и сказал:

— Вы, Ольга Фоминична, сызмальства, вижу, с природой дружите. Вот и сделайте так, чтобы зацвела эта пустынная земля, как на ваших изумительных картинах. Возьметесь?..

Взялась, круто повернув свою жизнь. Не всякий может так вот с нуля начать, когда уже что-то другое наметилось раньше. Но молодая художница, забросив этюдник с красками, отважилась — поступила на станцию лаборантом отдела декоративных растений, заочно училась в сельскохозяйственном институте, целыми месяцами находилась в экспедициях..

— Эти экспедиции и принесли открытия?

— В конечном счете — да, но в то время никто не мог знать о масштабах находки.

Как бы в подтверждение этих слов, Ольга Фоминична вдруг поднялась с места (а находились мы с ней в одной из комнат станции), достала из стеклянного шкафа пластмассовую вазу с фруктами и тут же сказала:

— Попробуйте, пожалуйста, и постарайтесь определить, что это за плоды?

— Хурма.

— А эти?

— Зеленые помидоры,— бойко ответил я.

— Похоже. Но не они.

Попробовал на вкус. Странно, запах помидора и дыни одновременно.

— Нет, это не дыня и не помидор, а плод мандрагоры,— тут же заметила Мизгирева и стала рассказывать, что в этих краях растет удивительное растение с листьями диаметром более метра и зелеными плодами.

Это растение было открыто Мизгиревой. Но первоначально, когда она написала об этом открытии в Ленинград Вавилову, ей ответили: «Не может быть. Известно, что мандрагора растет в двух местах земного шара — на берегах Средиземного моря и в Гималаях».

Тогда Ольга Фоминична взяла два листа фанеры, положила между ними метровые листья, а в специальном мешочке —

зеленые плоды и наложенным платежом отправила прямо в Ленинград. Прошла неделя, и вдруг телеграмма-молния из Всесоюзного института растениеводства: «Поздравляем с удивительным открытием».

Многое бы успела Мизгирева еще в те тридцатые — сороковые годы, но помешала война с фашистами. То было очень тяжелое время даже здесь, в глубоком тылу, когда землю приходилось обрабатывать единственным на станции верблюдом, который временами тоже не выдерживал огромной, непосильной даже для него нагрузки. Но сотрудники субтропической станции, невзирая ни на что, делали свое дело: поднимали зябь, изыскивали семена, и благодарная земля щедро одаривала богатыми дарами.

С весны до поздней осени на чудо-станции собирают фрукты. Уже в мае едят абрикосы, затем поспевают белая сладкая шелковица, груши, инжир, персики, гранаты.

В Кара-Кале я побывал в разгар октября. Шла уборка урожая. Собирали яблоки, хурму, фисташки и, конечно, виноград, тонкий и душистый, который называют «дамскими пальчиками». Такого вкусного винограда, как в Кара-Кале, я нигде не пробовал. Кроме «дамских пальчиков», есть много и других разновидностей и сортов винограда: белый, красный, черный, пурпурный, а всего на станции этих разновидностей 911. Но еще имеются 420 видов абрикоса, 150 — миндаля, 42 — хурмы.

— Сорок два вида хурмы?

— Не верите? — с обидой в голосе промолвила Ольга Фоминична и, тронув меня за плечо, пригласила в дегустационный зал.

Как и другим присутствующим в этом зале, мне выдали дегустационный лист, и я вместе со всеми стал усердно заполнять его графы. Рассчитывал, что на дегустации будут два-три вида хурмы, а их оказалось сорок два. Каждый вид находится в отдельной вазе со своей этикеткой... Хурма восточная, хурма китайская, хурма Ятоумицо, хурма-гейми, хурма-фонарик — раз-ве все их разновидности перечтешь.

Как и всем, мне подносили вазу с хурмой, я брал плод, отрезал ломтик, пробовал, определял его вкусовые качества. Я, правда, небольшой специалист в этом вопросе, но скажу без преувеличения: все, что пробовал, было необыкновенно вкусно, ароматно, и я без колебаний ставил пятерки в дегустационном листе.

— Ну и как, по душе вам наша хурма? — улыбнулась Ольга Фоминична, перебирая дегустационный лист с моими оценками.

— Очень нравится.

Ольге Фоминичне уже давно за семьдесят, но она по-прежнему трудится беззаветно, все силы отдает родной земле. Ее труд отмечен высокими правительственными наградами — тремя орденами и многими медалями. Имеет награды и ее муж Николай Михайлович Минаков — скромный, одержимый, как и его супруга, человек.

Николай Михайлович очень любит природу гор, их обитателей и отдает ее сохранению все свои силы и знания. Именно в горах, в дружбе с природой он всегда находит что-то интересное и для себя, и для науки, которой он посвятил всю свою жизнь.

Природа не остается в долгу. За добро она платит добром. Общаясь с природой, Николай Михайлович близ Кара-Калы нашел лекарственное растение (красавкой называется) с желто-белыми цветочками и глянцево-черными ягодами, величиной с мелкую вишню. Еще в Древнем Риме люди знали, что смачивание глаз соками этого растения приводит к сильному расширению зрачков. Модницы-римлянки применяли с этой целью сок красавки, отчего глаза становились томными и выразительными. Отсюда и названия растения «белла дона» — «красивая дама», или просто — «красавка».

Поездки Минакова в горы связаны со многими открытиями. Наверное, он был первым человеком, который увидел неизвестные ботанике ландыши, орхидеи. А возвращенная Николаем Михайловичем в Кара-Кале роскошная дубовая аллея известна далеко за пределами республики.

На субтропической станции работает и их дочь — Наталья Николаевна. Она тоже увлечена растениями и вот уже пятый год выводит новые сорта урюка.

Рассказывая об Ольге Фоминичне и ее семье, думаешь: кто-кто, а эти люди знают, что такое радость созидания. И в этом видят они смысл своей жизни.

Из Кара-Калы наш путь лежал в долину реки Сумбар, в места, где живут потомки туркменов — геклены, которые на широких террасах Сумбара выращивают гранат, инжир, миндаль, грецкий орех и другие фруктовые культуры. Здесь много насаждений тутовника, и почти каждая туркменская семья участвует в кормлении шелквичных червей.

Но прежде чем отправиться на Сумбару, по совету Николая Борисовича Андреева, директора заповедника, едем к Бабашу.

— Кто этот Бабаш?

Николай Борисович поправил форменную фуражку и сказал торжественно:

— Владимир Михайлович Бабаш — хозяин оазиса... змей.

— Разве есть такая должность?

— В штатном расписании нет, а на самом деле она есть и называется — главный змеелов.

Смуглолицый, широкоплечий, немногословный, Бабаш родом из Донбасса, точнее из села Кипучая Криница Старобешевского района, того самого района, где прославилась на всю страну знатная трактористка Паша Ангелина. В Кипучей Кринице Володя рос, учился в школе...

Если говорить о змеях, то первую гадюку он поймал еще будучи учеником четвертого класса. Тогда он еще, конечно, не думал, что будет змееловом, но уже возился с пресмыкающимися, как с котятами, и его, малолетнего «укротителя», вскоре узнало все село. Однажды Володя поймал с полдюжины ужей. Выпустил их в комнате, когда родители были в поле. Змеи расплозились кругом. А он, словно индийский факир, восседал между ними на опрокинутой табуретке. Ребята с завистью заглядывали в окна, а ему было немножко не по себе от радости и гордости за совершенное. Голову держал высоко, по комнате ступал важно. Одну змею подпустил вплотную к себе, ловко поднял, положил на подоконник, потом протянул руку, змея поползла по руке, взобралась на плечо, обвила шею. Ребята в ужасе: «Пропал Володька, умрет от яда», но они тогда не знали, что Володя укрощал обыкновенных ужей.

Время шло. Незаметно подобралась к Володе пора мечтаний. Но мечтал он не о самолетах, пароходах, паровозах, как многие его товарищи, а о змеях. И мечта стать змееловом прочно овладела мыслями смуглолицего крепыша из Кипучей Криницы. С той мечтой он работал на шахтах, отслужил срочную службу, демобилизовался из армии и подался в Туркмению, где жили его товарищи по армейской службе. Там и стал змееловом.

И вот мы едем к Бабашу... Местность, по которой мы едем, показалась необычной: песчаные барханы, глинистые обрывы, кустарники, ореховые насаждения и среди всего этого... тысячи змей. В течение весны, лета и осени они лежат здесь за надежной сетчатой оградой, мирно греются на солнышке, а на зиму многих из них отправляют в «отпуск» в те места, где они пойманы. В родных краях гюрзы и кобры легче переносят холодное время, быстрее набирают вес, спокойней проводят спячку, а когда весной попадают снова на летние квартиры, в серпентарий, лучше растут и дают больше яда.

Когда мы приехали в серпентарий, Владимир Михайлович Бабаш сидел на опрокинутом ведре и оживленно разговаривал со смуглым пареньком лет восемнадцати. Тот застенчиво теребил в руках узорчатую тубетейку и молил хозяина змеепитомника взять его на работу.

— Не спеши, Ашир,— не повышая голоса, доказывал пареньку Бабаш.— Пойми, служба у нас особая и опасная.

Как решился вопрос с Аширом, мы не знаем. Владимир Михайлович сказал парню: «Хорошо, я подумаю и через день-два решу».

Знакомимся с хозяином оазиса змей и с ходу засыпаем его вопросами. Первым из них был вопрос:

— Что же самое трудное в вашей работе?

— Самое трудное — найти змею.

— Ну и как же вы ее находите?

— Если это в предгорьях Копетдага, то находим у каменных выходов, в пустынной местности — по склонам оврагов и возле нор грызунов. Но туда еще надо добраться, а на это тоже уходит много дней. Приходится, бывает, уходить от дома километров на сто — сто пятьдесят да еще груз на себе тащить килограммов двадцать. И это в жару, когда ртутный столбик не опускается ниже тридцати градусов.

Владимир Михайлович откладывает в сторону крючок, который он обычно носит с собой, и говорит:

— В пути, понимаете, бывает всякое: и песчаная буря, и встречи с диким зверем, иногда и без пищи на день-два останешься, а иногда и без капли воды.

Можно понять Бабаша, если добавить к сказанному и ту опасность, которая подстерегает змеелова на каждом шагу. Не зря же говорят, будто змеелов, как и сапер, ошибается только один раз в жизни.

По глазам вижу, Владимир Михайлович недоволен таким сравнением.

— Риск, конечно, есть,— прерывает он меня,— но не такой, как людям кажется. Есть в нашей работе и промахи. В промахах признаваться не очень приятно. Но от них никуда не денешься.

— Хотите сказать, что и вас змеи кусали?

— Кусали,— с сожалением ответил Бабаш и, перегнувшись через сетчатый барьер, к которому мы подошли, протянул руку с несгибающимся пальцем,— моя первая отметина. Она появилась лет двенадцать назад. Стояла осенняя пора, горела разноцветьем увядающая листва. В руках у меня рогулька для ловли змей, мешок из плотной материи и лопатка, которой обычно мы откапываем змеиные норы. Все шло хорошо: с полмешка змей наловил, притом самых ядовитых. А когда собирался уже уходить, еще одну заметил — двухметровую гюрзу.

Ладонями Владимир Михайлович провел по волосам:

— Скажу вам: гюрза хитрая, не то что кобра. Лежит она под камнем спокойно, не шумит. Глаза неподвижны. Кобра же

позу принимает, грозно раздувает капюшон и предостерегающе шипит. И этим себя обнаруживает.

Интересно рассказывает Бабаш.

— Сбросил я рюкзак, положил лопатку и только хотел взяться за рогульку — вдруг дикая боль пронзила палец. Зная, что укус этой змеи смертелен, я схватил нож, который всегда носил при себе, и вырезал с мясом кусок пораженной мышцы.

— Видимо, в вашей практике это не первый случай?

— В общем, каждые два года меня кусают змеи — и, как видите, жив.

— А змеиная боль?

— Разве это боль...— Владимир Михайлович тяжело вздохнул, и глаза его сделались печальными-печальными. Я тогда вспомнил то, о чем поведал нам по пути директор заповедника.

В 1976 году к Бабашу приехал с Украины родной брат и стал проситься к нему на службу. «Опасно, Витя»,— говорил ему Владимир Михайлович. Виктор не послушал. Год ловил он кобр и гюрз, а в 1977 году его нашли в отрогах Копетдага мертвого. Он лежал среди камней, а рядом с ним в мешке лежало пять гюрз.

Не перестаю думать, насколько все-таки опасна эта профессия, а когда стал допытываться об этих опасностях у Владимира Михайловича, то услышал больше о том, что... когда постоянно занимаешься ловлей змей, то начинаешь к этому делу относиться, как, скажем, к работе на обычной животноводческой ферме.

— Такого мнения придерживается и ваша супруга?

— Придерживается. Правда, я к своей работе Наташу не приобщал, мол, не женское это дело. Сама загорелась, долго уговаривала, даже угрожала скандалом, пока не разрешил и ей пойти в горы.

— Так у вас и жена змеелов?

— Все мы змееловы и живем на одной усадьбе со змеями.

Владимир Михайлович продолжал рассказывать. А когда мы подошли к одному из вольеров, он присел рядом с молодой коброй. Чуть подняв голову, кобра следила за каждым его движением, а он словно влюбленный, смотрел на свою воспитанницу.

— И сколько же через ваши руки прошло таких «красавиц?»

— Если с гюрзами, щитомордниками, эфами — тысячи четыре.

Прошли еще с десяток метров и снова остановились у одного из песчаных барханчиков.

— Смотрите, здесь проползла кобра.

— Откуда вы знаете, что кобра именно здесь проползла?

— Видите, след смазан там, где хвост. Ползла недавно, после нее здесь еще скорпион пробежал...

Беглянку нашли. Я издали наблюдал, как Владимир Михайлович отложил в сторону крючок, подошел к кобре.

— Спокойно, дорогая, спокойно! Больно тебе не сделаем. Ты же ведь умница!

Кобра поднялась, зашипела. Казалось, вот-вот бросится на змеелова. Но Бабаш не из пугливых. Он начал делать перед носом кобры какие-то магические движения своей кепкой. Голова кобры металась за головным убором то вправо, то влево. И вдруг, я и не заметил как, он схватил ее за голову.

— Разве так можно?

— Понимаете, у кобры очень нежное строение позвонков,— словно оправдываясь за свое безрассудство, ответил Владимир Михайлович,— а после рогульки или щипцов, которыми мы иногда пользуемся, змеи долго болеют и мало живут. Ведь их осталось не так много на свете.

И еще был вопрос о капельке прозрачной жидкости, которая стекает при укусе с зубов змеи.

— Не сомневайтесь,— кивает Бабаш.— Это и есть змеиный яд.

Владимир Михайлович пригласил нас в помещение. Завел в одну из комнат: на окнах занавески, а в углах столы, а на них баночки с желтыми кристалликами.

— В этой — яд гюрзы, а в той — кобры,— продолжал он.— Одной каплей можно убить человека, а вот лекарством, которое можно приготовить из той же капли, можно вылечить сотни людей от самых разных болезней, например, от радикулита.

— Сколько же можно добыть змеиного яда?

— В сезон тысячу граммов, если считать по кристалликам.

— А по чистой прибыли для государства?

— До ста тысяч рублей.

— Не так уж и плохо. Выходит, змеиный яд дороже золота.

Основное занятие у Бабаша — пресмыкающиеся, но если попадают к нему другие животные, он не отказывает им в гостеприимстве. Долгое время у него в хозяйстве жили лисята, зайцы, ежи, а теперь живет дикий кабанчик.

...Его нашли у самой границы. Кабанчик беспомощно лежал в камышах, тараща глазенки на неведомых пришельцев. Кто-то из пограничников нарек его Жоркой. Кличка понравилась кабанчику, и он быстро подружился с солдатами. Но «нарушитель» есть нарушитель, и постоянную прописку он не получил на заставе.

Не хотел Жорка покидать своих друзей, но пришлось. Попал он на «воспитание» к Владимиру Михайловичу.

Встретили здесь Жорку радушно. Поместили на скотном дворе, в отдельном помещении, отдельно кормили, поили. Жорка был рад, визжал и хрюкал от удовольствия.

— Стоит негромко кликнуть: «Жорка, Жорка!» — рассказывает Бабаш, — как он стремительно выбегает из свинарника — и ко мне. Бежит, как собачонка, и в глаза заглядывает. Если остановишься у плетня — молит бочок почесать, если проходишь мимо — бежит следом, гостинца просит. И не корку хлеба или качан капусты, а конфеты. Жорка у нас сладкоежка. Любит «Дюшес», не брезгует и «Каракумом». Дашь одну — просит еще одну. Доволен, но, бывает, и злится, хулиганит. Жорка — зверь, дикий вепр, как их в древности называли.

Хотя Жорка и дикий, но все понимает и не терпит обмана. Однажды Владимир Михайлович поманил его к себе, протягивая руку, якобы с лакомством, а когда Жорка подбежал и увидел, что там пусто, он обиделся и схватил хозяина за палец.

Но прошел год, и Владимир Михайлович стал замечать, что Жорка грустит. Ему не хватало подруги. Иной раз забьется в самый угол свинарника, уткнется рылом в землю и так до полудня лежит, не ест, не пьет. Но стоило хозяину поместить к нему свою Машку — домашнюю свинью, как Жорка сразу повеселел.

— Если бы вы знали, как они дружат, ухаживают друг за другом, — умора, — улыбается Бабаш, — водой не разольешь. Одним словом, любовь.

— И все-таки Жорка — дикарь?

— Дикарь-то дикарь, а свою Машку не бросает. Празда, один раз Жорка проявил свой нрав. Гулял весь день с Машкой, а вечером исчез и неделю не появлялся. А когда мы уже махнули на Жорку рукой, он вдруг появился на скотном дворе грязный и весь в тине. Видимо, загулялся где-то в камышах у своих собратьев...

— С собратьями — это понятно, а вот как ведет себя Жорка со своими близкими «соседями»: кобрами и гюрзами?

— Никак. Он их просто не замечает.

— И еще вопрос, — продолжаем атаковать Владимира Михайловича. — Сколько же теперь Жорке?

— Полтора года.

— А Машке?

— Год...

Когда мы покидали гостеприимного хозяина змей, Жорка с Машкой важно прогуливались по серпентарию. У них скоро должно было появиться потомство.

ПО ДАЛЕКОЙ СУМБАРЕ

В медвежьем ущелье, Поединок. На родине Махтумкули.
Восточное гостеприимство. По следам леопарда.
Гранатовый сад. Ну и огурцы!

В долину Сумбар, где расположена центральная усадьба заповедника и хозяйство Бабаша, выходит несколько ущелий, образованных мелкими речками: Карагач, Пордере, Айдере.

Мы едем в Айдере. С туркменского это слово переводится по-разному: и как долина с дорогой, и как медвежья долина, и как медвежье ущелье. В самой долине Сумбар чаще всего его называют Медвежьим ущельем. Так будем называть и мы его. В ущелье Айдере действительно замечены медведи, причем особые — с белыми когтями.

Дорога к Медвежьему ущелью тряская и пыльная, она замысловато вьется по невысоким горам. Ехать душно, и только

когда начинаем приближаться к самому ущелью, тянет прохладой.

Ущелье Айдере густо заросло ясенем, платаном, вязом, карагачом, барбарисом и шиповником, среди которых немало и дикорастущих плодовых. Здесь есть дикий виноград и вишня, ежевика, инжир и алыча. Многие из них оплетены лианами, а также гибкими ветвями какого-то древовидного кустарника с острыми крючками, образуя густые, подчас труднопроходимые чащи.

А в этих чащобах, под сенью зеленых крон, бормоча что-то на перекатах, струится шустрая речка Айдеринка. То там, то здесь слышны голоса птиц. Немало в ущелье и зверей. Кроме упомянутых выше белокоготных медведей, здесь водятся также волки, шакалы и даже леопарды.

Леопард — крупное красивое животное с яркой окраской меха — на желто-рыжем фоне коричневые пятна. Пятнистая окраска позволяет зверю хорошо маскироваться в лесу и среди кустарников.

Для человека опасен лишь раненый леопард, когда его преследуют. Но все равно, можно было представить мое самочувствие, когда, оставив своих спутников готовить пищу, я, стараясь не шуметь, пробирался через густые кустарники к большому камню, чтобы рассмотреть, что делает черно-белый пушистый зверек с лохматой головкой и маленькими округлыми ушами.

Зверьком была перевязка. Она воровски притаилась среди груды камней и пристально следила за крохотной зеленой лужайкой, где беззаботно расхаживал фазан.

Голодный зверек насторожился, собрался в упругий комок и, сильно оттолкнувшись задними лапками, бросился на оторпевшую от страха птицу.

Поединок был скоротечный и неравный. Вскоре фазан судорожно забился в железных объятиях коварного зверька.

Забыв, что меня ожидают товарищи, я с любопытством наблюдал это редкое зрелище. Среди наблюдателей был я не одинок. Высоко в небе, высматривая добычу, парил беркут. Вот он застыл на месте серой неподвижной точкой, а затем камнем ринулся вниз.

Беркут — сильная птица. Его добычей может быть и заяц, и лисица, и даже матерый волк. Свалив в одно мгновение трусливо убегающую перевязку, беркут запустил когти своих сильных лап сразу в обоих — победителя и его жертву.

Еще мгновение — и пернатый хищник, расправив свои двухметровые крылья, взмыл к небу и вскоре исчез со своей добычей...

Я еще долго сидел в кустарниках и не мог прийти в себя от необычайного происшествия.

Более чем полдня провели в Медвежьем ущелье и только после двух часов дня стали готовиться к отъезду.

С директором заповедника нам предстояло следовать в верховье Сумбара, остальные наши спутники должны были возвращаться в Кара-Калу.

В Кара-Калу Николай Борисович отправлял и свою Кэрэ, которая сопровождала его в Медвежье ущелье.

Кэрэ, с якутского — «красотка», — это западно-сибирская лайка. Собака не простая. У нее много дипломов. Она может ходить и на медведя, и на ласку, и на белку. Мать Кэрэ — чемпионка среди лаек, отец тоже медалист. Кэрэ — сдержанная, внешне спокойная, служит хозяину верой и правдой. А еще она — очень заботливая мать.

Но вернемся к самому Николаю Борисовичу Андрееву. В одной из предыдущих глав я обещал подробно рассказать о нем... Чем больше я знакомился с Николаем Борисовичем, узнавал его, тем больше он мне нравился, прежде всего, своей деловитостью. Это молодой, энергичный и очень скромный человек, а главное, уважительный к людям. На службе так себя поставил, что в короткое время вокруг него собрался небольшой, но дружный круг его единомышленников, увлеченных людей, в состав которого теперь входит семь кандидатов наук.

...Уроженец Якутии, Николай Борисович считает Туркмению своим вторым домом. Сюда он приехал в семидесятые годы, приехал, чтобы навсегда остаться в этом солнечном крае. В то время Западный Копетдаг во многом оставался неизведанным. Огромные его просторы были необводненными, со скудной растительностью, подлинным бедствием которой стали козы, совсем оголившие склоны гор. Нужно было принимать решительные меры по охране Копетдага, сохранению его почвенного покрова, его флоры и фауны. Наиболее радикальным средством могло служить создание вдоль бассейна реки Сумбар Сянт-Хасардагского заповедника.

В Республиканском комитете лесного хозяйства долго обсуждали вопрос о директоре нового заповедника. Владимир Яковлевич Ковешников, много сделавший для сохранения природы Туркмени, назвал имя молодого ученого Андреева Николая Борисовича.

Когда Николай Борисович был назначен директором, он серьезно задумался. Нет, он не обольщался оказанной ему высокой честью, не возгордился доверием старших товарищей. Он просто обдумывал, с чего начинать, что надо сделать, чтобы сохранить природу этого дивного края.

— Как вы вообще пришли в заповедный мир природы?

— В детстве, как и многие мои сверстники, я занимался в юннатских кружках.

— В юннатских кружках?! И это в Якутии, за тысячу километров от железной дороги?

— Представьте себе, что да.

— Кто же руководил вашими кружками?

— Отец!

Андреев-старший — учитель ботаники, заслуженный человек не только в Якутии, но и во всей Российской Федерации. Без малого сорок лет он на педагогической работе. Он же руководил и кружком юннатов в местной школе, сыну поручил заведовать живым уголком.

— Там,— рассказывает Николай Борисович,— я должен был кормить зверей: медвежонка, лисичку, ежа. Животные были и у нас дома. Например, ручной лось. На нем я часто ездил в школу. Отец мой также и картины писал, и первоклассные чучела мастерил. У него я прошел хорошую школу. Вместе с кружковцами не раз пускался в самые рискованные путешествия по родному краю, проходил сотни километров по безлюдной тайге, болотам, преодолевал снежные перевалы, переправлялся через горные реки, испытывал на себе атаки комаров и назойливого гнуса — мошкары.

— Какой из походов в детстве вам больше всего запомнился?

— Помнятся все, но особенно первый, через три года после окончания войны. Двадцать восемь дней на пяти плоскодонных лодках «скитались» тридцать два юнната по реке Мархе. Послевоенное время было трудным. Почти единственным кормильцем нашей ватаги был тогда старый отцовский невод. Запомнился и наш поход за черным аистом, точнее, по местам гнездования этой редкой птицы. Прошли более четырехсот километров по песчаным пустыням Вилюя, к берегам озера Ниджили, плыли по Лене, поднимались на Усть-Вилуйские отроги Верхоянского хребта...

— Все это в школьные годы. А когда закончили школу...

— Служил в армии, потом учился в МГУ, в одной группе с Валерием Ивановичем Кузнецовым, нынешним моим заместителем по науке.

— А после университета?

— Работал в Новосибирске. В Академгородке был секретарем райкома комсомола и научным работником одного из институтов.

— А как же вы попали в Туркмению?

— Летом тысяча девятьсот семьдесят шестого года я гостил

у Кузнецова в Бадхызе. Там он меня познакомил с Иваном Семеновичем Сухом, тогда директором Бадхызского заповедника. «Давай к нам в Бадхыз,— стал звать меня Иван Семенович,— не пожалеешь. Лабораторию дадим». Подумав, я согласился. С тех пор и живу в Туркмении.

Работа у Николая Борисовича пошла и на новом месте. Правда, были и промахи, возникали и трудности то с финансированием, то со стройматериалами, то со штатами, но постепенно все улеглось. Помогали ему таежная закалка, целенаправленность, умение общаться с людьми, даже с теми, кто не знал русского языка.

Тут я спросил:

— И что же все-таки самое главное в вашей работе?

Николай Борисович ходил взад-вперед, засунув руки в карманы брюк, обдумывал, а потом сказал:

— Предусмотрительность.

Такая черта, видимо, характерна для якутов. В студеных краях десять месяцев зима, а потом, как говорят, лето... Так что в оставшиеся два летних месяца нужно все предусмотреть и подготовить, иначе трудно будет на зимовке.

— Так это в Якутии, а причем здесь Туркмения?

— При том, без предусмотрительности заповедное дело не поставишь и здесь, в Туркмении.

Слушая Андреева, читая его рефераты, деловые бумаги, дневники, проникаешься еще большим уважением к этому замечательному человеку. Его любовь к Туркменистану, как и к Якутии,— безгранична. И не удивительно, что в меру своих сил он стремится постичь тайны природы и уберечь ее от зла.

...Но пора в дорогу, пока до вечерних сумерков еще далеко и не скрывающееся за горами солнце хорошо освещает темнеющие горы.

Едем дальше. В пути встречаются предгорные адыры — холмистая местность, увалы с выходом пестроцветных глин, пересохшие речушки, небольшие рощи орешника и кое-где населенные пункты. Большинство из них стоят у родников и колодезцев, вытянувшись в линию вдоль дороги.

Вокруг поселков, по обеим сторонам дороги, расположены сады, огороды и виноградники. Виноград в долине Сумбара первоклассный, и многие жители из него готовят изюм. Для этого они строят домики-сушилки, стены которых испещрены отверстиями, через которые проникают сухие ветры. Внутри — деревянные жерди с частыми крестовинами. На них развешан виноград. Когда ягоды высыхают, они отрываются от кисти и падают на земляной пол, гладко обмазанный глиной. Пройдет немного времени — и с пола соберут сладкий зеленоватый изюм.

С каждым поворотом дороги горы становятся выше и выше. Одни врезаются в небо сахарной головой, другие — серой башней, третьи — остроконечными пиками. Если в развилке гор встречаются селения, то они, как правило, лежат в каменных чашах. Одним из таких селений и был Геркез, где мы немного задержались. Именно здесь провел свои ранние годы основоположник классической литературы, поэт-демократ Махтумкули, мудрый и поэтичный человек. Хотя он и не учился ни в Хиве, ни в Бухаре, однако, как никто, знал многие языки Востока, писал проникновенные стихи.

В стихах Махтумкули звучит страстная мечта о единении туркменов, мечта, которая смогла стать реальностью только в годы Советской власти:

...Здесь братство — обычай, и дружба —
закон
Для славных родов и могучих племен...

Все чаще дорога петляет вдоль извилистого Сумбара. Правда, сейчас, осенью, Сумбар жалкий, местами это всего лишь пересохший ручеек. А ранее он играючи крутил жернова многочисленных водяных мельниц. Эти оригинальные сооружения сохранились в каждом ауле. Но сейчас они лишь немые свидетели былой многоводности Сумбара.

Разбрасывая по обочинам камешки, наш газик надрывно урчит и, не сбавляя скорости, взбирается в гору, оставляя за собой отвесные скалы, заросли орешника и совсем редкие в этих местах растения — хохлатки, сплошь покрытые своеобразными пузырями, похожими на гроздья винограда.

Уверенно крутит баранку Ораз.

— Ораз у нас молодец, ас, — хвалит шофера Николай Борисович, — водит любую машину по самым трудным дорогам.

В наш бурный век технического прогресса среди туркменов мало осталось лихих джигитов, которые скачут на тонконогих скакунах-текинцах в праздничном белоснежном тельпеке и красном халате, опоясанном кушаком. Но джигиты в Туркмении еще есть. Среди них и наш Ораз.

За поворотом показалось новое селение, а в нем дом нашего Ораза. У Ораза здесь мать, отец, жена Кызылгуль и дети.

Мечта каждого туркмена — иметь много детей и внуков. Внуков у Ораза еще нет, но детей полон дом.

Высокий, загорелый, в спецовке и рыжей выцветшей тубетейке, Ораз заглушил мотор и потянул нас к себе. Не успели мы как следует рассмотретья, умыться, как дастархан — пушистая скатерть, покрывшая узорчатый ковер, была уже заставлена угощениями: в тарелках — баранина, дымящийся паром

картофель, молоко с сыром-мотол, хайченек — какая-то особая яичница, арбузы, подносы с яблоками, гранатами, инжиром и разными сладостями.

Запомнился гостеприимный дом Ораза. Восточное гостеприимство вообще славится, но оно еще поразительнее, если хозяин узнает, что его гость — дальний странник. Хозяева буквально плачут от радости. Накормят, напоят его и всех, кто приехал с ним, и настоятельно будут просить остаться их гостем хоть на год. Такова народная традиция.

Теперь горная дорога ведет в селение Тумликалу. Не прошло и двух часов, как стало вечереть. Солнце почти уже скрылось за ближайшими хребтами, и только в синем небе отдельные лучи освещали покрытые снегом далекие вершины.

Заночевали в Тумликале, у лесника Алаберды Сулейманова. Осмотреть горное селение по приезду не смогли, так как ночь вступила в свои права. В такую темную ночь может прийтись и баба-яга на березовом помеле.

Но ночь в Тумликале запомнилась не столько своей темнотой, сколько тишиной. Редко где встретишь такую тишину, такие крупные дрожащие звезды, которые, кажется, можно достать рукой, взобравшись на верхушку чинары. Лишь далеко еле слышно шумел маловодный Сумбар, зажатый в расщелинах Карабаира — Черных гор. Подумалось: наверное в такие именно ночи «пасет» кабанов леопард, гонит их по ущелью или подкарауливает на тропах и водопоях, настигая жертву огромными прыжками.

«Бывает, что леопард забирается и в колхозную кошару, чтобы зарезать овцу», — припомнились еще свежие комментарии директора заповедника, которые я слушал в пути на Тумликалу. Николай Борисович тогда рассказывал, что горы Карабаира, как и ущелья Сумбара, — любимые места этого зверя.

В том, что эти места действительно им любимые, я с каждым часом нашей поездки все больше и больше убеждался. След леопарда, который мы видели по пути в Тумликалу, рассказы местных жителей, которых встречали по пути, подтверждали, что леопарды соседствуют с Тумликалой и свое логово устраивают в нагромождениях скал, в пещерах и даже в зарослях кустарника...

Многим мне запомнилась Тумликала, многое оказалось для меня неожиданным. Несмотря на всепроникающую пыль и недостаток воды, на отдаленность селения от больших городов, в Тумликале удивляли продуманное устройство дворов, глубокие выгребные ямы, чистота на улицах и во дворах.

Вообще мне очень понравилась атмосфера доброты и дружбы, особенно среди детей, характерная не только для

Туркмении, но и для всех республик Средней Азии. Ребята очень ласковы и доверчивы не только между собой, но и со взрослыми, удивительно деловиты. Ведь им некогда капризничать, да и у родителей мало времени потворствовать им. Плачущего, хныкающего, капризного ребенка здесь редко встретишь, разве что когда он болен.

В Туркмении родители очень любят детей, но, как и всюду на Востоке, предпочитают иметь сыновей. Я, правда, этого не заметил ни в семье лесника, ни в семье нашего шофера, в которых мы были, хотя у них в роду почти все девочки.

Очень щедрая осень в Тумликале. Виноград разных сортов и цветов, груши, персики. А какие в селении гранаты: тяжелые, коричневого цвета с фиолетовыми оттенками!

Гранат... Это не просто вкусный и питательный плод. Знаменитый Ибн-Сина в своей врачебной книге рекомендовал в 150 случаях лечение гранатом и гранатником. Кора граната — хранитель чистоты и ритма пищевого тракта, а зерна его обладают даром очищать кровь.

Изображение граната можно увидеть не только в древних книгах, но и на воинских щитах Древнего Египта и Урарты. Гранат изображался как символ мирной жизни: снимешь кору граната, выпьешь целебный сок и будешь всегда здоров.

На рассвете мы с Алаберды Сулеймановым пошли побродить по гранатовому саду.

— Держи! — кричит Алаберды и деревянным крючком-ильмеком, подтянув ветку, ловко срывает огромный, кулака в два, не меньше, гранат.

Малиновый плод, едва коснувшись подставленных ладоней, треснул, как перезревший арбуз, брызгая рубиновыми каплями.

— Вкусно? — глаза Алаберды светились лукавой радостью, а рука с крючком потянулась еще к одной ветке, чтобы сорвать уже другой сорт граната.

Теперь плоды поменьше, цвета и вкуса другого.

— Пробуйте, пробуйте и эти!

Нырнув под низкие ветви граната, выходим с Алабердой к молодым посадкам, а потом направляемся в конец сада. Справа большой кустистый гранат, а слева...

— А что это за диковинка? — пожимая от удивления плечами, указывая на странное растение, спросил я. — Неужели огурцы?

В это время подошел Николай Борисович Андреев с горячими чуреками в руках. Он, видимо, моего вопроса не слышал.

— А я вот только что вытащил их с тамдыра.

Тамдыр — это специальная круглая печь с отверстием для выпечки лепешек.

— Берите, берите. Чуреки едят только свежими. Тогда они и пышные, и вкусные, и ароматные.

А я о своем — спрашиваю его о странных огурцах.

— Да не огурцы это,— говорит Николай Борисович,— а самое обыкновенное тыквенное растение — горлянка (по-научному — леганария).— И рассказал, что пустотелые плоды этого растения по форме могут быть шаровидными, грушевидными, яйцевидными. В Туркмении эти плоды используются в качестве посуды для хранения воды и различных напитков.

— А как долго растет плод горлянки?

— Поразительно быстро. Иногда за сутки увеличивается на десять сантиметров, причем растет только по ночам. За две-три недели плод горлянки уже имеет длину сто десять — сто двадцать сантиметров...

Сутки мы провели в Тумликале, а затем, на следующий день, чуть свет двинулись в путь, чтобы до темноты добраться до Ашхабада.

...Опять дорога. Только теперь Сумбар уходит от нас к самой границе и дальше — в Иран, а мы должны следовать к Сюнт-Хасардагской гряде. Горы раздвигаются, делаются более приземистыми, какими-то по-особому пустынными. Куда ни глянешь, один и тот же безжизненный «лунный ландшафт». На совершенно обнаженных склонах — ни деревца, ни кустика, ни даже травинки.

Вот свежие пни, вот четвертованная бездумной рукой человека арча, а чуть пониже от нее чудом сохранившийся, со стволом в два обхвата грецкий орех. Если бы он мог говорить, то, наверное, многое бы поведал. Как в далеком прошлом его дарами питались медведи, кабаны, дикобразы. Но как они ни пиروвали под зелеными кронами шатров, все же часть орехов оставалась людям. Но со временем человек истребил на Копетдаге не только медведей, но и гепардов, джейранов, тигров. Ореху от этого не стало легче. Человек стал так старательно обирать деревья, что даже семян для самосева не оставил, а потом принялся вырубывать и сами деревья. А там, где не довершили свое преступное дело люди, там отличились... козы. Общеизвестно, что там, где пасутся козы, больше не растут ни деревья, ни кустарники, ни даже трава. Не зря ботаники метко нарекли коз «бритвой земли». Ведь именно козы оголили склоны гор на берегах Средиземного моря да и, пожалуй, на всем Копетдаге.

Вот такая печальная участь постигла Копетдаг. В поездке по этому краю меня ни на минуту не покидало чувство сожаления

о том, что при таком благоприятном климате и щедром солнце пустуют тысячи, десятки тысяч гектаров плодороднейших земель.

— Пока еще пустуют,— поправил меня директор заповедника.— Теперь земли, как и вся природа этого края, тщательно изучаются, восстанавливаются, охраняются. Для этого и учрежден наш Сьунт-Хасардагский заповедник.— И стал Николай Борисович рассказывать, какие они меры принимают, чтобы восстановить нарушенные рубкой горные леса и истощенные перевыпасом пастбища, какие они ведут работы по реакклиматизации и восстановлению численности турача и фазана, туркменского архара и безоарового козла, джейрана, кулана и благородного оленя — столь многочисленных здесь ранее и очень редких или вовсе исчезнувших сейчас.

— А как с Сумбаром, Чандыром?

— Осталось совсем немного ждать. В ближайшие годы сюда придет амударьинская вода, и тогда в отрогах Копетдага и на его залитых солнцем склонах снова зашумят ореховые рощи, зацветут яблони и груши, вишня и айва, персик и инжир, а в его просторных долинах поднимутся новые гранатовые сады.

Смотрю я на Николая Борисовича, посланца далекой Якутии, на его чуть задумчивые глаза, открытое, опаленное ветрами и солнцем лицо, и думаю: хотя и тяжело ему в этом знойном краю, но как много он успел уже здесь сделать.

За разговорами мы незаметно добрались к верховьям Сумбара, проследовали аул Нохур, а вскоре — и ущелье Коч-Темир. В Ашхабад, как рассчитывали, до темноты не добрались. Прибыли гораздо позднее, когда город уже погрузился в полную дремоту. Хорошо еще, что заботливые товарищи из Комитета лесного хозяйства придержали нам в гостинице места.

Ложусь в кровать и закрываю глаза. Повторится ли это снова: ущелье Айдере, парящий беркут, гранатовые сады, незабываемые встречи. И вдруг явственно слышу чей-то голос: «Кто бывал в долине Сумбар, тот сюда снова вернется».

НА ЗЕМЛЕ СОГДИАНЫ

По пути на Памиро-Алай. Ровесник Рима.
Долиной Зеравшана. У Кайнарских холмов. Его звали ягнобцем.
Шедевры Пенджикента.

Итак, я еду снова за сороковую параллель. За этой параллелью на географических картах не только буруны Индийского океана и знойная пустыня Такла-Макан, многоводная Хуанхе и безлюдные острова Атлантики, но и Еройландузская впадина, сыпучие барханы Каракумов, дикие ущелья Копетдага, тугай Пайгамбара, где я уже побывал, и Памиро-Алай, куда я теперь держу путь.

Конечно, Памиро-Алай — это еще не настоящий Памир, о котором столько пишут и говорят, как о «крыше мира», «подножии смерти», где «разреженный воздух», «птиц нет», «огонь

не того цвета», «снег зимой и летом», но это горный край, мало чем уступающий Памиру по красоте и величию.

Памиро-Алай начинается с Туркестанского, Зеравшанского и Гиссарского хребтов, которые параллельными стройными рядами тянутся с запада на восток от Самарканда до китайской границы...

Из Киева в Самарканд летим «Илом». С каждым часом солнце поднимается все выше и выше. За широким крылом самолета уже промелькнули прозрачная полоска Воли, бесконечные степи Целинного края, мутная Сырдарья, воды которой с обледенелых гор Памира текут через раскаленные пески Кызылкумов до самого Аральского моря, хмурые полупустыни и пустыни с полыньей, саксаулом и плешинами солончаков. А когда пролетели Байконур — город, который носит мужское казахское имя и где находится всем известный космодром, самолет резко повернул на юг, ближе к горам.

Самолет немного опаздывал, и это меня даже несколько обрадовало. Вместо поздней ночи мы прилетим в Самарканд где-то в три часа по московскому времени, а по местному это уже утро.

Слегка подрагивая корпусом, наш «Ил» стал снижаться и вскоре вышел на бетонную посадочную полосу.

Это уже узбекская земля, это древний Самарканд.

Самаркандом нельзя не восхищаться. Это древнейший, если не самый древний город в нашей стране. Самые ранние письменные упоминания о Мароканде, как называли его античные историки, относятся к 329 году до нашей эры. В том году Александр Македонский вынужден был остановиться под стенами этого большого и богатого города, в долине Согда. С тех пор город на холме Афрасиаба не сходит со страниц исторических летописей.

Каким только испытаниям не подвергался Самарканд на протяжении своей многовековой истории! На его холмах звенели мечи персов и греков; поднимая облака пыли, пронеслись неустойчивые орды Чингисхана, которые смели город с лица земли. Казалось, ему никогда больше не возродиться, однако уже в конце XIV века Самарканд снова поднялся из пепла. Поднялся на другом месте, почти рядом с руинами, и стал столицей обширной империи Тимура, раскинувшейся от Сырдарьи до Ганга, от Искандеркуля до Босфора...

Двадцать пять веков стоит Самарканд, ровесник Рима и Карфагена, город всемирно известных памятников зодчества.

В синеву южного неба вознесся овеянный ветрами веков купол мечети Биби-Ханым, названной так в честь любимой жены Тамерлана. Чуть наклонившись набок, стоит и величавый Гур-

Эмир — усыпальница Тимура (то ли это архитектурный просчет, то ли тайна зодчества — никто не ведает и поныне).

Смотришь на окраску купола — и снова приходят на память строки древнего поэта: «Исчезнет небо — купол Гур-Эмира заменит его...»

А падающий минарет на площади Регистана... Впрочем, термин «падающий» сегодня устарел. Самаркандский минарет уже не падает, искусные руки советских инженеров и архитекторов выпрямили его. Сказочный великан, как и сотни лет назад, строен и величав.

Издревле славится Самарканд своими поэтами и учеными. Здесь жили и творили Рудаки и Авиценна, Навои и Айни. У подножья горы Кухак во весь рост стоит величественная фигура человека, устремившего пылкий взор в звездный небосвод. Имя этого человека Улугбек. Ему, великому астроному, недавно благодарные потомки поставили памятник на том самом месте, где пять столетий назад высилась трехъярусная обсерватория Улугбека, равной которой не было на Востоке.

Большой, красивый древний и вечно молодой Самарканд. Чтобы ознакомиться с его достопримечательностями, не хватит и недели, но времени в обрез, впереди еще Пенджикент и Фанские горы.

Вечером на перевалочную базу альпинистского лагеря «Артуч», где я остановился, пришел худощавый узбек с ухоженной бородкой и спросил: «Кто есть Украина?» А когда я отозвался, он подал аккуратно сложенный листок бумаги.

— Записка от Николая.

Я быстро развернул записку и молча пробежал глазами: «Завтра в Фаны идет наш газик. Вы сможете тоже поехать».

С Николаем Луцюком мы давно знакомы. В пятидесятые годы он жил в Киеве и работал линотипистом в одной из местных типографий. Как и многие молодые рабочие, увлекался горами, стал мастером спорта. Кроме Кавказа, Николай побывал в Карпатах и дважды на Тянь-Шане. Здесь мы с Николаем работали в альпинистском лагере «Туюк-су». Там и готовили с ним молодых альпинистов, водили их на пик Комсомола и на другие вершины.

В 1955 году Луцюк принимал участие с узбекскими альпинистами в штурме самого северного в мире семитысячника — пика Победы. Пребывая в горах Тянь-Шаня, Николай близко познакомился с геологами, увлекся новой работой и остался на постоянное жительство в Узбекистане.

Утром следующего дня не успел я и глаз открыть, как шофер присланной Николаем машины уже звал меня:

— Давай садись, дорогой товарищ, моя кибитка в Пенджикент ехать будет.

Несколько минут — и, набирая скорость, Хамид, так звали шофера, уже мчал сначала улицами Самарканда, а затем, круто свернув в один из переулков, выскочил за городскую черту и понесся к Зеравшану, вдоль берегов которого змейкой бежит дорога на Пенджикент.

Дорога оказалась красивой. Зеленые стройные тополя, благоустроенные поселки. Особенно запомнился Багизаган, что в переводе означает «сад воронов». Еще в XV веке Тимур заложил здесь сад для отдыха знати. Теперь в этом саду находится центральная усадьба знаменитого хлопководческого совхоза «Багизаган».

В долине Зеравшана на всем пути лежит печать древности. Здесь можно встретить не только развалины древних построек, но даже оросительные каналы, которые, как и 2500 лет тому назад, поят влагой сады и поля...

Ильпек... Приближаются горы. Селения теперь встречаются реже. Пересекли шумную Яангиарк, оставили позади ажурный обелиск на границе Узбекистана и Таджикистана.

Хамир в голубой, в мелких горошинках, чалме поймал мой взгляд.

— Долго еще... Зачем не спросишь? — И, не слушая, что ему скажут в ответ, продолжал говорить: — Нет, совсем рядом будет Пенджикент. Хочешь спросить: красиво? Очень. Только старый, как и наш Самарканд. Ему больше тысячи лет...

До V века о Пенджикенте цивилизованному миру почти ничего не было известно, ибо не каждый завоеватель или предприимчивый купец рисковал войти в горные дебри Кухистана... В VII—VIII веках Пенджикент был крупным торгово-ремесленным центром Согда. По богатству и популярности базаров он мог сравниться с Самаркандом и Бухарой, а по искусству своих ремесленников, зодчих, художников даже превосходил их. Золотые руки искусных мастеров Пенджикента создавали шелковые ткани удивительных расцветок, выделывали замечательную глиняную посуду, изделия из кожи, меди, серебра.

Могущественная Согдиана подарила миру не только одаренных мастеров-ремесленников, но и всемирно известных поэтов, великих гуманистов — Фирдоуси, Омара Хайяма, выдающегося ученого Абу-Али Ибн-Сину (Авиценну), а древняя история облюбовала ее и для многих важнейших событий.

Наш газик остановился у Кайнарских холмов. Весной здесь самые яркие тюльпаны. Пенджикентцы говорят, что это кровь согдианки... В далекие времена на этих холмах стоял дом, а в нем жила прекраснейшая из прекрасных. Поэты и музыканты

прославляли луноподобный ее лик. Царь одной страны поклялся покорить красавицу. Но не смог, был посрамлен. Тогда он с войсками ворвался в город и все предал огню. Тело девушки разрубили на куски и разбросали по всему городу. С той поры каждой весной на Кайнарских холмах появляются тюльпаны. По утрам на зеленых листьях цветов — роса, слезы людей, которые будто и сейчас приходят по ней плакать.

...Это легенда, а нам хотелось узнать что-нибудь и поконкретнее об этих местах. Я стал оглядываться, с нетерпением поджидать ягнобца, о котором мне столько рассказывал Хамид.

Кто же такие ягнобцы? Ягнобцы — это не просто географическое понятие, название жителей ущелья Ягноб, а маленькая народность, которая своими корнями уходит к свободолюбивым согдианцам.

Согд. Согдиана. С этим названием и связаны древняя история Средней Азии. Последний согдийский царь Диваштич с горсткой смельчаков стоял насмерть на горе Муг, обороняясь от войск Арабского халифата. Крепость на горе Муг была раскопана в 1933 году, ученые нашли здесь немало письменных документов. И расшифровать их помог ягнобский язык. О битве на горе Муг написаны повести и исследования, а потомки Диваштича и его храбрые воины жили в неприступных горах, сохраняя язык древнего Согда...

Один из трех тысяч горцев, которые совсем недавно спустились в долину Зеравшана, и есть наш ягнобец. В Душанбе он закончил школу, затем педучилище, стал экскурсоводом.

В противоположной стороне от нас я услышал шум. Он приближался. Из-за одного из холмов показалась нарядная толпа. «Экскурсия! — подумал я. — А с ней и наш ягнобец».

Красным «Икарусом» действительно приехала еще одна группа туристов, а с ними смуглый, как и большинство таджиков, наш ягнобец. Одет он был в летний коверкотовый костюм и традиционную для этих мест тибетейку, расшитую геометрическими узорами, состоящими из концентрических кругов, полос, квадратов и других фигур.

Вахид, так величали ягнобца, без лишних слов, тихо и увлеченно рассказывал на чистом русском языке:

— Даже самые удивительные легенды, — начал он, — померкли тут же, как только начались раскопки этих холмов. Под толстым слоем земли оказались дворцы и храмы древнего города. Цитадель одного из правителей Пенджикента для своего времени была одним из величественных и монументальных творений архитектуры. Двенадцать — шестнадцать метров толщины и такой же высоты стены делали город неприступной крепостью.

Как волнующе прозвучали эти слова!

— Слушайте дальше,— увлеченно говорил Вахид.— Не успели археологи раскопать дворец согдийского правителя Деваштича, как под нижним слоем земли показались еще более пышные дворцы и храмы, стены которых выкрашены в голубой цвет, а некоторые из них расписаны ультрамарином, зеленым и золотистым цветами.

А еще после которой паузы добавил:

— Нашим археологам повезло: они первыми увидели самый древний базар в Средней Азии. На небольшой площади между айванами и дверями богатых домов обнаружили мастерские ремесленников: сапожников, кузнецов, оружейников, ювелиров и даже лавки торговцев зерном. В лавках таких торговцев нашли каменные гири, вес которых восемнадцать килограммов.

Вообще архитектурные раскопки — словно листки календаря. С той лишь разницей, что листая календарь, уносишься мысленно в будущее, а остановившись у раскопок старины,— погружаешься в размышления о былом.

— Много их, листов-памятников на древней земле Согдианы. Археологи обнаружили в городище не только базар, но и крепостные стены с рисунками манджака — метательного оружия того времени, с которого выпускали по врагу увесистые камни.

— Разве только крепостные стены нас волнуют?! — продолжал экскурсовод.— Поразительна и роспись этих стен, и особенно роспись парадных гостиных богатых домов. В одной из гостиных найдено панно, на котором изображены шакал, лев и бык. Хитрый шакал по очереди предупредил друживших между собой льва и быка о якобы враждебных намерениях каждого из них. Когда же они при встрече увидели друг друга насторожившимися, то приняли это за подтверждение правоты шакала и кинулись в драку.

— И где теперь это панно?

— В Ленинграде. В одном из залов Эрмитажа демонстрируется и другое панно: собака смотрит на подходящего к ней слона. Это иллюстрация к древней притче, которая через тысячу лет пригодилась И. А. Крылову для его басни «Слон и моська»...

Потом кто-то из туристов спросил Вахида Эргашевича о том, есть ли среди стенных росписей портреты самых согдийцев?

— Есть,— ответил Вахид.

— А как они выглядят?

— Такими, какими и хотели быть в жизни: торжественными и умными.

— В настенных росписях согдийцы встречаются с трагическими и веселыми лицами?

— Встречаются, но все равно сохраняют достоинство: не плачут, не ползают, униженные горем. А если их изображают веселыми, то никак они не выглядят разгульными и пьяными от счастья и забав.

Вахид поправил сползшую на лоб тюрбетейку, улыбнулся:

— Хотите и о рукописях послушать? — и, не ожидая ответа, стал рассказывать нам, как во время раскопок были обнаружены спрятанные от чужеземных завоевателей согдийские рукописи на коже и на шелковой бумаге.

— Найдены и доспехи воинов: разные кольчуги, шлемы, а также удивительные рисунки с изображением воинов, мчащихся на крылатых колесницах, всадников на разгоряченных конях, впереди которых неслись гончие, преследуя семиголового волка.

Довольный произведенным на нас впечатлением от рассказа, в заключение Вахид сказал:

— Если будете в Эрмитаже, обязательно посмотрите фрески с изображением схватки витязя с демоном — батальные сцены. Там фигуры воинов, детали их одежды и оружие мастерски выписаны яркими красками.

Одна из стен дома покрыта рисунками бегущих животных. Такой сюжет встречается в согдийском искусстве впервые.

— Вы имеете в виду фрески?

— Хотя бы и фрески.

«Фрески,— подумал я.— На свежей штукатурке рисовать красками — большое искусство. Ведь надо еще было подобрать такие краски, которые не вступают в реакцию с известью...»

А Вахид, словно заметив наше недоумение, продолжал:

— Изумительные по достоверности и красоте, согдийские фрески изображают народные празднества, спортивные игры. Если бы эти работы перенести в современную картинную галерею, то никто бы не подумал, что они нарисованы полторы тысячи лет тому назад. Борцы одеты точь-в-точь в такие же куртки и обувь, в каких и сейчас на олимпийских играх выступают самбисты.

Вахид Эргашевич отлучился на несколько минут и вернулся с каким-то пакетом. Повертел его в руках, развернул бумагу и показал фреску. На ней были рельефно изображены спортивные игры.

— Не правда ли, походят на олимпийские...

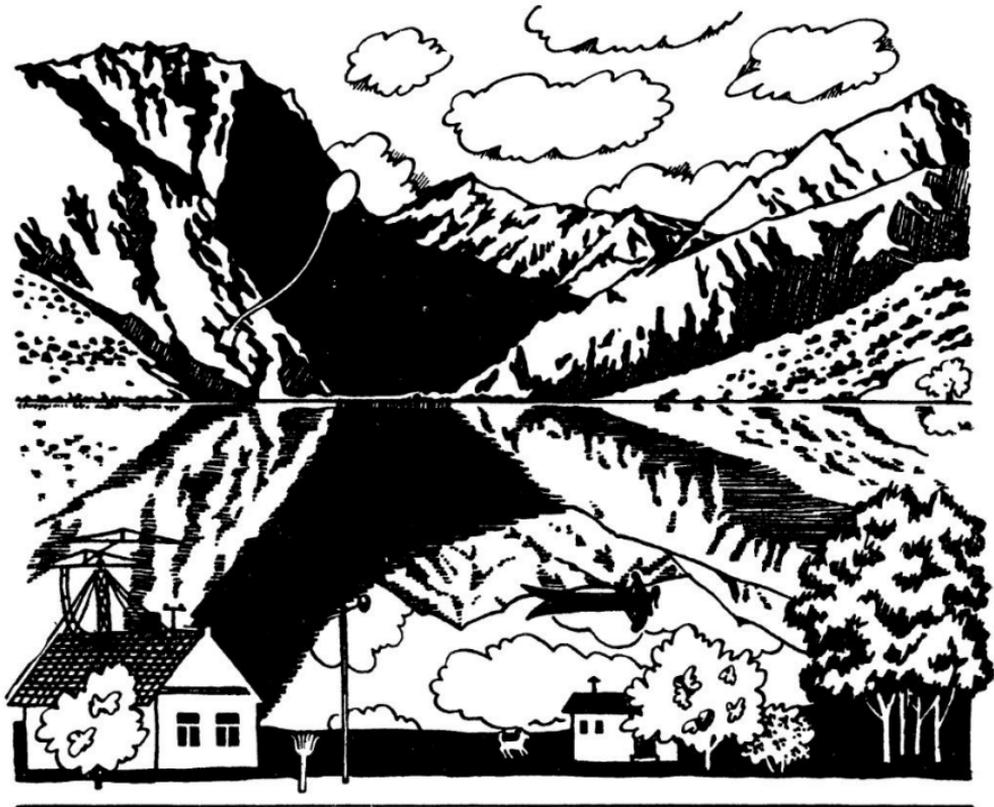
Уже много лет древняя земля Согдианы не перестает удивлять ученых всего мира. Не каждый город, даже не каждая

наша республика может похвалиться двумя огромными залами, как в Эрмитаже. Есть еще немало экспонатов — образцов живописи, резьбы, керамики, ранее обнаруженных здесь, которые сейчас достойно украшают музейные залы Москвы, Душанбе, Самарканда и Пенджикента.

Кажется, нет конца рассказа. Я слушал ягнобца и думал: вот образованный человек. Слушать его и слушать. Но время... Солнце уже высоко в бездонной синеве неба...

— Илья Ефимович,— тронул меня за рукав Хамид. Он красноречиво показывал то на небо, то на циферблат часов.

— Без двенадцати час,— соглашаюсь с ним.— Пора. Нас еще ждет поездка в Кухистан.

ДОЗОРНЫЕ ПОГОДЫ

В Кухистане. Гиссарские ворота. В зарослях арчи.
Вниз по Арчмайдану. Охотник за травами. Тропой динозавров.
Змеиное озеро. На Искандеркуле.

Если от Пенджикента на юг до самой Киршинской степи провести прямую линию, а от Ташкента на Душанбе — вторую, параллельную первой, то между ними, а точнее, между Зеравшанским и Гиссарским хребтами и лежит Кухистан, горная страна с древней культурой. Свыше тысячи лет тому назад здесь жил замечательный поэт и мыслитель древности Рудаки. Могила его недавно обнаружена советскими исследователями и находится в одном из живописных кишлаков, расположенном на северном склоне Зеравшанского хребта.

Кухистан или, точнее, район, где он находится в наше время, чаще называют Фанскими горами. Горы эти небольшие по

площади, но живописные, спорящие своей красотой с прославленным Кавказом.

Совсем недавно эти горы оставались «белым пятном». Как-нибудь сто лет тому назад натуралист А. Неман и исследователь А. Федченко были первыми европейцами в Кухистане, а теперь этот горный край до отказа запружен туристами.

Я был несказанно рад, что и мой путь по Фанам во многих местах совпадал с маршрутом Алексея Федченко. Из Пенджикента через селение Суджина укатанная дорога уходила вниз к ярко-зеленому оазису кишлака Фильмондар.

За каждым поворотом дороги, словно в калейдоскопе, менялся ландшафт. Выше Фильмондара долина вдруг сужается, образуя прорезающее Зеравшанский хребет тесное и мрачное Магианское ущелье. Темные тысячеметровые отвесные скалы, возвышающиеся над дорогой, словно прихватили в пригорошню наш газик и уже больше его не выпускали. Но нет, проходит минута-другая — и теснина уступает широкому просвету, из которого хорошо видно, как голубой Шинг и желтая Карасу сливаются в единый мощный поток. Долина снова расширяется, и мы въезжаем в селение Шинг. Здесь находятся почта, телеграф, магазин, правление колхоза. Сюда из Пенджикента два раза в день прибывает рейсовый автобус.

Небольшой серпантин дороги — и перед нами открывается одно из чудес природы: озеро Нежигон, заполнившее глубокую котловину, кажется недвижимым. В нем отчетливо отражаются скалистые обрывы с приклеившимися к ним кустами неприхотливой растительности, высокое синее небо с ослепительно-белыми легкими облаками. Сквозь километровую толщу прозрачной воды на дне отчетливо просматривается каждый камешек. Но вот по глади водоема скользнули лучи солнца — и озеро приобрело фантастическую окраску: разнообразные оттенки голубого, желтого, зеленого и фиолетового цветов. Эта удивительная цветовая гамма непрерывно меняется на всем протяжении пути вдоль озера.

Озера тянутся одно за другим. Сов... Гушор... Нофин... Хурдак. Здесь и заканчивается наш шестидесятикилометровый, если считать от Пенджикента, автомобильный маршрут.

Рано утром, когда солнце еще было скрыто за скальными утесами, мы отправились в глубь Фанских гор. Тропа ведет в долину реки Сарыобдара и дальше к Маргузорскому озеру.

Панорама, открывшаяся перед нами, прекрасна. Широкая котловина, ограниченная высокими скалистыми берегами, заполнена огромным нежно-голубым озером, самым большим в системе Маргузорских высокогорных водоемов. Красоту озера подчеркивает снежный зазубренный горный массив Ерахан, над

которым почти постоянно висят темно-серые грозовые тучи или ослепительно-белое легкое облачко.

Переночевав в кишлаке Пани, продолжаем путь. Кругом высокие горные пики, покрытые вечным снегом и крохотными ледниками. На плоских участках встречаются кустарниковые заросли облепихи, шиповника, барбариса и арчи — разновидности среднеазиатского можжевельника. Арча в Фанах дивная: то разбежится хороводом по склону, то вновь соберется к распаду и застынет буйной гривой.

Чудное это дерево: ниже чем на полтора километра на землю не спускается, живет веками, вяжет и крепит горные склоны, благословляя жизнь на скалах. И тот, кто хоть однажды вдыхал запах арчового дыма, никогда уже не забудет край, что подарил людям такое нехитрое чудо.

От кишлака Киоглы тропа, обогнув громадный камень, резко идет на подъем. Идет она то по осыпи, то по крутым задернованным склонам с пятнами нестаявшего снега и разной растительности.

— Где же этот Тавасанг? — бурчит Николай Горобченко, инженер Николаевского судостроительного завода, который вместе с двумя туристами из Чернигова составил приятную компанию в Фаны.

— Не туда идем, — подумал и я, но тут показался перевал.

Незабываемый день. С перевала открылась великолепная панорама горного пейзажа. На западе вознеслись в голубое небо Тильбатага, а еще дальше гигантский обрыв Хазрет-и-Султан. На востоке стеной вставали Чимтарга, Сахарная голова и другие вершины, несущие снежные шапки и ледяные панцыри. Цепляясь за горные пики, висят над Фанами кучевые облака. А совсем рядом, под ногами развернулась глубокая долина Сарымата.

Спуск в долину Сарымата крут и утомителен, но он скрашивается буйной растительностью и особенно неповторимыми зарослями арчи, облепихи и тала.

— Забрались, — промолвил Виктор, один из наших спутников, учитель средней школы, — скоро ли выберемся отсюда?

Но Виктор напрасно волновался. Как только вышли к реке, ландшафт стал меняться. На пути все чаще и чаще попадались зеленые поляны и даже небольшие, возделанные под ячмень клочки удобной земли. Тропа петляет: по ветхим мостам ведет то на левую сторону реки, то на правую. Заросли арчи остаются где-то вверху, а долина Сарымата постепенно становится безлесной. Чем ближе тропа подбирается к реке, тем выше скалистые обрывы, на которых когда-то росли деревья, а теперь проглядывают одни скальные лысины.

На развилке одна тропа, по которой обычно туристы плановых групп идут к Искандеркулю, сворачивала вправо, другая, по которой и направились мы с Николаем и его товарищами, чтобы выйти к Артучу, а затем и к Алаудинским озерам, вела влево.

Еще один переход — и мы у озера Чикурак, а затем и в «Артуче». Артуч — это река, которая впадает в Арчамайдан, и название альпинистского лагеря. Начальником учебной части в лагере была Галина Григорьевна Тысячная, известная альпинистка.

— Места у нас живописные, — говорила Галина Григорьевна, — оставайтесь, не пожалеете.

Но как оставаться, если время в обрез, если через несколько дней начнет собираться в Душанбе наша Памирская экспедиция. Поэтому уже следующим утром я отправился к Алаудинским озерам, чтобы выйти к Искандеркулю.

До Куликалонских озер меня и двух моих спутников сопровождал Горобченко. Интересный он человек. Жил в Николаеве, но не один год бредил Памиро-Алаем. Нашел знакомых, списался с Тысячной и приехал на работу в «Артуч». На время своего отпуска он зачислен обыкновенным рабочим на строительстве учебного корпуса лагеря с тем, чтобы иметь возможность заниматься в свободное от работы время лекарственными травами.

Окрестности «Артуча» действительно живописны и богаты флорой. Наверное, ни в одном районе Памира не было такого богатого разнотравья, как здесь... Маралий корень, облепиха, корвяк, пустырник, душица...

Николай был не только заядлым туристом, большим любителем природы, но и собирателем и знатоком лекарственных трав.

— Если у вас спросить, — улыбаясь и как-то застенчиво по-маргивая глазами, говорит Николай, — что такое капуста, редька, тыква, морковь, то вы, пожав плечами, ответите: — Овощи, еда.

— А разве можно по-другому ответить?

— В Древней Византии на такой вопрос жители в один голос отвечали: «Лекарство!» Лекарством являются и пихтовое масло, и вербовая кора...

— Говорят, и корни лопуха, и зверобой, и мята, и даже крапива, — решил и я блеснуть своими познаниями.

— Если бы вы знали, — продолжал Горобченко, — как хорош суп из майской крапивы! Какой неповторимый вкус придают ее молодые листочки салатам.

Николай был в ударе. О вкусовых и целебных свойствах растений он мог говорить часами.

— Вот шиповник... Крупные белые, розовые или бледно-пурпурные цветки появляются на колючих кустах, когда «заря заре руку протягивает» и дни стоят самые длинные. Возвещает шиповник конец ночи и приближение утра: распускается он одним из первых и с удивительной точностью в одно и то же время.

Этим разговор о шиповнике только начинался.

— В мякоти плодов шиповника имеется витамин «С», каротин, цитрин. Здесь их в десять раз больше, чем в черной смородине, в сто раз — чем в яблоках.

Сотни лет назад в Московском государстве больных и раненых поили «патокой сваробориновой» — крепким наваром шиповника. Во времена Ивана Грозного за шиповником снаряжали целые экспедиции, урожай его хранили для военных походов. Драгоценные товары: бархат, парчу, атлас, соболей — отдавали за свароборинник.

Знали в старину и целебные свойства лепестков шиповника. «Раны заживляет, свербез выводит, ране не дает распространяться ни в ширину, ни в длину...»

И так без конца мог рассказывать Николай о шиповнике, плодах боярышника, цветах эремуруса и других целебных травах, кустарниках и деревьях.

Еще день забрал переход. Он приходился больше на спуск, чем на подъем. Спускались крутым склоном Кырк-Шайтана с редкой растительностью, но зато с обилием камней в выжженной солнцем долине. Скоро на правом берегу появились и первые кибитки небольшого кишлака Сарытаг.

Слияние двух голубых рек — Каракуля и Арга — дает начало широкому Сарытагу, вскоре устремляющемуся резко вниз по долине.

Тропа петляет вдоль реки. Здесь, вблизи Сарытага, мы и натолкнулись на выходы известняков, некоторые из них были испещрены рисунками первобытного человека.

У Сарытага мы также увидели целую россыпь отпечатков, напоминающих следы каких-то гигантских животных. Эти отпечатки я срисовал, и получилось что-то вроде цепочки из 15—20 следов, длиной 40—50 сантиметров и примерно такой же ширины каждый.

Несколько позже, когда пришлось побывать в Душанбе, сотрудники историко-краеведческого музея сделали вывод, что это следы животных и, скорее, динозавров. Удивляло лишь, как эти гиганты, обитавшие близ морских отмелей, очутились на склонах Зеравшанского хребта! Но и на этот вопрос был дан ответ:

— Разумеется, динозавры не изменили своим «привычкам»—

легче было морскому дну стать горами. В позднеюрскую эпоху здесь, в Кухистане, находился обширный водный бассейн с заливами и отмелями. За миллионы лет горообразующие процессы «вознесли» и дно морское, и тропы динозавров под облака...

Идем дальше. Слева и справа — густые и высокие леса. Пройдя тенистые тополиные рощи, вышли на широкую солнечную поляну. Переправившись через небольшой ручей с удивительно чистой и холодной водой, подошли к небольшому озерцу.

— За ним — Искандеркуль.

— Пока будет Искандеркуль,— перебивает Виктор Петраков, один из моих спутников,— неплохо бы здесь освежиться.

С Виктором нельзя было не согласиться. В Искандеркуле вода, по рассказам, очень холодная и вряд ли там искупаешься.

Первым метнулся в воду неугомонный Виктор.

— Ну и благодать,— крикнул от удовольствия.

Намерился и я окунуться. Вдруг слышу:

— Змеи! Вокруг змеи!

Я схватил арчовую ветку с толстым суком, валяющуюся поблизости,— и к берегу. Глянул — и остолбенел. Сколько же их здесь, скользких, не отличимых от воды, от скал и веток?! Десятки, сотни, а может быть, и тысячи. Но выручать Виктора не пришлось. Змеи, словно по взмаху волшебной палочки, мгновенно исчезли в озерной пучине.

Расстроенные неудачным купаньем, пошли дальше. Позже мы узнали, что на озере, называемом Змеиным, живут одни безвредные ужи.

Идем быстро. Мягко пружинят под ногами моховые кочки и мокрая от прошедшего дождя трава. Искандеркуль, словно в сказке, появляется перед нами. В Фанских горах много озер, но лучше Искандеркуля нет. К его берегам ежегодно приходят тысячи любителей природы и горного туризма. Тот, кто хоть раз побывал на озере, непременно приедет сюда еще.

По преданию, на берегах Искандеркуля стоял лагерь. Об этом повествуют многочисленные сказания и легенды. Вот одна из них.

...Каждую полночь Искандер (Александр) выезжает из глубины озера на черном коне, окованном в железную броню. Голова его наклонена, и он как бы спит. Конь молча выходит на берег и некоторое время отдыхает. Затем, напряжив силы, прыгает на высокую вершину горы, которая почти отвесно возвышается над озером. Укрепившись на скале, черный всадник с наклоненной головой молча смотрит вниз. Так стоит он до рас-

света. Едва покажутся полоски утренней зари, всадник на черном коне бросается вниз и скрывается в пучинах озера...

Расположено озеро на северном склоне одного из отрогов Гиссарского хребта, на высоте 2150 метров. Глубина озера 80 метров. Вода прозрачная, но дно не просматривается. Голубой цвет чуть-чуть замутнен илом. Крупной рыбы в Искандеркуле нет.

Со всех сторон озеро окружают высокие горы. На север от него возвышается знаменитый пик Ганза. С юга нависла величавая гора с полукруглой шапкой — Дождемерная. Она, словно в зеркале, причудливо отражается в озерной глади.

Богат, разнообразен здешний растительный мир. У берегов Искандеркуля встречаются заросли своеобразной по вкусу дикой вишни и барбариса, рядом с арчей можно встретить орешник, кусты черной смородины и облепихи. В окрестностях озера много куропаток, зайцев, барсуков, встречаются медведи с длинной шерстью и белыми когтями и даже снежные барсы.

Еще в первые годы Советской власти на берегу Искандеркуля поселился старый большевик, герой гражданской войны В. И. Ионов, награжденный двумя орденами Красного Знамени. Он построил дом, посадил огород, развел кролей и енотовидных собак, спустил на воду парусную лодку.

Давно нет в живых замечательного основателя одной из первых метеостанций в нашей стране, но дело, которому он посвятил жизнь, находится в верных руках молодых энтузиастов.

Теперь у высокогорного озера построены новые каменные дома Искандеркульской гидрометеостанции, проложены дорожки, посажены цветы.

Когда мы наведались сюда, в комнате, заваленной таблицами и картами, сидела смуглая девушка в очках.

— Таня Холкова.

— Такая молодая, а уже метеоролог!

— У нас все молодые,— ответила она, и ее лицо сделалось сосредоточенным и даже немного суровым.

Позже, познакомившись с гидрологом Николаем Митяниным и его женой радисткой Лидой, мы убедились, что нелегкую службу погоды здесь действительно несут молодые люди.

Таня Холкова взяла карту и начала быстро наносить какие-то стрелки, звездочки, черточки.

— Это условная запись погоды,— объяснила Таня. Потом, обернувшись к рации, нажала на какой-то маленький рычажок. Затрещало, загудело. Началась передача в эфир.

— Сводка погоды? — спросил я.

— Погоды.

— И куда вы ее передаете?

— В Душанбе.

— А оттуда?

— В Москву, в Гидрометцентр СССР.

Было двенадцать часов дня. За окном синело чистое южное небо и ослепительно светило солнце. Дежурная по станции снова включила рацию. В контрольном глазке вспыхнула зеленая лампочка, и мы услышали знакомый голос диктора: «По данным Гидрометцентра СССР»...

— Наша работа,— торжественно прозвучал Танин голос, и радостно заблестели ее теплые, доверчивые глаза.

Да, это действительно была их работа. Сколько за этими скупыми словами прогноза самоотверженного, часто героического труда таких тружеников, как Таня,— целой армии метеорологов, отважных дозорных погоды! Это они в пургу и слякоть, в жару и дождь, в горах и на дрейфующих льдинах, в непроходимой тайге мужественно несут свою боевую вахту.

— Трудновато бывает?

— Всякое случается. Бывает и трудновато,— улыбнулась Таня.— Особенно зимой, когда бушует метель. Страшный ветер валит с ног, норвя сдует тебя куда-то в провал.

— И вы ходили снимать показания?

— Не ходили, а ползали. Чтобы не сдуло со склона, привязывались веревками. Однажды,— смеется Таня,— было это на Зеравшанском леднике, на метеостанции «Миндрушкен», к нам пожаловал на зимовку снежный барс, но все обошлось хорошо.

Без пяти минут час. Таня торопится. Наступил так называемый «срок». Через каждые три часа наблюдатель выходит на пост, снимает показания приборов, делает необходимые записи.

Что такое прогнозы погоды, всем хорошо известно. Без них летчик не вылетит в рейс, капитан не отправится в море, чабан не выгонит отару на летние пастбища, колхозник не выведет комбайн в поле.

Отодвинув в сторону лежавшие на столе синоптические карты, Таня Холкова достала блокнот и направилась к выходу.

На скалистой площадке, у самого озера, стоят флюгеры, метеорологические будки, какие-то шары, ящики на подставках. В них — приборы для определения влажности и температуры воздуха, скорости ветра, количества осадков. Подходим к блестящему шару с зеркалами. Это гелиограф. Фокусируемые блестящим шаром солнечные лучи прожигают на специальной карточной ленте след. Он позволяет оценить время, в течение которого прямые солнечные лучи падают на земную поверхность.

— Посмотрите, какая красота! — восхищенно говорит Таня, показывая на озеро.

...На голубовато-зеленую поверхность прозрачной водяной чаши уже упали длинные тени, и на озерной глади, словно в отполированном зеркале, причудливо отражались зубчатые гребни и остроконечные пики. Озеро лежало тихое, по воде под парусами как будто плыл сказочный Садко. Это объезжал свои «владения» гидролог Николай Митянин. Солнце скрылось за хребтами. Далекие горы потонули в серой мгле. Над Искандеркулем повисла темная ночь. В домике метеорологов тихо-тихо. Заснула маленькая дочурка Митяниных Светлана, которая родилась здесь, на Памире, пять лет тому назад. И лишь в комнате наблюдателя не спит радист-метеоролог. Стихли удары курантов на Красной площади. Скрипнули двери, повеяло прохладой, слышались отдаленный гул водопада и свист разгулявшегося ветра-афганца. Снова дозорный погоды Холкова, набросив на плечи штормовую куртку, идет на свой боевой пост — метеоплощадку...

ЧЕРЕЗ АНЗОБСКИЙ ПЕРЕВАЛ

Фанская Ниагара. Костру — две тысячи лет.

Старожилы заоблачного перевала. По Варзобскому ущелью. Киевская Заря.
Живая вода поднебесья. В «Чор-беде» гремят бокалы.

С рассветом покидаем Искандеркуль и отправляемся к Фандарье. Но прежде, чем выйти к Фандарье, нужно пройти еще километров двадцать вниз вдоль буйной Искандердарья, начало которой дают реки Сарима, Хоземеча и Сарытага, впадающие в озеро.

Все, без исключения, горные реки бурные и шумные, но Искандердарья по-особому гремит и клокочет. Чтобы понять причину этого особого гула, нужно подползти к самому обрыву реки, и тогда станет все понятно. Могучая Искандердарья, сдавленная стенами каменной щели, обрывается вдруг с уступа мощным водопадом. Он рушится вниз на 46 метров, и его воды,

стиснутые скалами шириной в комнатный коридор, беснуются, словно загнанный в клетку дикий зверь.

Захватывающее зрелище. Над огромными фонтанами водяной пыли изумительной феерией красок играет радуга.

— Фанская Ниагара! — невольно вырывается восхищенный возглас. Другого слова и не подберешь. Зачаровывает необыкновенное зрелище падающей воды.

Но вот «Ниагара» осталась позади. Тропа ведет к развалинам старой крепости Пеши и дальше к пещере Ходжи-Исхак, в которой недавно обнаружены уникальные захоронения, доселе неизвестные.

Разве только захоронения... В мае семьдесят девятого года четверо ребят из кишлака Сарвад там же, в Фанских горах, искали мумие, а увидели в пещере... человеческие ноги, детские и совершенно неподвижные. Двое ребят перепугались и удрали. Двое других оказались смельчаками и заставили себя войти в пещеру. Там лежала деревянная скульптура, одетая в изящные рисунчатые сапоги. С нею в руках школьники примчались в кишлак. И что же, деревянная скульптура оказалась согдийским идолом. Возраст ее — седьмой век. Сухой и холодный воздух гор сохранил ее в целостности до наших дней...

Если спуститься еще ниже от пещер до развилки, где Искандердаря сливается с Ягнобом и дает жизнь Фандарье, сначала создается впечатление, что попал в совершенно дикий, необжитый край, затерянный среди хребтов. Но стоит только чуть освоиться с районом, присмотреться к местности — и в голове рождаются совсем другие мысли: что могут сделать умелые и энергичные человеческие руки, чтобы преобразить в недавнем прошлом дикий и заброшенный край!

У подножья «Голубинового дома» — горы Каптархон — горнообогатительный комбинат с жилыми постройками, с газом и водопроводом, радио и электричеством в квартирах.

Глубоко прячет от людей свои богатства природа. А бывает, и высоко. Мы стоим у края тропы, с которой хорошо видно, как вьется дорога на рудник, лежащий в заоблачной высоте. Восемь километров, натужно урча, идут тяжелые самосвалы от жерла штольни до обогатительной фабрики, петляя между глыб по краю отвесных скал.

В кузовах КамАЗов и КраЗов руда. Сдобренную, очищенную, свободную от пород, отправляют ее отсюда на металлургические заводы для дальнейшей переработки. Медицина и сельское хозяйство, радиотехника и электроника, тяжелое машиностроение и космонавтика — вот неполный перечень областей народного хозяйства, где применяются сурьма и ртуть, добытые в этом горном крае,

Мы спустились к обогащительной фабрике. Здесь, обдавая нас клубами пыли, подошел новенький ЗИЛ, груженный какими-то ящиками. Мы все выскочили на середину дороги и замахали руками. Шофер, загорелый паренек в спецовке и рыжей, выцветшей тубетейке на бритой голове, высунулся из кабины.

— На Анзоб? — спросил он и улыбнулся.

— Нет. На Шахристан.

Шахристан — это горный перевал по пути в Ленинабад. Моих спутников маршрут вполне устраивал. Махнув на прощанье рукой, они вскоре скрылись за поворотом дороги. Мне же надо было следовать в Душанбе. Попутных машин, идущих на Анзоб с комбината, много. Минут через десять на дороге показался другой ЗИЛ и остановился у обочины дороги.

— Вам куда? — спросил меня шофер.

— В Душанбе.

— Садись, товарищ.

Рустам, так звали шофера в синем комбинезоне, ехал в Ляур с заездом в Душанбе за автопокрышками, и его маршрут меня вполне устраивал.

Повторяя повороты Ягноба, дорога, по которой ехал наш ЗИЛ, жалась к темно-красным склонам вершины Кантаг. Если за обогащительной фабрикой все было серым, то здесь, наоборот, было все красным: скалы, камни и даже пыль на дороге. Внутри горы Кантаг тоже все красное — там пылает неугасимый пожар...

...Все более неприступным становились горы, рассказывает одна из легенд, но огромное войско упорно продвигалось вперед, подчиняясь грозному приказу царя далекой Македонии... Египет, Персия лежали в развалинах у ног великого полководца, и только свободолюбивые горцы не хотели признавать власть завоевателя. Наконец после длительного преследования враги окружили отряд повстанцев, который прятался на вершине горы. Но как только завоеватели бросились на последний штурм вершины, словно жарким пламенем вспыхнули склоны, охватив огнем передние шеренги. Грозный царь вынужден был отступить и вывести свои войска из страны, где даже камни воюют с иноземцами...

Так рассказывается в древней легенде о возникновении грандиозного пожара.

— Неужели, Рустам, с того времени не могут погасить пожар? — любопытствовал я.

— Раз горит — значит, не могут, — ответил Рустам и, подумав, добавил: — Наверное, если бы нашелся такой пожарный, который загасил бы эту «топку», он, несомненно, стал бы самым знаменитым человеком на планете.

Тысячелетия дымит подземный костер и тлеют, как считают ученые, легковоспламеняющиеся пласты коксующихся углей, потому что многочисленные расселины в скалах обеспечивают доступ воздуха к гигантскому очагу.

Трудно сказать, по какой причине возник пожар внутри горы Кантага: может быть, от костра древнего человека, жившего в пещерах, а может быть, от молнии, ударившей в склон. Но несомненно одно: гора Кантаг в отрогах Гиссарского хребта горит вот уже две тысячи лет. Пожар охватил площадь в 25 квадратных километров и не ослабевает ни на один день.

Огромный источник тепла создал на десятки километров вокруг микрону с мягким климатом. Осень и зима сюда приходят поздно, а весна начинается раньше. У берегов Ягноба, куда ниспадают склоны Кантага, тепло. Постоянное тепло способствует обильному росту трав на альпийских лугах, где пасутся стада животных, обитающих в окрестных горах. И не случайно многие звери облюбовали эти места для зимовок. Уже не раз жители горного кишлака Рават наблюдали в осенние дни удивительное переселение животных к горе Кантаг. Мимо селения, особенно по ночам, двигаются потоком сурки, быстро пробегают лисы и шакалы, степенно шествуют медвежьи семьи.

За Рабатом дорога идет узким ущельем Ягноба мимо тех мест, где в старину селились согдийцы. Ягноб, как и все горные речки, начинается высоко в горах, с ледников. Сначала она бежит звонкими ручейками, иногда проваливаясь сквозь глубокие трещины, затем сливается в большие ручьи, а дальше преобразуется в свирепый Ягноб, который в бессильной злобе переворачивает огромные камни в самой бездне и дальше куда-то совсем «пропадает».

Дорога подходит к завалу и серпантинном вьется вверх. Здесь снова обнаруживается Ягноб, яростно бросающийся в темную дыру провала. Выше провала река спокойно и широко разливается в замкнутой котловине.

Кишлак Анзоб — последний крупный населенный пункт перед перевалом. Мы взбираемся все выше и выше, словно по вышитой огромной «елочке». Надрывно гудит мотор нашего ЗИЛа. Вода в радиаторе вскипает быстрее, чем чайник на плите. Вот почему при каждом удобном случае Рустам останавливается в пути, чтобы пополнить радиатор водой...

Вот и перевал Анзоб. 3372 метра над уровнем моря. Он только сейчас, в конце июня, да и то не полностью, освободился от снега.

Таджикистан — страна горная. Много трудностей доставляет автомобилистам и дорожникам одна из главных артерий рес-

публики — автомобильная дорога Душанбе — Ленинабад, связывающая крупные промышленные и культурные центры республики. Чтобы пройти этот путь, шоферам приходится преодолевать два горных перевала высотой выше трех тысяч метров. Самый трудный и коварный из них — Анзобский.

И вот мы на перевале. Снег, холод и в то же время редкая красота. Можно без конца любоваться изумительной панорамой, но в то же время хочется познакомиться и с зимовщиками. Пока Рустам отдыхает, иду к белым домикам.

Здесь, как и на Искандеркуле, находится метеостанция, без данных которой не обходится ни одна сводка о погоде. Без малого сорок лет работает метеостанция на Анзобе. Круглосуточную службу несут здесь мужественные люди, в большинстве своем, как и на Искандеркуле, молодежь. Связь с Большой землей они тоже в основном поддерживают по радио.

— По радио можно услышать и результаты нашей работы, — говорит мне метеоролог Саша (так девушка представилась), а потом попросила включить приемник. — Сейчас будут передавать свежую сводку погоды.

Я послушно щелкнул выключателем, и сразу появился мир звуков.

Саша оказалась права. Из Душанбе передавали свежую сводку погоды: «На Анзобском перевале плюс семь. Ветер юго-западный».

— У вас связь постоянная?

— Для рации — постоянная.

— А для автотранспорта?

— Только пять-шесть месяцев в году.

— А остальные?

— Остальные месяцы перевал закрыт, — и Саша рассказала, что, когда после долгой зимы приходят бульдозеры и тракторы, чтобы расчистить перевальную трассу от снега, здесь праздник. Ведь люди почти семь месяцев в году оторваны от всего мира...

По соседству с метеостанцией, на белом полотне одного из перевальных холмов, — тридцатиметровые опоры линии электропередачи с гирляндами изоляторов и медных проводов. Это и есть единственная в мире высокогорная испытательная станция. Здесь, в поднебесье, где разреженный воздух, страшные ветры и свирепые морозы, проверяются электроматериалы на прочность.

На Анзобе есть еще одно научное учреждение — филиал Таджикского ботанического сада. Его возглавляет Нина Георгиевна Калеткина. Четверть века подряд она каждое лето на перевале. В ее распоряжении поднебесная плантация целебных

трав. Особенно Нину Георгиевну увлекает трава юган. Ученым уже известно более 50 активных веществ, которые она содержит. Листья югана нежны, напоминают молодые побеги укропа. Но коснувшись их, не избежать ожогов и волдырей. Зато юган — отличный корм для животных. Этой проблемой высокогорных пастбищ и занимаются здесь ботаники...

До Душанбе еще 90 километров. С перевала каменная дорога круто скатывается вниз. Бежит она буквально по карнизам. Очень крутые витки серпантина заставляют машину как бы висеть в воздухе над распластавшимися далеко внизу селениями.

Постепенно селения приближались, а затем как-то быстро оставались позади и тут же скрывались в неровностях рельефа. Возле дороги шумит бурный прозрачный поток реки Зидды, верховья которой хорошо были видны с перевала. Там, в истоках Зидды, находится редкий по целебности углекислый источник Ходжа-Синг-Хок. Благодаря целебным свойствам этого источника, процветает и согдийское селение Зидды.

В Зидде, как и в других таджикских селениях, сейчас уже не увидишь грязных улочек, куч отбросов, в которых рылись лишайные собаки. Нет корявых и глиняных мазанок, голой, невымытой детворы возле единственной в кишлаке смрадной чайханы. Ныне в кишлаках — электричество, в гуще абрикосовых садов — школы, детские сады, сельмаги, клубы и, конечно же, под чинарами обязательно чайхана.

— Может быть, заглянем в чайхану, чайку попьем, — подмигнул Рустам и постучал пальцами по баранке.

Дорога есть дорога. Так уж устроен человек. Если он едет поездом, то обязательно выбегает на каждой станции и, нужно ему или нет, покупает огурцы, яблоки, вареные яйца, маринованные грибы. Если же путешествует автотранспортом, обязательно останавливается у каждой чайханы.

Я все-таки не выдержал и сказал Рустаму:

— Пили чай в Равате. Пили в Анзобе. Сколько можно пить этот чай?

— Чай пить не будешь — откуда сила возьмется?

Рустам был прав. В Таджикистане о чае говорят мало. Его, как и во всей Средней Азии, больше пьют. Потому и нет такого живописного места под чинарами, у арыков в тени, где бы не стоял самовар и приветливый чайханщик не заваривал бы крепкий чай.

Однако чайхана не только чаем привлекает — она и людей объединяет, делает их добрее. В Зидде, в чайхане, можно услышать звуки музыкальных инструментов, голоса певчих птиц. Это своеобразный клуб, который стоит в самом красивом и оживленном месте.

Все дальше уходит дорога от перевала, однако горы, теперь уже другие, становятся ближе. Проскочили Майхуру и место ее слияния с Зидди, где собственно и начинается река Варзоб. Здесь говорят, что Варзоб шумит и пенится, как никакая другая река. Плохо достанется тому, кто по неосторожности или по какой либо другой причине попадает в ее ледяные объятия. Припомнился случай с геологом Штанковым.

...Узкой каменистой тропкой пробирался он в гору. Поскользнувшись, Штанков свалился с крутого обрыва в бурную реку. Его тотчас же подхватило быстрым течением, понесло на острые камни, ударило раз, другой, затащило в пенистый водоворот и потом окровавленного выбросило на песчаный островок.

Плохо бы пришлось Штанкову, если бы случайно у Варзоба не оказалась группа харьковских альпинистов. В считанные минуты они протянули через реку крепкую веревку и с ее помощью переправили израненного геолога в безопасное место...

Асфальтовая лента, по которой мчится наша машина, словно привязана к Варзобу — в точности повторяет все изгибы. Отступать от реки некуда — ущелье узкое, будто прорезано в горах гигантским ножом.

Ущелье то темнеет, то светлеет. Местами в теснину ущелья врываются большие или малые, однако бурные речки. Одна из них — Сиама. Горная речушка мне надолго запомнилась еще по восхождениям 1963 года. Чтобы выйти к Сиаме, надо было еще переправиться и через Варзоб. В те годы еще не было бревенчатого моста. Через Варзоб был натянут лишь стальной трос, по которому ходила маленькая люлька. Совсем не весело было качаться в такой люльке, поглядывая на речку, которая с ревом и грохотом, словно пушинки, тянула огромные валуны...

Как только мы переправились через Варзоб, прошли густые заросли арчи и целое море больших желтых цветов, перед нами открылась удивительно красивая долина с небольшой бирюзовой речушкой Большой Игизак. Когда и ее минули, за каменной грядой открылась цепочка белоснежных вершин, многие из которых не имели названия и на них еще не ступала нога человека.

Покорив гору Большой Игизак, десять альпинистов, в составе которых были Алексей Васильев, известный ученый-востоковед, специальный корреспондент «Правды» по странам Ближнего и Среднего Востока, четыре студента-таджика и автор этих строк — руководитель группы, поднялись тогда на безымянную вершину. По праву первовосходителей вершина была наименована Киевской Зарей. Тогда на вершине и был оставлен в каменном туре пакет с памятной запиской, фотографиями

ночного Киева, спичечная коробка с изображением Тараса Григорьевича Шевченко...

Солнце скатилось к западу, когда мы приехали на альпинистскую базу спортивного общества «Таджикистан» — в лагерь «Варзоб». Над ущельем уже спускались сумерки, а горы еще горели яркой багровой краской.

Здесь мы заночевали. Быстро пролетела короткая ночь. Пожойный день начался с ослепительного яркого солнца и какой-то странной возни за палаткой. Вначале донесся жалобный, тревожный крик. Потом он усилился и, наконец, превратился в галдеж. Выскочив из палатки, я увидел над ветвистым орешником диких голубей. Они были чем-то встревожены. Размахивая крыльями, то отлетали, то снова приближались к орешнику и с непонятным ожесточением били по толстой ветке крыльями и клювами.

Я долго присматривался к дереву и никак не мог понять, чем встревожены птицы. Но тут кто-то из альпинистов закричал: — Гляди, гюрзы ползут!

Сначала я увидел одну, потом другую змею. Гнездо с птенцами все ближе. Змеи шипят и, напрягаясь, готовятся к броску. Но голуби не дают им подступиться, они бьют крыльями, стараясь сбросить с ветки непрошенных гостей. Вскоре это им удалось. Вот одна гюрза полетела вниз, за ней другая, а дикие голуби, разместившись на ветке у гнезда с птенцами, радостно заворковали.

...Из альпинистского лагеря асфальтовая дорога, зажата скалами, постепенно уходила вниз. И страшно подумать, что каких-нибудь пятьдесят лет назад это была лишь узкая тропа, по которой мог боязливо пробираться редкий путник.

Когда началось строительство дороги в этих местах, старики качали головами и говорили: «Не будет дороги: кто сумеет победить горы?» Но пришли большевики, приехали из Душанбе и Москвы, Украины и Ленинграда, и аммоналом пробили дорогу в горах. Только тогда поверили старики: «Раз камни взлетают к небу — быть теперь дороге». Когда в ущелье навешивали телефонные провода, разговор был примерно таким же: «Разве железные провода могут говорить?» Но когда люди услышали голоса из Москвы и Душанбе — снова лишь удивленно разводили руками.

Проходило время, и ко всему привыкали горцы. Их уже вскоре не удивляло ни электричество, ни газ, ни радио, ни телевизор, ни фирменная мебель, ни элегантная одежда.

Так было всюду: в Зидди и Такобе, Такфоне и Гушарах...

Еще восемь километров — и мы въезжаем в большое селение Гушари, а чуть дальше за селением пересекаем небольшую

речушку с чистой, как хрусталь, водой, с зарослями карагана и бессменными чинарами на берегу.

— А это — Ходжа-Оби-Гарм, — сказал находившийся в кузове автомашины рослый таджик с бронзовым лицом и белыми-белыми зубами.

Подсев ко мне поближе, мой спутник одернул пояс на халате и скороговоркой спросил:

— Ревматизм есть?

— Нет, а что?

— Понимаешь, нога крутила, рука крутила, поехал в Гарм — здоровый стал.

Щедро наделила природа это небольшое горное плато, дав выход горячим радоновым парам и источникам. Вот почему издавна эти места получили название Ходжа-Оби-Гарм, что означает «святая горячая вода». Вода действительно горячая: ее температура достигает 87 градусов. Святой ее считали, потому что люди не могли иначе объяснить чудеса, которые творила она с теми, кто испытывал на себе ее действие. Иных приносили сюда на носилках, а уходили они сами на собственных окрепших ногах.

К источникам добирались паломники со всего света, даже из Индии, Персии, Афганистана, арабских стран. Они вешали на шестах лоскутья от своих чалм и халатов, чтобы отблагодарить богов, которые, как они считали, оберегали эти источники.

Но, конечно, не боги творили здесь чудеса, а растворенные в воде микроэлементы магния, йода, брома, стронция...

Вот уже полвека в Ходжа-Оби-Гарме работает первоклассная здравница со светлыми корпусами, кабинетами лечебных процедур и даже со своим пароземанаторием — своеобразной «баней» с сухим паром, насыщенным минеральными солями. Такой пароземанаторий был когда-то на знаменитом французском курорте в Ницце. Ныне он бездействует, так как исчерпаны запасы сухого минерализованного пара. А здесь, в Хаджи-Оби-Гарме, его много, и люди, испробовав его чудотворное действие, избавляются от болей в области сердца, от бессонницы, у них понижается артериальное давление, улучшается состояние нервной системы...

Местами теперь Варзобское ущелье расширяется. Становится все меньше провалов, а овальные, как блюдца, поляны все чаще сменяют скалистые теснины. Если что и остается неизменным, то это Варзоб. Он ни на секунду не ослабляет свой бег и, как змея, извиваясь между скал, по-прежнему наполняет ущелье и близлежащие горы ревом и грохотом. Рождаясь далеко, во льдах Гиссарского хребта, Варзоб падает оттуда, почти с четырехкилометровой высоты, в объятия Кафирнигана — другой бо-

гатырской реки. Энергию этих двух рек советские люди поставили на службу народному хозяйству, впрягли в турбины, построив на их пути мощные гидростанции; одна из них, действующая в этих местах, называется Варзобгэс.

— Варзобгэс. Самая первая наша электростанция,— объяснил нам шофер.

Именно благодаря Варзобгэсу, в Душанбе и окрестных кишлаках впервые люди узнали, что чирогом (светильником) может быть не только лучина или промасленный фитиль...

Машина неслась все дальше по Варзобу, оставляя за собой отвесные скалы, узкие ущелья, пасеки, отары овец, густые заросли орешника, диковинного винограда.

Душанбе все ближе. Несмотря на прохладу, в кузов машины врывается теплое дыхание волнистой равнины. Еще несколько поворотов — и взору открывается долгожданный «Чор-бед». Это особая чайхана. Единственная и знаменитая не только плакучими ивами над входом — сюда и молодожены приходят в день свадьбы.

В «Чор-беде» гремят бокалы и слышны горячие напутствия молодым парам:

— Пусть ваше счастье будет столь высоко, как вершины Гиссара, куда не так легко подняться, но вы обязаны взобраться, коль пожелали украсить жизнь. И на пути этом не знайте страха и усталости, как река Варзоб, текущая многие века...

Еще через несколько километров в широкой долине показался железобетонный знак с короткой надписью: «Душанбе».

ВВЕРХ ПО КАФИРНИГАНУ

Как понедельник «стал» городом. Лесные великаны.

Шумит восточный базар. Птичья «филармония». В развилке двух рек.
Звериной тропой. Синяя птица.

Душанбе... А что обозначает «Душанбе»? В переводе с таджикского — «вторая ночь», то есть последний день восточной недели, или наш понедельник. В этот день в кишлаке, у трех чинар, собирались большие базары. И какой-нибудь горец кричал своему соседу:

— Эй, Одыл, в душанбе (то есть в понедельник) поедем.

— Поедем, обязательно поедем в Душанбе,— кивал в ответ сосед.

Шли годы. К названию привыкли, и старый кишлак, где у трех чинар собирался шумный базар, стал называться Душанбе.

Правда, городу достался день не из популярных. В такие дни,

как понедельник, в наших городах больших базаров не устраивают, но это не помешало самому молодому городу среди столиц среднеазиатских республик стать заметным, нарядным и красивым.

А ведь совсем недавно, каких-нибудь пятьдесят лет назад, это маленькое поселение состояло всего из нескольких улочек, четырех десятков домиков с глиняными заборами-дувалами и одним керосиновым фонарем, который зажигался по вечерам на площади возле базара. На окраину города, если его можно было так назвать, наведывались дикие кабаны, и по ночам там слышался вой шакалов. Давно уже нет старого кишлака, как и нет и дехкан в лохмотьях с кетменями в руках, дервишей, женщин в парандже, прячущих лица под черным колючим чачваном.

Я вспомнил старый Душанбе, чтобы сравнить и подчеркнуть, как на протяжении жизни одного поколения преобразился старый кишлак. Не узнать его нынче. Это столичный город Таджикистана с чудесными парками, аллеями, множеством цветов... В густой листве зеленого наряда прячутся балконы жилых домов, колонны кинотеатра «Ватан», террасы Республиканской библиотеки, здание Театра оперы и балета имени С. Айни, республиканская Академия наук с многочисленными исследовательскими учреждениями.

Душанбе — город молодой. В 1926 году здесь появилось первое предприятие. Но уже всюду в панораму строящейся столицы стали вписываться ажурные стрелы башенных кранов, леса новостроек. Словно грибы, росли промышленные предприятия, и не удивительно, что вскоре фабричная марка «Таджикистан» стала известной не только в союзных республиках, но и в десятках зарубежных стран...

— Известен Таджикистан и своей красивой природой, несметными богатствами,— говорил Анатолий Иванович Кононенко, заместитель председателя Республиканского общества «Знание». — Когда вы хотя бы несколько дней побываете и в других местах нашей республики, вам еще больше будет ясно, почему именно в нашем крае родились и творили столько великих поэтов, философов, мыслителей.

— Под природой вы имеете в виду Памир, Тигровую балку и Рамит, которые находятся отсюда за тридевять земель?

— Рамит, может, вовсе не за тридевять земель, а всего в нескольких часах езды от Душанбе. Так что поезжайте, не пожалеете.

И мы поехали. Получилось так, что экспедиция киевских альпинистов в Центральный Памир, в которой и я должен был участвовать, откладывалась на некоторое время из-за отсут-

ствия вертолетов; вернее, они были, но не было какого-то специального масла для их моторов. Поэтому и представилась возможность побывать на Вахше, в Тигровой балке и Рамите.

В Госкомитете лесного хозяйства, в ведении которого находился Рамит,— отзывчивые люди. Александр Михайлович Лужавский, начальник управления охотничьего хозяйства и заповедников,— наш земляк. В 1950 году он закончил Украинскую сельскохозяйственную академию в Киеве и с тех пор безвыездно трудится в Таджикистане.

Утром следующего дня мы с инженером Василием Ковтуном, старшим тренером экспедиции, отправились в Рамит.

Шофер, загорелый татарин из Абакана, выглянул из служебного газика:

— В Тигровую балку? — спросил он.

— Нет. Пока в Рамит.

— Маркамит шинод! Пожалуйста, садитесь!

Выехав за город, машина стремительно неслась по зеркально-гладкому шоссе мимо небольших селений, кишлаков, абрикосовых посадок, зарослей тутовника и огромных ветвистых чинар. По дороге встречались такие большие чинары, что в дупле одной из них, мне показалось, можно было разместиться не только человеку с рюкзаком, но и нашему газику со всем его экипажем.

— А в кишлаке Дашманды,— сообщил шофер,— в дупле чинары-великана... работает колхозная маслобойка, перерабатывающая грецкий орех. До революции, говорят, в том дупле помещалось духовное училище — медресе.

Не успели оглянуться, а уже Орджоникидзебад. Еще в тридцатые годы старый кишлак был маленьким и грязным. Теперь на его улицах не только высокие тополя, но и высокие, выстроенные по единому плану жилые дома.

Но особенно славится город своими воскресными базарами. Не случайно раньше он назывался Янгибазаром — «Новым базаром».

Вообще на востоке о многом можно судить по базару — чем населенный пункт богат, какими мастерами и талантами славится, какие и откуда его посещают гости.

Даже если нечего продать и не за что купить, все равно в базарный день сюда идут толпы. Ибо базар — это место не только купли и продажи, но и незабываемых зрелищ и развлечений.

Базар гудит, как растревоженный улей. Особенное оживление — в чайханах. За длинными столами парят большие самовары, в казанах кипит жирная шурпа с бараниной, варится печенка, ходит пузырями рисовый плов с морковью и кишмишем.

В открытых жаровнях тлеют угли, шипят нанизанные на шампуры куски баранины. Высокий шашлычник в белом колпаке ловко подхватывает шомпола с мясом, присыпает их молодым зеленым луком, перцем, пропитанным уксусом, и, улыбаясь, подает посетителям. Много любителей вкусной еды и в открытых узбекских харчевнях. Прямо на улице под чинарами повара подбрасывают вверх тесто, вытягивают и скручивают его на лету, делят на тонкие длинные полоски и бросают в жирный отвар, щедро приправленный перцем.

— Таджикская лапша! Тушбера! Тушбера!

Рядом с узбекской ошхоной — столовой — в больших ситах, поставленных пирамидой друг на друга, над паром варятся пельмени. Седоволосый повар зычно кричит возле столиков:

— Бир порций манту!

— Тише! Тише! — слышу за спиной, и тут же откуда-то слева доносится мелодичный голос гижжака. Гижжак — это двухструнный смычковый инструмент. Если самодельный, то сделан буквально из консервной банки, с обратной стороны обтянутой кожей. А как играет на нем парень в цветастой рубахе и расшитой золотом тюбетейке!

Чуть дальше растут деревья, ветки которых сплошь обвешаны клетками. В клетках — канарейки, горные куропатки-кеклики, перепелки.

Подходим к одной клетке, к другой. Стоим, прислушиваемся, запоют ли канарейки? В последнее время часто слышишь, что наши канарейки потеряли былую славу. Так ли это? И вот раздается пробная нота, а затем льется плавная песня.

Канарейки заливаются на разные голоса: то возьмут высокую ноту, а то неожиданно рассыпаются красивой трелью. Затаив дыхание, слушаем, наслаждаемся волшебными звуками.

И все-таки не мы здесь истинные знатоки и ценители этих вокалистов, поющих «сопрано», «тенорами», «басами», а местные старожилы. Кто-кто, а они знают толк в канарейках, перепелках или горных куропатках. Если хотите приобрести настоящего певца или певунью, советуйтесь только с ними. Дирижеры из Орджоникидзеабада безошибочно скажут вам, у какого вокалиста самый сильный, самый красивый голос, какой из них поет «с браком в песне».

О певчих птицах сейчас много пишут. У нас на Украине, в Харькове, живет старый учитель Федор Алексеевич Фоменко. У него дома восемь канареек. Они под его аккомпанемент слаженно выводят не только мелодии «Катюши», «Калинки», «Чардаша», но и «Весенние голоса» Иоганна Штрауса, «Лунную сонату» Бетховена, «Серенаду» Шуберта. Не раз я слышал об этом, но, признаться, сначала не верил. И только здесь, в

Орджоникидзеабаде, когда по взмаху руки старого дирижера услышал, как запели в клетках все десять его вокалистов, понял, что был не прав...

Минуя приветливые улочки Орджоникидзеабада, наш газик помчался дальше, теперь уже вдоль Кафирнигана. «Кафирниган» — в переводе на русский язык означает «смерть неверным». Действительно, страшноватый Кафирниган. Зажатый среди отвесных скал, он неистово рычал и бесновался. Одного взгляда на Кафирниган достаточно, чтобы понять: лучше не попадаться в его объятия.

А вот рыбам в буйной речке привольно. Приспособились к Кафирнигану и маринка, и туркестанский сомик, и особенно пятнистая царская форель. Форель — рыба с характером. Даже на порожистых местах, по водопадам, не щадя себя, она стремится во что бы то ни стало прорваться в верховье реки, на лучшие нерестилища. Никакие препятствия не остановят ее; пока жива, пока она видит и пока у нее есть силы — будет идти к своей цели...

Шурша покрывками и разбрасывая по обочинам камешки, газик надрывно урчит и, не сбавляя скорости, несет нас вверх по ущелью. Поворот за поворотом. Маленькие, как овальные блюдца, поляны сменяются провалами, зарослями орешника и карликовой вишни. Петляет каменная дорога, и иногда кажется, что вот-вот она заведет нас куда-то в тупик. Но шофер знает свое дело и надежно держит баранку в руках.

Кишлак. Здесь река раздваивается. Слева, если смотреть по течению, — Сорба, справа — Садимиена. Сливаясь, они рождают бурный Кафирниган. У развилки двух горных рек и начинается Рамит... Семнадцать тысяч гектаров нетронутых лесов, горных склонов.

У шлагбаума нас встречает директор заповедника Мурадали Алиев, уроженец гор и очень приветливый человек.

— Познакомимся с музеем, — говорит он.

Мурадали — биолог. С высшим образованием и его помощники — старший научный сотрудник Олег Голубь и главный лесовод Виктор Андриенков.

Поначалу был и лес, поляны, где часто попадались кусты хохлатки — редкого памирского растения.

Когда стали подниматься выше в горы, наткнулись на звериную тропу.

— Видите, у дикой вишни лакомился бурый медведь, — говорит Голубь, — а вот в ивовых зарослях оставил след дикий кабан.

— А это что за птица оставила следы? — спросил я, показывая на глинистый вынос речки.

— Здесь прошел зверь, а не птица. Похоже, что персидская выдра. Видите, следы тянутся вдоль берега.

В Рамите живут и тибетский волк, и ушастый тушканчик, и гигант в мире насекомых — памирский палочник, достигающий в длину 25—30 сантиметров. Палочники входят в отряд привиденьевых, названных так потому, что насекомые такого вида, обладающие длинным тонким телом, умеют мгновенно исчезать среди сплетенных ветвей, маскируясь под сухой корявый сучок.

Среди пресмыкающихся в Рамите встречаются гюрза и желтопузик, а высоко в горах — длиннохвостый сурок, красная пищуха и сибирский козерог.

— А это что за следы? — теперь уже спросил мой спутник, показывая на прогнивший ствол какого-то дерева.

— Дикобраз.

— Как вы узнали?

— По «стреляным» иглам.

Голубь нагнулся и поднял с земли несколько игл, длинных, коричневых с белыми полосами.

— Вот видите, сколько разметал их непоседливый дикобраз, — и Голубь рассказал, как дикобраз «стреляет» своими иглами. Он, как заправский снайпер, запускает иглы в преследователей. Бежит, шипит, оцетинясь иглами, потом вдруг резко останавливается, упираясь в ствол дерева или какой-нибудь другой твердый предмет. Упругие, как пружины, иглы вырываются из волосяной сумки, в которой они сидят очень слабо, и «стреляют»...

— Побывали бы в наших краях в мае, — мечтательно улыбнулся лесничий, — послушали бы, как поют в Рамите соловьи! Миллионы соловьев. И днем, и ночью поют не переставая.

Интересен заповедник не только соловьями. В ивовых зарослях живут славка-черноголовка, горная трясогузка, в зарослях шиповника и дикого миндаля — каменная куропатка, пустельга обыкновенная, а в альпийской зоне — черный гриф и сип белоголовый.

— Есть у нас и пришельцы из далеких краев.

— Вы имеете в виду индийскую горихвостку?

— Нет, таинственную синюю птицу.

С легкой руки Мориса Метерлинка, бельгийского поэта и сказочника, синяя птица давно уже стала символом недостижимого счастья, несбыточной мечты.

Синяя птица — это и беззаботная детская сказка, и глубокое философское произведение. Дети дровосека Тильтиль и Митиль отправляются во сне с помощью феи и шапочки с волшебным алмазом, которую она им дарит, в чудесное путешествие за

синей птицей счастья, так нужно еще и больной девочке — другому человеку, который тоже хочет быть счастливым.

И хотя героям сказки Метерлинка так и не удалось найти чудесную синюю птицу, ее отыскивали ученые. Это синий дрозд. Родина его — Индия. А не так давно, перелетев через высокие горы Гиндукуша, синяя птица появилась в Рамите. И не только в Рамите, но и в ущельях Гиссара, долинах Сурхоба и даже в ореховых рощах Обигарма.

— В Обигарме и раньше прилетала аджира — синяя птица, — и сопровождавший нас лесовод, поправив на груди висевший на тесемке бинокль, рассказал легенду.

Это было давным-давно. Как-то на рассвете к жителям Обигарма прилетела аджира. Пока было пасмурно, птица выглядела черной, но стоило подняться солнцу, и перья ее начали переливаться сине-лиловыми красками.

Со всего кишлака сбежались к реке люди, чтобы увидеть чудо-птицу, сидевшую на ветке большой чинары, и послушать пение. А в это время начавшееся в горах землетрясение разрушило кишлак. Но ни один житель не пострадал. Затем стихия выровняла горы, образовала широкую долину, подвела к ней канал. Вдруг на глазах изумленных горцев возникла бескрайняя нива золотой пшеницы. Это было чудо. «Значит, синяя птица, — решили горцы, — приносит на крыльях счастье»...

Слушая легенду, которая во многом перекликается с действительностью, каждый из нас, наверное, думал о чудо-птице. Как она сюда попала? Где живет? Как выглядит?!

У синей птицы желтый клюв, короткие крылья и длинный хвост с темно-фиолетовым с лиловым отливом оперением. Эту птицу еще называют синим дроздом. Обычный дрозд живет и у нас на Украине, в хвойных и смешанных лесах, а синий дрозд гнездится только в расщелинах скал и над обрывами горных рек. Весной, как все птицы, неистово поет. Его короткая, немного печальная с переливами песня начинает звучать с рассвета...

— А где же она, эта чудо-птица?

— Синяя птица, — разочаровывает нас лесничий, — как и многие певчие, застенчива и не любит мозолить глаза, больше в тени предпочитает оставаться.

Так и не удалось нам в этот раз увидеть синюю птицу. Но в том, что она существует, я уже несколько не сомневался. И эта уверенность не подвела меня.

Забегая наперед, скажу, что годом позже, путешествуя ущельями Иссык-Кульского заповедника, я наконец увидел аджиру. Слово метеор, она пронеслась над водой и тут же исчезла за косогором. Потом снова показалась над рекой, подлетела

к берегу и села на прибрежную иву. Синяя птица была довольно близко от меня, но сфотографировать ее так и не смог. Заметив человека, она издала свое резкое: «Джи-и-и! Джж-и-и!», взмахнула короткими крыльями и полетела. И тут я увидел ее длинный хвост и темно-фиолетовое с лиловым отливом оперенье. В ослепительных лучах солнца оно вдруг засветилось и стало синим-синим...

Быстро пролетел еще один день в Рамите. Хотя нам не повезло повстречаться с синей птицей, но зато мы увидели не менее редких обитателей Рамита — хангулов — бухарских оленей. Хангулы, как и серны, очень ловкие и красивые. Они обладают удивительной силой и смелостью. Нередко, спасаясь от преследования, хангулы бросаются с отвесных скал.

Впереди небольшого стада шел самец — рослый, украшенный, в отличие от самок, увесистыми рогами.

Пытаюсь фотографировать. Только щелкнул затвором, как раздался пронзительный свист. Это кричал горный индюк, чтобы предупредить хангулов о грозящей опасности. Олени хорошо слышат и видят. Они тотчас же встрепенулись и с шумом стали втягивать ноздрями воздух. Первым сорвался с места самец. Оттолкнувшись всеми копытами сразу, он бросился в сторону леса, за ним последовало все стадо.

— Ну и бегаёт,— тронул меня за рукав Ковтун.

— Разве только бегаёт? Хангулы совершают прыжки, которым могут позавидовать олимпийские чемпионы,— больше пяти метров в длину.

Не прошло и минуты, как мы уже потеряли из виду оленей. Они, видимо, скрылись в небольшой лощине между скал.

Незаметно подкрался вечер, а за ним наступила ночь, к радости, прохладная, с мириадами звезд. Тихо стало в домике лесничего, где мы расположились на ночлег. И вдруг среди ночи — шорох у окна. Я поднимаю голову с подушки и замираю: в лунном свете призрачно колыхается у окна большая оленья морда.

— Так это же Машка,— шепчу Ковтуну.— Пойдем, угостим ее сахаром.

Машку нашли в горах совсем крохотной и беспомощной. Работники заповедника ее вывели, выкормили. Видимо, как и все прирученные животные, Машка любила проказничать: жевала все, что попадалось ей на глаза. У одного из работников она стащила с веревки ввешенную для просушки белую сорочку, у другого — брюки. В течение нескольких минут «обработанные» вещи превращались в половую тряпку.

Так в проказах и шалостях росла Машка, а когда совсем выросла, ее выпустили на волю. Не забыла Машка тех, кто тер-

пеливо выдерживал ее проказы: кто ее выходил и поставил на ноги. По ночью она спускается с гор, стучится мордой в окно или в дверь и не уходит из центральной усадьбы, пока ей не вынесут чего-нибудь вкусного: хлеба, яблок или сахара.

Машка совсем не боится людей. Доверчивая, ласковая, она спустилась вниз, в Центральную усадьбу, даже тогда, когда у нее должен был появиться малыш,— на рассвете работники заповедника нашли под тутовником олененка. Теперь Маша-Машенька, как ее любя называют в заповеднике, спускается по ночам с гор не одна, а со своим малышом. Яшка — маленький, глупенький и совсем дикий. Ведь он вырос в горах, на свободе. Потому-то в нем и борются два противоположных чувства — страх и любопытство. Извечный страх кричит ему: «Убегай, пока цел!» А любопытство и непонятная для него привязанность матери к людям заставляют покорно идти за ней вниз. Правда, Яшка все равно дичится и к людям близко не подходит, прячется в кустах и следит глазенками за каждым шагом матери. Ему страшно за мать, он тоже хочет быть с ней и в то же время боится.

Когда-то бухарские олени-хангулы во множестве водились в тугайных лесах вдоль Вахша, Пянджа, Амударьи, но уничтожение тугаев привело к резкому уменьшению поголовья животных, и к 1960 году их осталось всего несколько десятков, да и то в одном месте — в пойме Вахша.

В связи с этим было решено произвести опыт акклиматизации хангулов уже не в тугайных лесах, которых почти не осталось в нашей стране, а в новых, горных условиях. Лет пятнадцать назад семь бухарских оленей были привезены в Рамитский заповедник.

Опыт блестяще удался. Бухарские олени прижились, и стадо редких животных стало быстро расти. Только в заповеднике Рамит теперь насчитывается почти двести особей. За исключением небольшого «приюта» для молодняка, все хангулы живут теперь в горах...

Мы уезжали из Рамита, а у нас с Васей все равно звучал в ушах певучий голос Гульсары, шестилетней дочери оленевода Ермахмада Саидова:

— Яша, Яшенька, не бойся, глупенький, выходи. Я тебе сахар принесла.

ЭЙ, САЛОМ, ВАХШ!

По Каратегину. Перевал Чормагзак. На комсомольской стройке.

Солнечной долиной. Дорога на Курган-Тюбе.

На «холме джинна». Пришелец из седьмого века.

Как удивительны длиннородые старики с темными морщинистыми лицами, когда они в пестрых халатах, подпоясанных красными, зелеными или синими кушаками, невозмутимо трясутся на своих маленьких приземистых осликах!

Но еще удивительней дети и внуки этих белобородых стариков — загорелые, веселые, улыбочивые парни. С каким умением, ловкостью и выносливостью они водят по крутым горным дорогам многотонные БелАЗы, КраЗы и тягачи с огромными автопоездами — трайлерами.

Таким поездом и перевозят в Нурек узлы и детали агрегатов весом 100—120 тонн для строящейся гидростанции. Но в

тот день, когда мы следовали из Рамита в Нурек, автопоезд доставлял трансформатор весом в 312 тонн.

...Мелькнул указатель: «Перевал Чормагзак, 1620 метров над уровнем моря». Подъем на перевал крут, но без резких закруглений. Четыре мощных тягача тянут трайлер. Но вот остановка, начинается спуск... Сбегая к Вахшу, дорога, как сумасшедшая, вьется по изрезанному склону хребта Каратау. Теперь уже не четыре, а целых пять мощных тягачей. И стоят они теперь позади трайлера с трансформатором и изо всех сил держат тяжелую махину, стремящуюся покатиться вниз, под горку.

И невольно представились мне запорожские машиностроители, которые за тысячу километров от Нурека ждали, когда доставят их детище в Пулисангинское ущелье...

Нурек... Старики говорят, что много лет тому назад памирец по имени Норака спустился с гор и поселился в этих местах. И кишлак назвали в его честь Нораком. А вот Мирзо Турсунзаде считал, что свое название кишлак получил от имени горы Нор, что означает «огонь».

— Наверное, так оно и есть,— заметил сопровождавший нас по стройке Владимир Черный,— у нас бывает такая жара, что ее иначе, как адским огнем, и не назовешь.

Владимир Черный— из Днепропетровска. Он закончил индустриальный техникум, приехал в Нурек, возглавил штаб комсомольской ударной стройки, а теперь работает в горкоме партии.

Идем по широким и просторным улицам города. Кудрявые платаны отбрасывают на асфальт причудливые тени.

— Как видите,— сдержанно улыбнулся Володя и посмотрел на скалы.— Норака больше нет. Есть Нурек — город и Всесоюзная ударная комсомольская стройка.

В синеве неба ни облачка. Жарко. Но вот за поворотом одной из улочек проглянула плотина, а рядом с ней две горы.

— Справа Нор, а слева Саидун.

— Саидун упал, а Нор остался?

— Не совсем так.— И Владимир рассказал, как во время взрывных работ на одной из них откололась скала величиной, наверное, в пятиэтажный дом. Она нависла над створом плотины и грозила рухнуть на корпуса и турбины электростанции.

— И что же вы предприняли?

— Вместе с руководством Нурекской ГЭС пригласили на стройку альпинистов. Приехали тридцать пять добровольцев из спортивного общества «Буревесник» и с ними четырехкратный чемпион СССР Валентин Божуков.

— Ну, и как помогли вам альпинисты?

— Два месяца трудились и в конце концов утихомирили ка-

менную глыбу. Они ее оплели сеткой из стального троса и прижали к основному массиву сотней мощных струбцин.

Владимир выпрямился и молча повернулся к створу плотины, где работали люди:

— В те минуты, когда завершается трудное дело,— сказал он,— обычно кричат «ура!». Но сил, чтобы кричать, у ребят не было. Спустившись с обрыва, они молча сидели у обочины дороги и провожали глазами самосвалы, которые один за другим подходили к створу плотины...

Когда пишутся эти строки, Нурек, пожалуй, уже больше действующая ГЭС, чем строящаяся. На высоту Эйфелевой башни поднялась гигантская плотина. В теснинах гор возникло море длиной 70 и шириной 6 километров. Оно уже снабжает водой не только долины Таджикистана, но по специальному туннелю дает жизнь и агрегатам гидростанции.

Только на следующий день мы покинули Пулисангинское ущелье с его гигантской гидростанцией и выехали в знаменитый кишлак Чормагзак. В самом деле знаменитый: рядом с ним две Всесоюзные ударные комсомольские стройки — Нурекская ГЭС и Явано-Обикиикская оросительная система.

Стоит Чормагзак, как в сказке, на развилке трех дорог: поедешь прямо — попадешь в Душанбе, свернешь направо — попадешь в Нурек, свернешь налево — попадешь в Яван.

Через Яван мне ехать в Тигровую балку. Ковтун по неотложным делам вернулся в Душанбе, а в Тигровку со мной поехала его жена Наталья, большая почитательница природы.

Шоссейная дорога из Чормагзака вела через перевал, пробитый в горных отрогах. За перевалом горы расступались, уходили за горизонт, и во всем просторе открывалась Вахшская долина, часто на географических картах горного Таджикистана помечаемая как Явано-Обикиикская.

Удручающее впечатление произвела на меня эта долина, когда в 1965 году впервые попал в эти места. Кругом на десятки километров лежала выжженная солнцем серая земля. Ни дерева, ни кустика. Рыжая трава с хрустом ломалась под ногами, нещадно палило солнце, а когда поднимался ветер, то нечем было дышать от пыли.

Как же утолить жажду десятков тысяч гектаров плодородной, но иссохшей земли? Единственная надежда на полноводный Вахш, четвертую по величине реку в Средней Азии. До Вахша — рукой подать. Камнем преткновения оказались высокие скалистые горы, веками отделявшие знойный край от реки. Каратау — Черная гора — так называли злую разлучницу яванцы.

Наступление на Вахш началось еще в 1928 году. В долину пришли изыскатели. Им предстояло создать здесь крупную ир-

ригационную систему. Невольно приходит на память скептическое высказывание одного из зарубежных специалистов, побывавших в Вахшской долине.

— Вы — большие мечтатели, фантазеры! — запальчиво говорил советским проектировщикам известный американский ирригатор. — Я работал на крупнейших ирригационных системах, таких, как «Империал виллей». Фирмы Соединенных Штатов ценят меня, как практика с трезвым разумом. Я видел золотоискателей Калифорнии, я знаю изобретателей примусов, мечтающих стать Эдисонами, я беседовал с Гербертом Уэллсом — увлекательнейшим романистом нашего времени. У них смелые мысли и грандиозные планы. Но то, что задумано на Вахше, на целую голову выше всего этого. Я утверждаю, что человечество не знает подобных замыслов в подобных условиях. Простите, но мне кажется, это неосуществимо...

Неосуществимо... Так ли это?.. С давних пор сохранилась в Таджикистане форма коллективного труда, которую называют хошаром. Он непременно связан со строительством. Когда возникает необходимость проложить небольшой канал или построить дом для молодоженов, то собирается весь кишлак. Глядишь — и дом подведен под крышу, канал прорыт, и все — с песнями, шутками, прибаутками.

Вот такой хошар, только крупнее масштабом, с высоким накалом и подъемом начался на Вахше. Тысячи дехкан прибыли из разных концов республики в долину Вахша, чтобы участвовать в гигантской стройке. Им на помощь пришли посланцы комсомола России и Украины. Приехали опытные инженеры, а вместе с ними прибыла и техника.

Прошло немного времени — и гигантский взрыв тысячеголым эхом прозвучал в горах Каратау. Вахш на мгновение замер в своем стремительном буйстве, а затем, словно спохватившись, сорвался с места и понес свои воды теперь уже в знойную долину по семикилометровому туннелю, пробитому сквозь Каратау.

Это было волнующее событие. Утром 18 мая 1968 года, когда вершины гор окрасились в алый цвет, по обоим берегам выходного портала — места, откуда Вахш начинал свой новый путь, плотной стеной стояли люди. И вот под раскаты мощного «ура!» рокочущий Вахш вырвался из каменного туннеля и устремился в мощный водоприемник, а отсюда уже по магистральному каналу — в долину.

Это был большой праздник таджиков.

— Эй, салом, Вахш! Здравствуй, Вахш! — кричали чабаны и пригоршнями черпали из канала воду, брызгали на свои загорелые лица, смеялись и плакали. Плакали от радости и счастья.

«Капля воды на поле — драгоценность. Две капли — слиток золота», — припомнились услышанные когда-то слова восточной поговорки. И теперь, находясь в Вахшской долине, по-настоящему можно оценить эту мудрость. Там, где вода, вьются причудливыми сплетениями каналы и арыки, мертвая долина отступает, давая простор цветущим оазисам, фруктовым садам, цитрусовым рощам и мягкому безбрежному ковру хлопчатника.

Расцвела долина. Особенно хороша она в конце зимы — в феврале и даже в январе. Именно в это время пробуждаются в долине абрикос и сирень, карагач и персик. Розовато-белым цветом светится миндаль. Склоны предгорий уже окрашены алыми тюльпанами, миниатюрными звездочками гусяного лука и белыми горными грибами.

Безгранично богата дарами Вахшская долина. Но, конечно, самое большое ее богатство — хлопок, белый-белый, как облако на высоком небе.

— Но не одним только хлопком, арбузами и дынями славится наш край, — продолжал шофер.

— Хотите сказать: еще и виноградом? — решила похвалиться своими познаниями Наташа.

— Виноград само собой. Если бы вы знали, какой у нас урюк растет! — И шофер рассказал нам один любопытный эпизод. Известный таджикский поэт, находясь в составе советской делегации, посетил Индию. В Дели он неожиданно заболел — поднялось кровяное давление. Вызванный к больному профессор внимательно осмотрел пациента, выписал лекарства, объяснил, когда и в каком количестве принимать различные таблетки и микстуры. А потом вынул из чемодана маленький целлофановый пакет.

— Лучшее лекарство для вас — здесь, — сказал профессор и подал больному несколько штук... таджикского урюка...

Проехали Яван, Уялы, в прошлом мало кому известные кишлаки, теперь молодые и красивые городки. Не доходя трех километров до поселка Кзылкала, дорога сворачивает вправо на Новоабад и дальше идет на Курган-Тюбе — важный промышленный и культурный центр Вахшской долины. Его история долгая и насыщена она богатыми событиями. По одним данным, он основан в первой половине XVII века, по другим, — в VII веке уже существовал. На высоком холме и сейчас сохранились остатки стен некогда внушительной крепости.

Если отклониться километров на восемнадцать на юго-восток от Курган-Тюбе, пойдут земли совхоза имени Кирова. Местами равнина здесь холмистая. Внимание археологов давно привлекал один из больших двугорбых холмов, который местные жители называли Аджин-Тепе, что в переводе означает

«Холм джинна». Он овеян множеством самых фантастических легенд и преданий. Тайну Холма джиннов решили разгадать таджикские ученые. И вот счастливый случай. Во время изысканий геологи натолкнулись на древние руины. Прибывшие на место археологи установили, что под холмом погребен древний город. Он связывал территории нынешних среднеазиатских республик с Индией, Персией и другими государствами Ближнего Востока. Естественно, в столь «бойком» месте можно было ожидать немало интересных открытий.

Когда начали раскапывать город, была найдена мастерская, в которой когда-то плавился металл. При раскопках обнаружены и различные поделки из меди, камня, монеты, обнаружены хорошо сохранившиеся фрески с изображением людей. В дорогом одеянии шагает, по всей вероятности, гордый правитель. За ним следует бритый монах в индийской одежде. Далее идут две женщины в дорогих шелковых платьях с золотыми украшениями. В руках одной из них — цветок лотоса и зажженная свеча, у другой — золотая чаша с плодами. Идут вооруженные слуги, процессия верующих. А в самой верхней части фрески — Будда, сидящий на троне.

Рассматривая фрески, ученые предположили, что они принадлежат какому-то большому буддийскому храму со святилищем. Так оно и вышло — раскопали большой храм со святилищем, с залом и девятью статуями, церемониальным обходным коридором и другими помещениями, украшенными яркими фресками. И всюду скульптуры Будды и божеств буддийского пантеона, за спинами которых полыхают языки «всеочищающего» огня...

При раскопках было вскрыто более сорока помещений бывшего буддийского монастыря. В каждом из них обнаружены великолепные произведения изобразительного искусства древнего Тохаристана. Среди них цветные росписи культового и бытового содержания, различные изваяния из глины, фрагменты огромных статуй. Многие фигуры людей, богов лишены конечностей. Но это не было для археологов неожиданностью. Все они оказались сброшенными с постаментов и разбитыми. Повидимому, это было сделано ворвавшимися в монастырь иноверцами.

Но как бы там ни было, все, что найдено при раскопках буддийского храма, по определению специалистов, относится к шедеврам мировой культуры.

Раскопки продолжают, и шедевры прибавляются. Прошло всего несколько месяцев с момента начала раскопок храма — и снова удивительное открытие. К рабочим совхоза явился гость... из седьмого века. Тринадцать столетий он находился

глубоко под землей. Ступня его ноги, от пятки до кончиков пальцев, два метра! Общий рост составляет почти 15 метров. И если бы он вдруг зашагал по улицам современного города, то его огромная голова, наверное, высилась бы на уровне окон пятого этажа.

Но зашагать гость не может. Пришелец из седьмого века, а он никто иной, как Гуатама, основатель буддизма, лежал на боку, заваленный обломками храма, построенного в его честь. Он не видел солнечного света тринадцать веков, до той минуты, когда рука археолога коснулась его лица и взволнованные голоса суетившихся рядом людей нарушили состояние умиротворенного покоя.

Все это было очень интересно, и мы спешили скорее в Аджин-Тюпе на свидание с величайшим из восточных богов, но опоздали. Гуатаму увезли на реставрацию.

Пройдет несколько лет — и величайший из восточных богов будет перенесен в специально построенную опочивальню, где будет восседать в своей традиционной позе на софе, которую тоже восстановят реставраторы.

На другой день наш путь лежал на самый юг Таджикистана, к месту, где сливаются воедино Вахш и Пяндж, образуя Амударью. Именно в этом уголке, площадью в 52 тысячи гектаров, колышутся под знойными ветрами девственные заросли туранги и джиды, эриантуса и тамариска, дикого сахарного тростника и камыша. Это место, где щедрая, не тронутая человеком природа создала благоприятные условия для жизни самых разнообразных зверей и птиц, с давних пор зовут Тигровой балкой...

ТИГРОВАЯ БАЛКА

Есть ли в Тигровке тигры? В джунглях Вахша.
Жар-птица. В боевом охранении. Егерь с Балабановского.
Верный друг. Ночные обитатели.

— Это и есть наша Тигровка,— увидев полосатый шлагбаум, сказал шофер.

Было еще рано. По московскому времени шесть часов, а по местному — десять. Солнце хотя взошло, но его не было видно из-за висевших над землей облаков густой песчаной пыли, принесенной накануне афганцем.

Оформление необходимых документов много времени не заняло, хотя места пограничные.

— Сопровождать вас будет Иван Федорович,— представляя своего заместителя Носова, сказал директор заповедника.

Сборы были недолгими. Прихватив с собой марлевую сетку,

какие-то мази, кажется, от укусов змей, подзорную трубу и портфель, Иван Федорович пригласил садиться в машину.

Поначалу едва различаемая дорога, если можно так сказать, стелилась взлохмаченной песчаной пустыней, потом глинистым плато, а дальше спускалась в просторную долину, поросшую лохом, туранговником с пушистыми метелками тростника и другими, не известными нам, высокими, в человеческий рост, травами.

Направляясь в глубь Тигровой балки, естественно, мы хотели если не увидеть тигра, то хотя бы услышать его отдаленный рев.

Из литературы я знал, что тигры в этих местах водятся. В сороковых и даже пятидесятых годах они были обычными жителями тугаев. «Хозяева тугаев» обитали в самых недоступных тростниковых крепях поймы. Днем они обычно спали, а в сумерках выходили на охоту. Бесшумно подкрадывались, выслеживали добычу — диких кабанов, джейранов.

— Тигры и на людей нападали?

— Если и случалось зверю встретить пробиравшегося по тугаям всадника, — отвечает Носов, — то его интересовала лошадь, а не человек.

— А все-таки у вас тигры есть? — настойчиво допытывалась Наташа.

— Скорее всего, нет. Туранский тигр в наших краях исчез. Боюсь, что навсегда.

— А откуда следы на берегу Вахша?

— То, видно, отпечатки приходящего из-за границы. Пришел и ушел обратно.

Машина все дальше и дальше увозила нас в глубь Тигровой балки. Но цепи Памирских гор не становились от этого ближе. Менялись лишь местность, окраска неба и земли. Зеленые холмы сменяли низины с тростником, который высоченной стеной стоял по обе стороны нашего пути.

Было как-то не по себе: немного страшновато и в то же время интригующе интересно. Мы даже не раз просили шофера глушить мотор. Когда машина останавливалась, выходили из нее, забирались в заросли и ощупью друг за другом пробирались к крохотным полям и наблюдали, наблюдали...

Было тихо-тихо. И вдруг небо над нами взорвалось. Это пролетели стаи птиц, поднимая шум, будто реактивные двигатели.

Пробираемся дальше. Вскоре прямо из-под ног выпорхнула фазанка, другая. Потом на полянку вышел красавец петух. Весь огненно-золотой, с белым зеркальцем на крыле. Вытянув шею, сделал короткую пробежку и, словно фейерверк, взлетел, переливаясь всеми цветами радуги.

— Жар-птица наших тугаев,— не без гордости молвил гид.

Мне не раз приходилось видеть фазанов, но таких красавцев, как в Тигровой балке, я не видел. Встреча с ними — всегда праздник, редкий даже и для настоящего натуралиста.

Мы так залюбовались фазанами, что не сразу обратили внимание на еще одну достопримечательность. На прогалине в камышах неожиданно появился олень. Самец был рослый, в отличие от самок, которых мы потом еще не раз видели, его украшали увесистые рога. Стараясь не шуметь, приближались к оленю, чтобы сфотографировать его. Но эти животные хорошо видят и слышат. Олень насторожился, потом с шумом втянул носом воздух, тревожно свистнул и обратился в бегство.

Когда-то тугайные олени во множестве водились в тугайных лесах, но уже в шестидесятые годы их осталось всего несколько десятков и то в одном месте — в Тигровой балке. Не случайно олени, как и таджикские фазаны, джейраны, вараны, полосатые гиены и другие животные, птицы и рыбы Тигровой балки занесены в международную Красную книгу.

Когда шофер снова завел мотор и уже хотел было тронуться с места, перед самыми колесами прошмыгнул заяц.

— Самый удивительный из длинноухих на целом свете, — сказал Носов.— Лапки у нашего зайца — тонкие-тонкие...

Теперь следы попадались чаще. И чем дальше забирались в дебри Тигровки, тем выразительней казалось, что заблудились.

— Не волнуйтесь,— успокоил Иван Федорович.— Скоро будет Вахш и протока возле него, а там в нескольких сотнях метров и Балабановское озеро.

И как бы в подтверждение слов Носова, впереди фыркнула лошадь.

— Наши мустанги,— заметил Иван Федорович.— Эти животные далеко от воды не отходят.

Вскоре в глаза брызнула зеркальная гладь Вахша, а затем и заросшие камышом озера. Возле одного из них мы остановились. Здесь настоящие джунгли — густые, с бесконечным переплетением лиан. Именно в таких зарослях живет самый страшный хищник в Тигровке — камышовый кот — хаус. Успокаиваешь себя, что днем этот зверь, как и тигр, спит и лишь ночью отправляется на поиски пищи.

Раздвигая заросли, пробираемся к Балабановскому озеру. Земля взбита копытами, исцарапана когтями. Каких тут только не было следов! Вот словно ребенок проходил босой ногой.

— Это барсук,— поясняет Иван Федорович.— Видите, походка у него торопливая, лапы расставлены широко.

— А почему вокруг земля разрыта?

— Разрывая землю, барсук ищет корни и личинки насекомых, роет на зиму глубокие и длинные норы.

— Выходит, барсук — отличный строитель?

— Еще какой! Жилье для себя строит с комфортом...

Дальше тоже попадались следы, и их, словно книгу, читал наш гид:

— Вот еще отпечатки. Какие-то копытца. Маленькие, сплетающиеся узорами,— косули, если раздвоенные и большие — дикой свиньи.

Мы приближались к самому берегу. Взлетая, зашумела крыльями утка.

— Не утка, а колпица,— бросил на ходу Носов. Потом поднес к глазам, а затем передал мне подзорную трубу:— Посмотрите, как величественно держится на противоположном берегу серая цапля, охраняя многочисленные сборища птиц.

Цапля и в самом деле стояла в боевом охранении. Заметив что-либо подозрительное, она сразу же взлетала и этим настораживала других пернатых, а те от малейшего шороха бросались в бегство.

Мы были в Тигровой балке летом. Настоящие птичьи базары начинаются на озерах осенью. Жара к тому времени спадает, и многие птицы прилетают сюда на зимовку. Тогда и можно здесь встретить белохвостых куликов-песочников и чириков-свистунов, белоснежных гусей и черных лебедей, бакланов и красноносых нырков. И нередко над всем этим гомонящим, крякающим, плещущимся, свистящим пернатым товариществом, которое причитает на разные голоса, кружат белохвостые орланы и белоногие сипы.

Богата Тигровая балка и рыбой. Своенравный Вахш, то и дело меняющий русло, образует здесь все новые старицы и протоки. Заростая осокой и камышом, они постепенно отделяются от реки, становятся озерами. Таких озер, больших и малых, в заповеднике около сорока, а в этих не замерзающих круглый год озерах и речках много всякой рыбы, особенно сазанов. Есть довольно крупные экземпляры по пять-шесть килограммов.

Такую рыбу и в таком количестве увидишь не часто. Именно здесь, в Тигровой балке, наблюдая буйство рыбьих полчищ, с сочувствием вспоминаешь наших рыбаков-любителей, которые долгими часами просиживают у берегов Днепра или Десны, чтобы поймать две-три красноперки или хотя бы одного леща...

У озера Балабановского задержались, чтобы посетить домик старого героя. В этом домике многие годы жил дед Павел — Павел Михайлович Гусак, жил безвыездно, всю душу

отдавал окружающей природе. Он знал, где что растет, где какие звери прячутся, где птицы гнездятся.

У деда Павла были и свои домашние, ручные постояльцы, которые за ним ходили по пятам. Это и барсучонок Тимка, и еж Тузик, и пеликан Эрик, забавная олениха Венера.

Когда в Тигровку приезжали киносъёмочные группы, Венера и в кинозвезды готова была записаться. Снималась старательно, но за каждый свой шаг, свою позу бесстыдно требовала «гононар» — булочку, сахар, сушеные фрукты. Но как только съемки заканчивались, обязательно норовила утащить какую-нибудь вещь. Ничем не брезговала — сигаретами с фильтром и без фильтра, платочками, носками... Особенно по душе ей пришлось тогда верхние рубашки. Она их жевала, а потом отгрызала рукава, и ее хитрая морда при этом делалась потешной-потешной.

— Как тебе не стыдно, — срамил ее дед Павел. — Я же тебя маленькую выходил, а ты, неблагодарная, так ведешь себя, что сраму не оберешься...

У старого егеря был еще и Тарзан. Удивительная собака. Ум, сообразительность, быстрота, острое зрение, тонкий слух, тончайшее чутье и, самое главное, — преданность. Очень любил Тарзан сидеть на задних лапах. Черные глаза буравят по очереди каждого, кто вступает в беседу с хозяином. Хозяина не обижать, о нем ничего плохого не говорить, руками не размахивать, голос не повышать. Если кто нарушал эти условия, Тарзан мгновенно превращался в истинного хищника.

Вроде ничему особенному Тарзана не обучали, а он все знал и умел. Не терпел, если к сторожке подползала змея или подкрадывался шакал, — тотчас же учует и разгонит непрошенных гостей. Если на охраняемом участке оказывался посторонний человек, сразу же об этом предупреждал лаем. Тарзан был незаменимым помощником и другом деда Павла.

Если Павел Михайлович уезжал в Центральную усадьбу, Тарзан мог неделями его ждать у крыльца.

Все свое сердце отдавал Павел Михайлович защите природы, ее охране. О нем знала вся заповедная округа. Кто бы ни приехал в заповедник: ученый, экскурсант, юннат — обязательно старался встретиться с дедом Павлом, побывать у него в гостях, обменяться с ним своими мыслями, заручиться консультацией, советом, помощью.

Почти сорок лет служил в Тигровой балке Павел Михайлович. Не раз его звали в колхоз по месту довоенной работы, в подсобное хозяйство Таджикского сельскохозяйственного института, а когда ему перевалило за 60, потом за 70, предлагали пойти на заслуженный отдых, а он в ответ свое:

— Рано. У деда Павла есть еще порох в пороховнице.

В 1972 году Павел Михайлович простудился и тяжело заболел. Старый егерь понял, что ему недолго осталось жить. Предчувствуя близкую смерть, он хотел проститься со своим верным другом. Хотел сойти с лежанки, погладить лежащего на полу Тарзана — и не смог.

И тогда произошло то, чему сразу и не поверишь. Тарзан взглянул на своего хозяина грустными, совсем человеческими глазами, поднялся, стал на задние лапы, а передними как бы обнял на прощанье хозяина.

Старый егерь вскоре умер. Его похоронили у лесной сторожки, у берега Балабановского озера, соорудили скромный памятник, а на могиле посадили цветы и положили его форменную фуражку с дубовыми листьями.

В лесной сторожке, около которой похоронен старый егерь, остался Тарзан. Все попытки увести собаку на Центральную усадьбу ни к чему не приводили. Бывало, усадят Тарзана в кузов автомашины, а он сбежит по дороге и снова возвращается на старое место. Положит голову на могилу своего хозяина и скулит.

Когда однажды (а это было почти через полгода после смерти старого егеря) работники заповедника снова приехали к берегу озера, чтобы увезти Тарзана, его уже не было в живых. Тарзан лежал мертвым на могиле рядом с форменной фуражкой своего хозяина...

От озера Балабановского путь лежал к озеру Гуликовскому, где тоже служил многие годы известный егерь Гуликовский, в честь которого и был назван водоем.

Жара... Все живое поникло и жаждало ночной прохлады. В прибрежной тине примостились лягушки, оглашая тугаи многоголосым кваканьем; змеи, прижавшись к горячей земле, подкарауливают добычу; призрачными тенями мелькают в воздухе козодои и летучие мыши...

Когда солнце спустилось за вершину горы Ходжа-Хазиан, в небе стали медленно загораться звезды.

— Будьте внимательны,— посоветовал Иван Федорович.

В ослепительном свете фар мелькнул заяц-толай, притаился у насыпи ушастый еж; разбрасывая иглы, важно продефилировал дикобраз. А перед самым шлагбаумом Центрального кордона фары выхватили из темноты целый выводок шакалов. Застигнутые врасплох, они, трусливо поджав хвосты, вначале заматались на дороге, а потом, видимо, опомнившись, разбежались кто куда.

Среди ночных обитателей есть и весьма любопытный зверь — полосатая гиена. Как и камышовый кот, она очень осторожна, нечасто попадает на глаза даже наблюдательному че-

ловеку. Только по отпечаткам следов на звериных тропах можно узнать, где она прошла, да еще ночью можно услышать ее отрывистый лай.

Тигровая балка полна загадок и неожиданностей, особенно для человека, который впервые туда попал. Разноголосые крики многочисленных обитателей тугаев, таинственные шорохи вокруг настораживают и пугают. Несколько дней мы провели в Тигровке. И все время, хотя и не подавали виду, думали о камышовом коте, который так ловко прячется в зарослях, о мохнатых тарантулах, которые могут бесцеремонно залезть в рукав штормовки, да про двухметровых кобр — их зловещее шипенье нам чудилось на каждом шагу.

— Тут у нас не заскучаешь, — говорил Иван Федорович.

В этом мы убедились, когда пересекли Центральный кордон, поужинали и легли спать. Ложились в сплошной темноте, так как свечка привлекала комариные тучи. Но попробуй заснуть! Звенели миллионы цикад. Потом в концерт включились лягушки: начали сольным кваканьем, а закончили могучим хоровым пением. Их азартный запал не раз вынуждал нас вскакивать в холодном поту.

Когда далеко за полночь наконец утихомирилось лягушечье братство, со стороны Вахша послышался вой шакалов. Даже не вой, а какой-то гомерический хохот. Он приближался и постепенно со всех сторон обложил егерский домик, где мы остановились на ночлег. Потом все стихло. Я уже было задремал, когда под самым окном вдруг твякнул шакал, затем другой, а потом где-то в зарослях залилась плачущим воем и вся стая. Сна как не бывало. Иван Федорович схватил палку и вышел на веранду. Следом выбежали и мы. Свет луны был очень слаб, но шакалов, вернее, их тени, мы заметили среди деревьев. А когда подошли к столу, где с вечера оставили часть своих продуктов, уже не сомневались, кто именно здесь хозяйничал.

Было не до сна. Едва рассвело, Иван Федорович предложил собираться в дорогу:

— Поедем в Кара-Дум встречать восход солнца.

В Тигровой балке есть не только тугаи, но и участки песчаных пустынь и полупустынь с зарослями саксаула.

Пустыня Кара-Дум — королевство варанов, змей, черепах. Тут пасутся джейраны. Но за короткую южную весну почти все население тугайных джунглей перебазируется на песчаные холмы, где раньше пробуждается природа.

Машина виляет среди ухабов солончаковой дороги. Проехали Кабаний кордон, а затем выбрались к Песчаному перевалу. На перевале встретил нас егерь с целой сворой собак.

— Гаибназар, — представился он.

«Как же так,— подумал я,— Носов говорил, что встретит нас Михаил, а встретил Гаибназар». На мой вопрос, а где же Михаил, Иван Федорович ответил, что он стоит перед нами, что оба имени принадлежат одному и тому же человеку.

Ему было два года, когда началась война. Отец ушел на фронт. Мать отправила сына с бабушкой в Таджикистан. С тех пор он ее не видел и не знал, что с ней. Вскоре по приезде в Таджикистан умерла и бабушка. Вот тогда мальчишка и попал в детский приют, а потом был усыновлен бездетной семьей Давроновых.

Поскольку мальчик не знал ни отца, ни матери, ни имени своего, ни фамилии, в семье Давроновых его называли Гаибназаром. Ханзада (казашка) и Даврон (туркмен) полюбили русского мальчика, научили его грамоте, своему языку, одели, обули, воспитали. Но вот однажды в кишлак, где жил мальчик, приехал из Москвы его отец, майор Советской Армии. Отец обращается к сыну по-русски, но сын его не понимает.

Как же сообщить сыну, кто он есть? Отец показал пожелтевший от времени платочек, который он хранил всю войну.

— Ми-рош-ни-ков Ми-ша,— с трудом по слогам прочитал Гаибназар вышивку на нем.

Это были его настоящие имя и фамилия...

Возвратившись с фронта, отец повсюду разыскивал Михаила, которого жена отправила в Таджикистан, но не мог найти, потому что он принял другое имя и фамилию.

И вот сын нашелся. Сейчас Гаибназару — Михаилу Давронову уже за сорок. Он отец шестерых детей. Работал в хлопководческом колхозе, а вот уже двадцать лет служит в Тигровой балке. Так и живет он с двойным именем — Михаил-Гаибназар...

Небо над пустыней постепенно розовело. Не раз, путешествуя в горах, я наблюдал восход солнца, но то, что увидел в Карадуме, меня ошеломило. Солнца еще не видно, а пустыня со своей скудной растительностью уже обрела неповторимую гамму цветов. Веет живительной прохладой. Воздух — чистый, свежий и необыкновенно прозрачный.

Тишина. Кажется, все живое — даже кустарники, даже увядшая былинка, даже крохотная ящерица-круглоголовка, притаившаяся возле своей норки,— все замерло, повернулось к солнцу.

В себя привел нас голос Ивана Федоровича:

— Джейраны!

Я тщетно пытался разглядеть бегущих по пустыне антилоп. Смотрел вперед, смотрел слева от себя. И даже развернувшись назад, я тоже не увидел джейранов. Но заметил лису. Она сидела у песчаного бугорка, небрежно отбросив хвост с белым кончиком, и с любопытством глядела на нас.

Солнце припекало сильнее и настойчивее. Тени от песчаных бугров заметно уменьшились, и обильная роса на кустах солянок давно уже высохла. На глазах оживала пустыня. В поисках пищи выбирались из глубоких укрытий грызуны. Временами слышались какие-то стрекочущие звуки. Это выходили на охоту гекконы и их многочисленные сородичи агамы.

Крупные, пятнистые и шершавые, как напильник, агамы — тоже ящерицы. Мы их видели не только на песке, но и на верхушках кустарников — там они спасаются от жары. Голова у агам покрыта мелкой лускою и зубы как-то странно прикреплены к верхней челюсти. Но самое удивительное, наверное, то, что от сильного нервного возбуждения (от встречи со своими преследователями) или нагрева они способны преобразаться, менять окраску. У самцов подбородок и вся нижняя часть туловища становятся темно-синими, а бока приобретают лиловый оттенок. Такой же цвет приобретают и полосы на лапах, а хвост окрашивается в ярко-желтый или оранжевый цвет. Самки же под лучами палящего солнца становятся голубовато- или зеленовато-желтыми, а вдоль спинки у них проступают ряды очень ярких ржаво-оранжевых пятен. От многих зверей спасаются агамы, как хамелеон, меняя на ходу свою окраску. Только нет им спасения от обыкновенного ежа. Двигая своим длинным носом, еж принюхивается к запахам и без труда обнаруживает зарывшуюся в песок агаму, бесцеремонно хватая ее.

«Агаму увидели,— подумал я,— теперь для полноты впечатлений увидеть бы и варана. Может быть, и повезет».

И действительно нам повезло. Как только прошли Песчаный перевал, тут же увидели гигантскую ящерицу, которая, как ошалелая, неслась по пустыне, задрав хвост.

Шофер прибавил газ, и мы стали догонять варана. Вскоре он начал сдавать. Еще пробежал немного и остановился. Расставив четыре лапы и прижав жирное брюхо к раскаленному песку, он пыхтел, как паровоз. Даже тогда, когда мы вылезли из машины и стали суетиться вокруг него с фотоаппаратами, варан не двигался, лишь изредка поворачивал голову и смотрел на нас беспокойными глазами.

— Бери,— Иван Федорович бросил варану кусок вяленого мяса. Позабыв страх перед человеком, животное вцепилось в него острыми, как бритва, зубами.

Я представил себе этого хищника в пустыне; как он гоняется за жертвой, как догоняет ее и, сбив с ног, жадно рвет на части.

— Так что будьте осторожны,— предупредил Носов,— песчаный разбойник может нанести своими острыми зубами глубокую рану, а если ударит хвостом, оставит на теле заметный след.

— И все-таки кто же становится обычно жертвой варана?

— Могут быть ящерицы, змеи, мелкие грызуны, фазаны. Варан может полакомиться яйцами и даже козьим молоком, — пояснял нам Носов. — Однако варан не только вредит. Он уничтожает вредных насекомых и даже скорпионов и фаланг.

...Наше пребывание в Тигровой балке заканчивалось. Когда подъехали к главной усадьбе заповедника, было далеко за полдень.

ТРИДЦАТЬ ДНЕЙ ПАМИРА

Большим таджикским каньоном. В самом сейсмическом...
У Орлиного гнезда. За поворотом — Сурхоб.
В Джиргатале, Кошары над облаками. Стада у ледников.

Незабываем и Памир — могучая горная страна, поднявшаяся на юго-востоке Таджикистана. Если верить песне, что «лучше гор могут быть только горы», то прекрасней Памира, наверно, нет края на земле...

Что же такое Памир?.. Поимихра... Бо-ми-ро, как еще называют самый верхний край советской земли...

Некоторые ученые считают, что название «Памир» происходит от иранского слова «бам», что означает крыша. Другие же предполагают — что от иранского слова «Па-и-Михр», что в переводе на русский язык означает «подножье Митра» (бога солнца).

«Подножье солнца», «подножье света»... Но в популярной

литературе Памир чаще всего величают «Крышей мира». Памир не только «Крыша мира», но и река, которая сливается с Вахшем, образуя бурный Пяндж, и горная страна в Центральной Азии с широтными хребтами и зелеными долинами, горный узел, в котором сходятся отроги величайших хребтов азиатского материка — Гиндукуша, Куньлуня и Тянь-Шаня...

На Памире я видел удивительный контраст ландшафта, редких растений и животных. В его долинах зеленеют сады и поля... Над ними холодные плоскогорья, а еще выше — высокие горы, вонзающие свои обледенелые вершины в синеву безоблачного неба.

Первой такой вершиной, которая встретила нас по пути, оказалась красивая пирамида на ледяном пьедестале, отличающаяся от своих собратьев размерами и изысканностью форм. Это Ходжа-Локан, или, как называют ее альпинисты, Мечта.

Пролетая над Мечтой, нельзя было не любоваться ее причудливой красотой. Но вот за Мечтой — одна, вторая, третья вершины. Сначала невысокие, обветренные, а потом все чаще, как и Ходжа-Локан, вздымающиеся к самому небу, сверкающие на солнце своими ледниками и фирновыми полями.

Одни горы сменяются другими, и так до самого Душанбе. В Душанбе не задерживаюсь, а прямым ходом следую на Джиргаталь — районный центр в самой высокогорной части Таджикистана, откуда, собственно, и начинаются маршруты в самое сердце Памирских гор.

Рейсовый автобус идет Гиссарской долиной, которая протянулась на семьдесят километров с запада на восток. По пути Файзабад, известный с IX века как Вишгирд. История донесла до нас сведения, что еще в домусульманскую эпоху в этом кишлаке был в обиходе особый алфавит.

За Файзабадом течет река Обигарм, на берегу которой бьют целебные источники.

— Наше Цхалтубо, — говорит один из пассажиров. — Полчасика — и мы будем там.

Об этих источниках на востоке узнали очень давно. О «живой» воде слагались легенды. В одной из них, дошедшей до наших дней, рассказывается о том, как старый пастух, которого недуг согнул в три погибели, однажды нашел яму. Вода в ней бурлила, как масло в котле. Чабан окунулся — и стал молодым, здоровым, сильным. Слух о свершившемся чуде быстро разошелся по горным селениям... Теперь на берегу горной речки большой курорт, а в нем бассейны для купания с целебной водой.

А дальше за курортом уже не приток Вахша, а сам Вахш. Если сравнить Вахш с нашим Днепром, с широченной Волгой

или даже с Енисеем, то он покажется речушкой. Предание гласит, что во время гражданской войны в том месте, где сейчас находится створ Нурекской плотины, главарь басмачей Ибрагим-бек, уходя от преследовавшего его красноармейского отряда, перепрыгнул реку на своем коне. Так или не так это было — трудно сказать, но на самом деле Вахш совсем не широк. Однако необузданной силы, ярости в нем больше, чем у названных великих рек. Поэтому имя его, означающее «бешеный», не случайное. С обрывистого берега страшно смотреть в воду, так она стремительно мчится, пенится, бурлит, особенно в том самом узком месте, где ее сжали в тиски скалы Орлиного гнезда. Вот почему здесь люди хотят заставить своенравную реку служить себе: насыпать плотину из камня и глины на двадцать с лишним метров выше Нурекской, создать новое море и гидроэлектростанцию — Рогунскую.

Едем дальше. Дорога еще километров двадцать идет берегом Вахша, а дальше, за поворотом, врывается в так называемый таджикский «Большой каньон». Каньон — это тоже ущелье, но узкое-узкое. Стены его почти отвесные, а дно ущелья простирается во всю ширину реки. Таджикский каньон не на много меньший по глубине всемирно известного каньона на реке Колорадо в Америке, но он довольно грозен, мрачен и с первого мгновенья захватывает своим видом и сказочностью.

В каньоне темно. Лучи солнца если и проникают на дно ущелья, то не более чем на три-четыре часа в сутки. Остальное время здесь царит мрак.

Но вот, кажется, полоска неба все растет и растет, ущелье расширяется, и наш автобус подъезжает к развилке дорог. Одна из них, огибая хребет Петра Первого, ведет в Хорог, столицу Горного Бадахшана, другая — на Джиргаталь.

Теперь мы уже едем вдоль притока Вахша — многоводного Сурхоба — и благополучно прибываем в Гарм.

Гарм не только районный центр с цветниками и аллеями пирамидальных тополей, но и единственный полигон Института физики Земли Академии наук СССР. Именно в Гарме и его окрестностях, зажатых со всех сторон теснинами Каратегинских гор, с помощью автоматических станций и складывается своеобразная кардиограмма Земли. А «пульс» у здешних мест напряженный — более десятка землетрясений в день.

Люди могут привыкнуть ко всему, но только не к землетрясениям. Но Борис Георгиевич Рулев, заместитель начальника комплексной сейсмической экспедиции Института физики Земли Академии наук СССР, базирующейся в Гарме, наверное, исключение. Спокойный, уравновешенный, он мог часами рассказывать о том, что происходит в недрах Земли...

Борис Георгиевич вынул из футляра очки, протер их и снова положил в карман.

— Когда трясет землю,— продолжал он,— бьют во все колокола, звонят все телефоны, сотни людей спрашивают одно и то же: сколько баллов?

— Что же вы отвечаете?

— Зависимо от показаний приборов...

— Что же означает, по-вашему, например, 5 баллов?

— Пять — это когда в домах сильно раскачиваются всякие лампы, люстры, открываются самопроизвольно двери, а из наполненных сосудов выплескивается вода. В горах на склонах мечутся овцы, в кишлаках лают собаки, поджав со страху хвосты.

И обо всем этом ученый рассказывал с полным спокойствием, а ведь еще несколько часов тому назад его поднял на ноги оглушительный трезвон всей системы сигнализации. Сильное землетрясение до 7 баллов. Только успел Борис Георгиевич обработать данные и передать в Москву — второй толчок, через 10 минут — третий!

В Гарме почва сместилась на 200 с чем-то микронов. Но это более чем в тысяче километров от эпицентра. Что же делается на юге, например, в Пакистане?! Идем к ближайшим скалам. Там, по соседству с опорной сейсмической станцией, находятся штольни. Открываем массивную, словно у сейфа, металлическую дверь, входим в мерцающий электрическими лампочками сводчатый коридор. По обе стороны его в шахматном порядке устроены ниши с бетонными тумбочками, на которых установлены сейсмографы, деформографы и другие приборы, а дальше, в глубине штольни, задействованы датчики, с которых поступает информация.

— Информацию мы получаем со всех сейсмических пунктов, а они у нас разбросаны по всей Средней Азии, и сосредоточиваем ее в комнате прогнозов.

Борис Георгиевич подошел к центральному пульту и взял одну из сейсмограмм.

— Если на сейсмограмме самописцы прочерчивают мелкозубчатые линии,— сказал он,— все сотрудники у нас заняты своими обыденными служебными и житейскими делами.

— А если рисуют размашистую амплитуду?

— Тогда беда. Трезвонит сигнализация, и в эти минуты мы особенно тщательно слушаем Землю и держим руку, как говорят, на ее пульсе, непрерывно информируя Москву обо всем, что происходит в недрах планеты.

До самой темноты мы пробыли на сейсмической станции. В Гарме и заночевали, а с рассветом отправились по своему

маршруту. Теперь мы уже едем горным трактом не рейсовым автобусом (такие до Джиргаталья не ходят), а обычным ЗИЛом, груженным мешками с сахаром и другими продуктами для горцев.

Чем дорога выше забирается в горы, тем суровее местность. Скалы все чаще вплотную подбираются к шоссе. Едешь по такой дороге и невольно вспоминаешь надпись, встречающуюся на горных трактах: «Путник, будь осторожен! Здесь ты, как слеза на реснице».

У места, где в Сурхоб впадает приток Обикабуда с Ясманом, ущелье расширяется, местами едем зеленой долиной. Показался мост, а слева от него — на многие километры обломки скал.

— Смотрите, — показывает шофер, — там женщина в длинном, до самых пят, платке — это памятник погибшим в хаитской катастрофе.

...Лет 35 тому назад в развилке Сурхоба стоял цветущий кишлак — районный центр большого горного края. Летом сорок девятого года, во время землетрясения, в озеро Хаузхаит обрушилась гора. Образовавшийся из воды, камней и глины грязекаменный поток ринулся вниз на селение Хаит и в считанные минуты завалил цветущий кишлак.

Думая о хаитской катастрофе, я не раз вспоминал Бухару и Ашхабад, Ташкент и Прииссыкулье — районы, по которым всего за несколько дней до нашего вылета из Киева снова прокатилась волна землетрясений.

Землетрясения случаются часто. Ежегодно сейсмические станции планеты регистрируют их около миллиона. Среди них — примерно тысяча разрушительных, около десятка — катастрофических. Подсчитано, что человечество потеряло от землетрясений 150 миллионов жизней. Разрушаются города, трескается земля, исчезают озера, моря накатываются на сушу. И всякий раз это происходит внезапно.

Давно ученые пытаются постичь механику подземных бурь. Специалисты, работающие в Гарме и на других сейсмических полигонах страны, собирают данные, чтобы прогнозировать землетрясение. Нередко это им удается. Ноябрьское землетрясение 1968 года, сейсмические толчки 1981 и 1982 годов в Средней Азии стали еще одним подтверждением того, что недалеко то время, когда наши сейсмологи смогут точно предсказать время и место землетрясений.

Впереди — кишлак Пильдони, правее от него — хребет Петра Первого, где, собственно, и предстоит мне вскоре побывать. Еще выше по Сурхобу, где сливаются в общий поток Кызылсу и Муксу, — Джиргаталь.

Джиргаталь — большой кишлак. Расположен на высоте 1900

метров над уровнем моря. Здесь можно остановиться в гостинице, отдохнуть, поесть в столовой, а при желании даже искупаться в пансионате «Тандыкуль», где есть «ванны» — углубления в земле, наполненные проточной горячей водой из минеральных источников.

Ждать высокогорную экспедицию «Памир-81», в состав которой и я был включен, не было смысла, тем более что в записке, переданной с бортмехаником рейсового «Ана», руководитель экспедиции Григорий Владимирович Полевой уведомлял: «...Десятого отправляю на Джиргаталь автомашину со снаряжением, продуктами и овощами. Участники экспедиции вылетят из Душанбе не раньше пятнадцатого».

По календарю было только десятое июня. Значит, у меня в резерве по меньшей мере пять дней. Ехать в Тандыкуль, на минеральные источники! Но в Тандыкуль попасть так и не удалось — отсоветовал секретарь райкома партии Одил Бердыевич Бердыев: «Минеральные источники никуда от нас не уйдут, а вот наши рогатые «скалолазы» могут далеко уйти в горы».

В тот же день с редактором местной газеты «Коммунист» Махмадшо Абдусатором и секретарем райкома комсомола Саидмухтором Искандеровым мы отправились к яководам на Топчак.

Топчак — это отгонные пастбища, или Джайлоо, как их называют киргизы. Дорога туда нелегкая и длинная. Поначалу надо лететь самолетом до Ляхша, соседнего с Джиргаталем кишлака, оттуда ехать газиком до отгонных пастбищ и дальше пешком или на ослах до самых ледников, где пасутся яки.

Уже за полдень. Даже тут, на четырехкилометровой высоте, немилосердно палило солнце. Было очень жарко, но небо по-прежнему оставалось синим-синим.

— Синее, как у вас на хуторе близ Диканьки, — заметил Махмадшо. Работая в свое время секретарем райкома комсомола, он учился в Высшей комсомольской школе при ЦК ВЛКСМ, и как слушатель этой школы проходил практику комсомольской работы в городе Миргороде. Там ему и запомнились на всю жизнь знаменитые гоголевские места...

Начались высокогорные пастбища, где с мая по сентябрь пасется весь скот Таджикистана. На Джайлоо сотни юрт, где все лето живут с семьями пастухи-таджики и киргизы, которые пасут совхозный скот, приготавливают из молока масло, сметану, сыр-курут.

— Чабанский «космос», — заметил секретарь райкома комсомола Искандеров и тут же добавил: — Вряд ли где-нибудь в мире чабаны зимуют выше Топчака.

Здесь, на плато, мы оставили свой газик, чтобы дальше

идти пешком. Но не тут-то было. Мы увидели, что из-за юрты, стоявшей неподалеку от озера, показался загорелый старик с красивыми чертами лица, бодрый и по-юношески порывистый. Это был Аббас Аварбеков. Тепло поприветствовав нас традиционным «салом алейкум», он подошел к нам и пригласил на кумыс.

Махмадшо взял меня под руку, и мы оказались в юрте. Она была довольно просторной. Пока хозяин доставал пиалы, чтобы наполнить их кумысом, я рассматривал «кибитку» с прокуреным, как в сибирской бане, потолком. Напротив входа, возле задней стены, стоял какой-то сундук с ватным одеялом и подушками сверху. Это «тер» — почетное место для гостей и старшин рода. Правее «турсука» — кожаного мешка для кислого молока — висела «соба», тоже мешок, только больший, для кумыса. В центре юрты на трех камнях стоял котел, а под ним, как в печи, горел огонь.

Аббас снял с сундука одеяло и, расстелив его на полу, усадил нас справа от себя. Потом достал «собу» и разлил по пиалам кумыс.

Было приятно чувствовать, что хозяин юрты рад гостям.

— Киев, Украина... Мы хорошо знаем эти места,— сказал по-русски Аббас. А когда разговор коснулся его прошлой жизни, глаза старика стали серьезными, проникновенными. Он как-то сразу преобразился.

— Не надо о прошлом,— вдруг заметил Махмадшо и, как принято на востоке при обращении к старшему, сказал:

— Аббас-агай, вы лучше о нашем крае расскажите. Гостя из Киева это очень интересует.

Одобрительно кивнул и Искандеров, сказав:

— Правее от юрты снежная гряда с пиком Революции.

Но тут же Саидмухтора перебил Аббас:

— Ты хотя и закончил факультет таджикского языка и литературы пединститута, но пора знать, дорогой Саидмухтор, что справа — не пик Революции, а пик Коммунизма.

— Грамотен,— шепнул мне на ухо Махмадшо,— все знает.

Аббас раньше служил муллой в Джиргатале, но потом, очевидно, не по душе пришлась «духовная профессия». Однажды пришел он в исполком и сказал: «Не думайте, что Аббаса отлучили от своего поста. Сам ушел. Решил идти заодно с детьми». Не стыдили, не срамили, не обижали Аббаса. Как образованного человека, устроили бухгалтером в местном отделении «Сельхозтехники».

— Ну и как, справляется? — спросил я у журналиста Абдусатора.

— Вполне. Даже грамоту заслужил в «Сельхозтехнике».

— А у Аббаса есть семья?

— Конечно. И немалая. Сын — учитель физики и математики, секретарь партийной организации в школе, второй сын — хороший врач.

Аббас набрасывает на плечи овчинный полушубок и выходит провожать нас.

— Там, куда идете вы, еще не небо,— говорит он,— но уже и не земля. До солнца — один перегон...

Еще раз поблагодарив гостеприимного хозяина за угощение и за осла, которого он порекомендовал на всякий случай прихватить с собой, мы двинулись в горы.

Ишак, к удивлению, оказался послушным: бежал рысцой и даже вскачь, когда нужно останавливался, потом снова шел, прокладывая нам путь. Свой характер проявил ишак в верховьях речки Кызылсу, когда мы переправлялись через нее. Сел я верхом на этого осла, дернул уздечку, но, видимо, очень сильно. В отместку ишак сыграл со мной злую шутку: дошел до середины реки и стал как вкопанный. Я сижу, поджав ноги, над водой и кричу: «Ич! Ич!» — а ишак никакого внимания. Битых полчаса продержал он меня на стремнине реки...

Медленно, но верно все же мы продвигались вверх, к пастбищу яков. Высота — чуть больше трех километров. Зеленые склоны, над ними — скалы, а еще выше — снежники и ледники.

— Далеко еще, Саидмухтор?

— Теперь уже нет,— ответил Искандеров.— Поднимемся на скальную гряду, потом на другую и там...

— Не надо объяснять,— говорю ему,— и так понятно. Одним словом, километра два с гаком. А гак в Таджикистане, как и у нас, на Украине,— это еще несколько километров.

Мои спутники засмеялись. Никуда от «гака» не уйдешь, и пока мы продолжали путь, Махмадшо и Саидмухтор рассказывали мне о совхозных фермах, где держат яков. Собственно говоря, их фермами и не назовешь. Ведь там, где живут яки, нет ни одного животноводческого помещения. Да и надобности в них нет. Густая шерсть с обилием пуха и бахромой до земли служит естественной подстилкой, когда животные лежат на мерзлой земле или на снегу.

Не нуждаясь в специальных стойлах, яки круглый год отлично чувствуют себя под открытым небом. Они не боятся ни волчьих стай, ни снежных барсов, ни крепких морозов. Не любят яки ни закрытых помещений, ни зеленых долин, ни жаркого солнца и не признают ухода за собой. Взбираются на такую крутизну, которую непросто взять даже заправскому альпинисту. Мощными копытами крушат ледовую твердь и под ней находят недоступную для других животных растительную пищу... У них

жирное, если не самое жирное в мире, молоко, очень вкусное мясо, а теплая шерсть не имеет себе равной по прочности.

— А что из шерсти делают?

— Все. Даже лучшие в мире парики и шиньоны. А это, как-никак, валютная статья дохода.

Мягко улыбаясь, Саидмухтор продолжал:

— Яки неприхотливы. Хорошо переносят холод, легко поднимают в горы большие грузы. Ни одно вьючное животное не может конкурировать с яком в работе на больших высотах...

То, что это так, я убедился. Вспомнил 1950 год, снежные склоны Эльбруса, где однажды встречал этих экзотических животных с вьюками чуть ли не в полтонны весом. Яки, оказывается, хорошо акклиматизировались на Кавказе и даже дали потомство.

Время шло. Склоны становились круче. Свернули влево к большому серому камню.

— Левее, левее смотрите,— произнес Искандеров.

Там я и увидел черных лохматых животных. Они стояли прямо перед нами, послушно развернувшись на голос секретаря райкома. Искандеров, видимо, не редкий гость в этих местах, и животные ведут себя с ним, как со старым знакомым.

Удивительные животные. Рога и морды — как у буйолов, копыта — как у коров, а хвосты лошадиные. Но больше всего меня удивили звуки, которые издавали эти животные: чем-то встревоженные, они визжали, словно поросята.

Не думал, что увижу на Памире яков так близко. Обычно они ходят за снеговой линией, даже подчас выше, чем кулжи (горные бараны), и вдруг — рядом с нами. Особенно запомнился один бык, который ближе всех находился от нас. Огромный, лохматый, с длинной, почти до самой земли шерстью, як раздувал ноздри и косил в нашу сторону блестящими от злости глазами.

— Хочет бодаться,— сказал Махмадшо.— В такие моменты лучше не попадаться ему на глаза...

В небольшой ложбине стояла приземистая юрта, где жили яководы. Услышав собачий лай, из юрты вышли двое: рослый мужчина в овчинной поддевке — Махмед Рахимбеков и маленький, верткий, в коротком чапоне — Шаджибек Сайбеков.

— А где Камчибек? — поздоровавшись, спросил секретарь райкома комсомола, приложив правую руку к сердцу.

— С яками,— прикрыв веки, ответил Шидибек, брат Камчибека,— а мы с Махмедом отдыхаем.

Одно время Махмед был охотником — стрелял лис, волков, а иногда и сурков, потом бросил это, как он сам говорит, «не по душе ему занятие». Стал яководом.

Здесь поступил в комсомол, здесь же, в горах, вручили ему и комсомольский билет.

Стал комсомольцем и Шадибек. Быть чабаном не каждому дано — надо привыкнуть к непогоде. Неделями идут дождь и снег, бушуют метели, дуют ледяные ветры. Однажды узнал Шадибек, что у его брата Камчибека половина яков куда-то пропала. Помочь Камчибеку только он и мог, так как знал пропавших яков, их повадки и те места, где они паслись раньше...

Трое суток, в непогоду, искал Шадибек пропавших животных. Он простыл и еле держался в седле. Его тошнило, голова ломилась от боли.

На четвертые сутки Шадибек нашел яков; они, оказывается, перевалили через снежный гребень и зашли под самый ледник, в соседнее урочище.

Шадибек — молодой на вид, но, как и Махмед, уже опытный пастух. Первый среди яководов, на каждые сто голов получил приплод 80 телят.

Ему не стоит труда, как только он подходит к стаду, определить, все ли яки на месте. Как он узнает об этом — трудно сказать. В стаде несколько сот голов, попробуй определить, какого теленка не стало. Очень любит животных, и те ему платят тем же: могучие и неустрашимые, яки не раз защищали Шадибека от нападения хищников.

Угодья ляхшского совхоза подходят к самому хребту Петра Первого. Однажды, когда Шадибек перегонял в соседнее урочище яков, на него напали волки. Что мог сделать небооруженный пастух против стаи голодных хищников. Он бросился в центр стада. Яки стали вокруг него плотным кольцом, выставляя вперед крепкие рога. Волки скалились, бросались из стороны в сторону. И с какой бы стороны ни подбирались, ни нападали на пастуха — всюду их встречали острые рога храбрых животных...

— Верные у тебя друзья, Шадибек, — говорю пастуху.

— Не обижаюсь.

— Говорят, у тебя они и под седлом ходят?

— Ходят. Бег у них мягкий, а скорость — до двадцати километров в час.

«И это в горах, — подумал я, — где лошади такой темп не под силу...»

— Велико ли стадо?

— Пока триста голов. Думаем довести до тысячи. Очень выгодное животное.

И это действительно так. Там, где от бескормицы, лютой стужи и непролазных снегов погибает даже неприхотливая

монгольская овца, як набирает за год до двух центнеров вкусного мяса...

Солнце постепенно уходило за горы, в небе заиграло багрянцем зарево, заливая все вокруг причудливым светом. Шадибек ловко вскочил на коня, помахал на прощанье рукой и отправился к якам. За день и ночь он еще не раз будет подъезжать к животным, чтобы узнать, как они себя чувствуют, нет ли поблизости волков или снежных барсов.

Мы машем Шадибеку рукой и возвращаемся в Ляхш. Переночевав в совхозной гостинице, первым самолетом улетаем в Джиргаталь, где уже стоял под погрузкой прилетевший из Душанбе вертолет, зафрахтованный для обслуживания нашей экспедиции «Памир-81».

Быстро пролетел еще один день, а с ним и вечер. Мгновенно, как это бывает в горах, наступила звездная ночь с легким ветерком и живительной прохладой после жаркого дня. Только и отдыхать в такую ночь, забравшись в спальник. Но не тут-то было. Рядом с нами оказался злостный нарушитель спокойствия — аэродромный ишак. Днем он возил тележки с почтой и багажом в аэродромный пакгауз, а ночью, забравшись в сад по соседству с нашим лагерем, жевал траву и, словно по секундомеру, каждые полчаса задирает голову и истошно вопил на всю округу свое противное «ия! ия! ия!». Порой даже ясный месяц не выдерживал этих воплей, закутываясь пухлой тучкой.

Уснуть удалось только под утро, когда наш солист, очевидно, насытился собственным сладогласьем.

ФЛАГИ НА БАШНЯХ

Вертолет уходит на Майдакель. У моренного озера.
Дерзкие планы. Через четыре ледопада. На пятом километре,
Там, где не ступала нога человека.
Пик 1500-летия Киева покорен!

Наше пребывание в Джиргатале началось с выбора места базирования экспедиции.

Фортамбек... Ледник Беляева... Сельдора... Майдакель... Эти места известны многим из нас. Даже зимой туда могли летать вертолеты. Это было удобно.

Мы остановили свой выбор на Майдакеле — там в 1979 году уже была одна из наших экспедиций. Там, в районе хребта Петра Первого, обнаружен ряд безымянных вершин, на которые поднимались наши альпинисты.

Попасть на Майдакель можно было разными путями: пешком, древними горными тропами, караваном или вертолетом. Но караваном — это почти недельный переход, а воздухом можно добраться за 20—30 минут.

И вот рассвет 16 июня. Еще минуту назад горы были совсем серыми. Затем порозовели, стали фиолетовыми. Однако солнце еще не поднялось, лишь бледноватый отблеск его разливался вверху. А когда горы совсем пробудились от ночной спячки, послышалась команда вертолетчиков:

— По местам!

Тяжелая машина взревела, вздрогнула и начала набирать высоту. Горы совсем рядом; кажется, стоит лишь протянуть руку — и дотронешься до скалы. Перемахнув через одну, теперь уже невысокую гряду, наш МИ-8 через каких-нибудь пятнадцать минут плавно пошел на посадку.

Поляна, на которой мы приземлились, представляла собой удивительный зеленый островок с моренным озером, шумливой речушкой и множеством вершин, обозначенных на картах только черным треугольником и условной высотой.

И хотя район Майдакеля несколько уступал Фортамбеку с его знаменитыми полянами эдельвейсов и даже Суграну с его буйным разнотравьем, он по-своему был живописен и привлекателен. Повсюду здесь заросли тала, карликового можжевельника, каких-то кустарников с очень сильным, ни с чем не сравнимым запахом, на склонах попадались места с довольно высокими травянистыми растениями с золотисто-желтыми цветами...

Золотой корень... Какие только не бытуют поверья о нем. Тот, кто отыщет его, гласит одно из них, до конца дней своих будет счастлив, удачлив и здоров, проживет два века. Действительно, в золотом корне есть какая-то целебная изюминка. Не случайно в народной медицине этот корень используют от «семи бед» — при переутомлении, малокровии, болезнях желудка и нервной системы...

А какое царство цветов и трав окружало базовый лагерь!.. В радуге красок выделялись горечавка, темно-синие стебельки вероник, молочай, лиловые глазки примул и, конечно же, маки — оранжевые, розовые, цвета бордо. Богата и разнообразна фауна у подножья хребта Петра Первого. Здесь водятся зайцы, лисы, медведи и даже снежные барсы, но особенно много горных куропаток — кекликов. Однажды, проснувшись на рассвете, я увидел, как в двух шагах от палатки вспорхнул их целый выводок. Куропатки с клетотом поднялись и подпрыгивая бросились прочь, то прыгая на камни, то скрываясь в густой траве.

Незабываемы и сами горы. На крутых склонах голубым сиянием отсвечивают на солнце ледники и бело-матовые вершины, врезаются в небо скалы самых причудливых форм, простираются снежные поля, гряды морен и гроты, переполненные зеркально-чистой водой.

Хребет Петра Первого, особенно его самая северная часть, дорог и близок нам не только своей первозданной красотой но и тем, что одним из заслуженных его исследователей был наш земляк с Украины — Иван Георгиевич Дорофеев.

Это ему, топографу Дорофееву, члену партии с 1918 года, делегату XXVI съезда Компартии Украины, принадлежит честь открытия многих безымянных ледников и вершин в хребте Петра Первого, в том числе пика Революции, пика 26-ти бакинских комиссаров и многих других, которые и сейчас далеко не все обозначены на географических картах.

К одной из них и были устремлены взоры участников нашей экспедиции «Памир-81», посвященной 1500-летию юбилею Киева.

Что-то неладно с «небесной канцелярией». Холодный воздух, вторгшийся с европейской части страны, вызвал неустойчивую погоду и на Памире. Местные жители говорят, что уже с десятков лет такие грозы, ливни и снегопады здесь не наблюдались.

Когда пригрело солнышко и немного рассеялись облака, к хребту вылетела наша вертолетная разведка — Григорий Полевой, Владимир Моногаров и Василий Ковтун — руководители экспедиции. Все они опытные горвосходители, многократные чемпионы страны по альпинизму. За их плечами — семитысячники Памира и сложнейшие вершины Главного Кавказского хребта, а у заслуженного мастера спорта СССР, кандидата биологических наук Владимира Моногарова еще и рекордные восхождения во Французских и Австрийских Альпах, в Югославии, Болгарии и Польше...

Разведка хребта Петра Первого оказалась не из легких. Необозримое море гор. Никто из нас, даже самые опытные, даже те, кому довелось взглянуть на мир гор с высоты пика Коммунизма, спускаться по снегу с самых причудливых гор Тянь-Шаня, Кавказа или Алтая, никогда не видел такого обилия снега, снежных карнизов самых причудливых форм и размеров. Карнизы напоминали то вырванную из берегов волну, то застывшие белые флаги. Все это горело, светилось в лучах солнца, алмазно блестело снежной пудрой, зеленело и голубело.

Что и говорить — панорама захватывающая. Но как все это пройти? Особенно если учесть, что здесь еще не ступала нога человека. Обо всем этом мы думали не только во время

разведывательного полета, а и задолго до него, еще при первых наших экспедициях, когда в 1979 году в соседнем от Майдакеля районе поднимались на пики 60-летия ВЛКСМ, Николая Островского, Героев Малой земли, Покорителей целины.

— Покорим и эту,— сказал Григорий Полевой, возвратясь в базовый лагерь.

И вот 21 июня, на рассвете, дежурный по лагерю поднял и выстроил на линейке всех, кто должен был в тот день выходить в горы.

Есть у альпинистов обычай — перед выходом на восхождение они выстраиваются на минуту-вторую лицом к пику, независимо от того, виден он или нет. Стоят плечом к плечу, и каждый думает в эти минуты об одном: только бы взять вершину, не подвести товарищей.

На штурм вершин никто не заставляет идти альпиниста — на это идут только добровольцы из любви к природе, к горам. Да, наверно, правы мои товарищи, ветераны спорта: и Григорий Полевой, и Владимир Моногаров, и Владимир Черевко, и Виталий Овчаров, и многие другие, которые как-то в разговоре высказали одну и ту же мысль: «Если спросить меня, почему я хожу в горы, то я не задумываясь отвечу: потому, что они есть!»

Дежурный уступил место старшему тренеру экспедиции Василию Ковтуну, ведущему инженеру производственного объединения «Кристалл». Звучит команда: «Смирно!» Старший тренер, как непосредственный командир штурмовых групп, докладывает Полевому:

— Товарищ начальник экспедиции, штурмовые группы альпинистов построены и готовы к выходу на безымянные вершины.

Уже в первый день альпинисты, вышедшие на безымянный пик, натолкнулись на ледник. Ледник оказался не из простых. Вместо предполагаемого одного ледового взлета, их оказалось четыре, и каждый с короткими снежными промежутками. Весь этот ледовый хаос вместе взятый назывался ледником Майда. Его ледовые взлеты были один другого круче. Так что об устройстве промежуточного лагеря-бивуака не могло быть и речи. И только, когда альпинисты вышли в верховья самого ледника, то есть на высоту 4100 метров, там были найдены сравнительно удобные площадки для ночевки.

Погода все больше и больше ухудшалась, а к вечеру испортилась совсем. В 19 часов, как и условились, мы вышли на связь с восходителями.

— Я — «Украина»! Я — «Украина»! — настойчиво повторяет наш позывной начспас экспедиции Валентин Хромов.

С Хромовым, мастером спорта СССР, мы на Памире не первый раз. Он, горюсходитель высокого класса, душевный и отзвучивый товарищ, четверть века отдал горам.

— Я — «Украина»! Я — «Украина»! Как слышите меня? Прием! Прием!

— Я — «Украина»! Я — «Украина»!..

Но на наши позывные эфир отвечает сплошным треском. Только в 12 часов следующего дня, и то на аварийной связи, мы услышали голос Валерия Барсукова, руководителя одной из групп, который сообщил, что он продвигается к пику 5214.

Слушая Валерия, очень хотелось сказать ему и его товарищам что-то подбадривающее, но Валерий нас опередил: «У нас все в порядке. Все нормально...»

«Все нормально». Это там, вверху, в такую непогоду. Я-то знаю, что такое «нормально». Это ветер, да не простой, а шквальный, который каждую минуту может сбросить вниз смельчаков, это и палатки, до половины занесенные снегом, и мокрые спальные мешки, и задубевшие от мороза горные ботинки, которые прежде, чем обуть, нужно полчаса колотить скальным молотком, а потом разогревать на примусе и еще полдугу примерять к ноге.

«Нормально» в непогоду — это и гудящий «шмель», прикованный к скале, на котором топится снег, чтобы добыть из него несколько кружек кипятка. Это и головная боль, и хандра, и кислородное голодание. Это, собственно, то состояние человека, когда все нужно делать через «не могу» и «не хочу»... Словом, «нормально» на восхождении — это все то, что не совсем нормально в обычной жизни...

Переключка в эфире не прекращается.

— Валерий, а где остальные группы? — кричит Барсукову в микрофон начспас Хромов.

— За гребнем.

Теперь понятно, почему нет связи с Ковтуном, Славинским и остальными ребятами. Нет — из-за гребня. Гребень — преграда для радиосвязи.

Хромов что-то крутит на рации, поправляет антенну и снова кричит в микрофон:

— «Украина-три»! «Украина-три»! (Это позывные Барсукова.) Что еще можете передать о командах Ковтуна, Славинского, Моногорова?..

— Команды выходят под стену пика 5493.

Барсуков также успел передать, что он сворачивает с ледника Майда, чтобы по крутому снежному кулуару выйти к безымянной вершине 5214. Вскоре ему действительно удалось выйти на отметку 5214 — это и была вершинная башня. Вместе

с ним сюда взошли еще два научных работника из Харькова Олег Цаконян и Анатолий Садовский и два крымчанина-скалолаза — бетонщики Валерий Лихачев и Георгий Космач. Покоренный ими пик будет назван именем выдающегося украинского советского поэта Павла Тычины.

Немало волнений вызвали и другие группы горвосходителей. Только они прошли ледопад и свернули вправо, чтобы проложить маршрут на безымянный пик 5493, как началась гроза. В эфире все гудело, свистело от электрических разрядов. Нарушилась связь. А что такое отсутствие связи в горах — пояснять не нужно. В голову лезут разные мысли: не случилось ли беды с товарищами, не попали ли они под лавину или камнепад?...

К 8 утра, а это уже было 23 июня, связь восстановилась. У ребят все в порядке. Непогода не помешала им пройти ледопад с четырьмя взлетами, один другого круче, с ледовыми сбросами и ледовыми надолбами-сераками.

Много сил и времени забрал у восходителей и подъем на гребень, по которому просматривался путь на вершину. На одном из участков гребня завис тысячетонный снежный карниз, который мог в любую минуту обрушиться. Обойти — непростое дело, а подниматься на карниз с подветренной стороны — вообще опасно.

— Может, срубить часть карниза? — предложил кто-то.

— Срубить-то можно, — заметил Моногаров, — но на это уйдет не один день.

— Какой же выход, Владимир Дмитриевич?

— Пробивать вертикальный туннель.

— Хорошо, — согласился Полевой и посмотрел на своего младшего брата, который стоял рядом.

— Пойдешь первым, Володя.

Владимир Полевой — опытный скалолаз и не только в горах. Его вместе с товарищами по бригаде верхолазов приглашают ремонтировать дымовытяжные трубы на сахарных заводах, на 80—100-метровой высоте осматривать и реставрировать купола старинных соборов, шпили, высотные здания, памятники монументального искусства. Здесь, на штурме безымянного пика 5493, принимают участие и члены Володиной бригады верхолазов — Игорь Мальцев и Георгий Корейба...

На вертикальном проходе через карниз работают все альпинисты: и те, кто шли с Моногаровым, и те, кто шел в одной связке с Полевым. Не отставала от мужчин и Лариса Баглей, единственная женщина в штурмовой команде.

Это ее, Ларису Баглей, инженера-технолога орденоносного «Арсенала», уговаривал начспас не идти:

— Тяжело тебе придется, да еще с таким тяжелым рюкзаком и в такую погоду.

А Лариса все же пошла на эту безымянную вершину, куда еще никто не поднимался...

5400... 5450. Кажется, остаются последние метры...

Эфир упорно молчит. И вдруг...

— Я — «Украина-один». Я — «Украина-два! Я — «Украина-три!»! Без... Без...

Больше ничего разобрать не смогли. Снова кричим в микрофон:

— Слышим вас плохо. Слышим вас плохо. Повторите, что означает «Без»?..

В эфире неимоверная трескотня, но потом вдруг связь налаживается, и слышим хриплый голос замполита Панченко:

— Безымянная... Безымянная взята...

Так вот что такое слово «Без»! Теперь уже мы с Хромовым и режиссером студии документальных фильмов Борисом Лихановым, который прилетел из Киева, хорошо слышим голоса с вершины и, понятно, спешим поздравить ребят с победой.

...На скальной площадке, на высоте 5493 метра над уровнем моря, собрались покорители безымянного пика. Их шестнадцать, людей разного возраста и разных профессий. Все, кроме Владимира Гордеева, инженера из Днепропетровска, киевляне: Григорий Полевой, Владимир Моногаров, Василий Ковтун, Евгений Панченко, Павел Славинский, Валентин Грищенко, Владимир Полевой, Григорий Чуб, Анатолий Тарасенко, Виталий Бодник, Валентин Дубинин, Иван Хариняк, Георгий Корейба, Игорь Мальцев, Лариса Баглей.

На вершинной башне — знамя нашей Родины, вымпела спортивных обществ, которые представляют участники восхождения, медаль Географического общества СССР.

— А капсула с землей Киева?

— Есть и капсула. Она, как и камень от Золотых ворот, тоже на вершине.

Слушая замполита Панченко, я вспомнил еще один разговор с ним, который у нас произошел на Кавказе, в ущелье Адыл-Су.

— Раньше, когда я только начинал ходить в горы, — говорил Евгений, — считал, что выше всех летают орлы, но теперь, взойдя еще на одну памирскую вершину, убедился: выше орлов поднимаются альпинисты.

И словно в подтверждение Жениных слов, над вершинной башней, где собрались восходители, прозвучало многоголосое «ура!». Оно звучало во славу Родины, в честь 1500-летия родного Киева, именем которого отныне будет именоваться пик 5493.

- Ветров И. Е.**
В39 Южная параллель: Очерки. Для сред. и ст. школ. возраста /Худож. И. А. Комяхова; Фото Г. Р. Левенштейна, И. В. Хариняка, авт. кн.— К.: Веселка, 1984.— 183 с., ил.

Автор — журналист, опытный путешественник — рассказывает о своих поездках по Черному морю, Каспию, Средней Азии.

4802010000—053
В М206(04)—84 5.84. 26.89(2)

Илья Ефимович Ветров
ЮЖНАЯ ПАРАЛЛЕЛЬ
Очерки

Для среднего и старшего
школьного возраста

Художник

Ирина Александровна Комяхова

Фото Генри Рудольфовича Левенштейна,
Ивана Васильевича Хариняка и автора книги

Редактор А. П. Емченко

Художественный редактор Е. А. Ильницкий

Технический редактор Е. П. Дворская

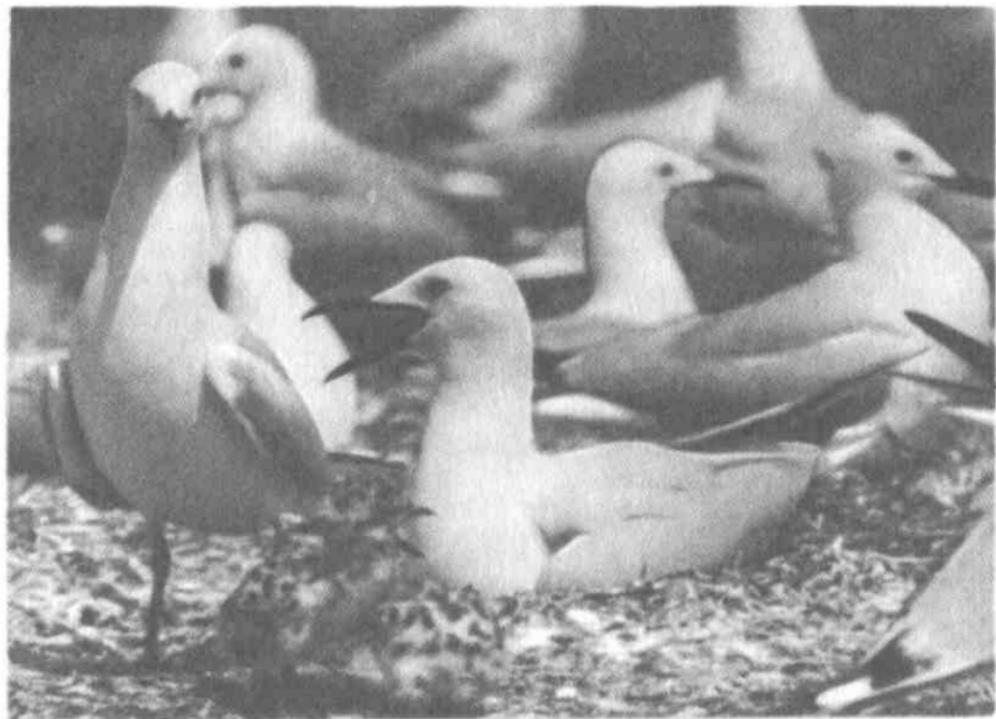
Корректоры Л. В. Островская, В. В. Богаевский

Информ. бланк № 2965

Сдано на производство 17. 08. 83. Подписано к печати 30. 12. 83.
БФ 56682. Формат 60×84^{1/8}. Бумага типографская № 2. Гарнитура
журнально-рубленая. Печать высокая. Усл. печ. л. 10,70+8 вкл.
(1,00)=11,70. Усл. кр.-отт. 14,79. Уч.-изд. л. 11,37+8 вкл.
(0,85)=12,22. Тираж 65000 экз. Зам. № 1376-3. Цена 60 к.

Издательство «Веселка», 252050, Киев-50, Мельникова, 63.

Львовская книжная фабрика «Атлас», 290005, Львов-5, Зеленая, 20.

Морские голубки.

Среди дунайских модниц есть и молодые кваквы.

«Что за шорох?» —
насторожился птенец
болотной совы.

Степные олени.

Енотовидная собака.

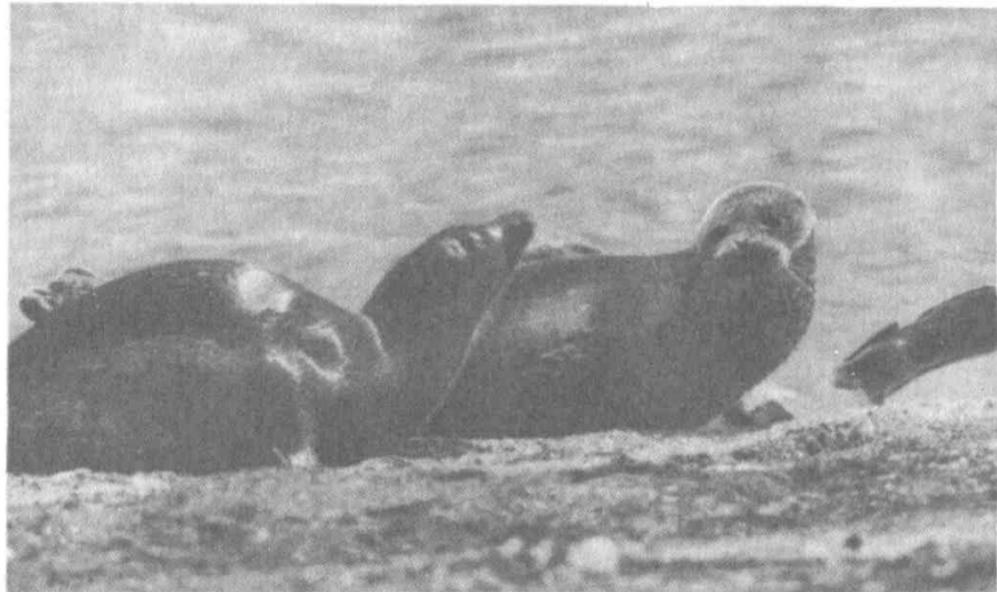
Семейная идиллия.
Белая цапля
с птенцами.

Степная гадюка,

Позирует
пятнистый олененок.

Каспийские тюлени: «Посудачим...

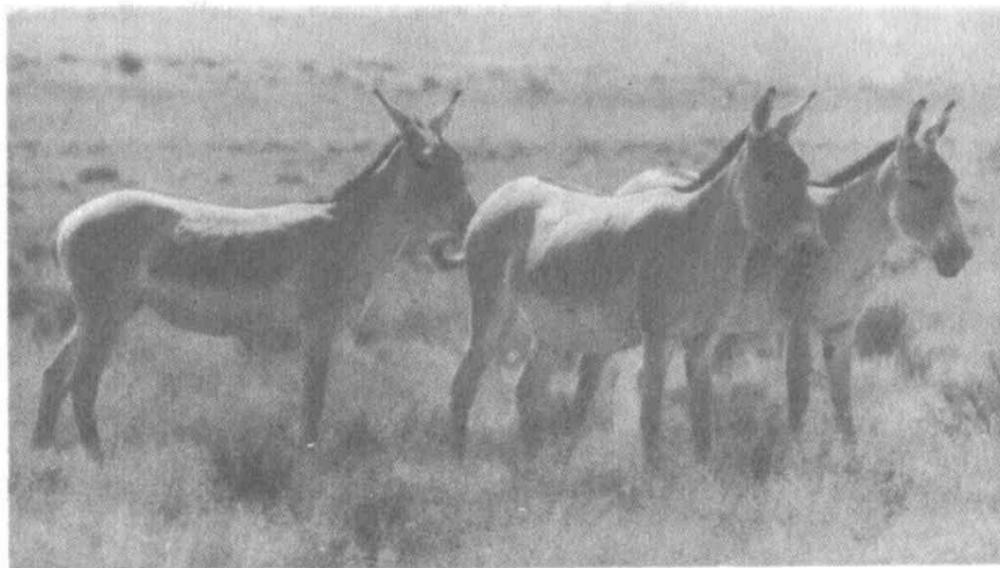
Словно изваяния, застыли на месте фламинго.

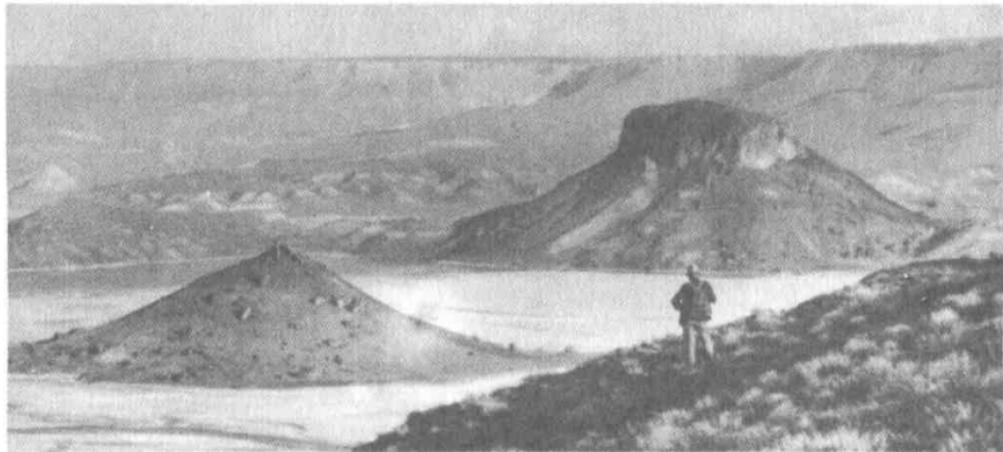

Архары на водопое.

Вот они, куланы, спасенные от исчезновения советскими учеными.

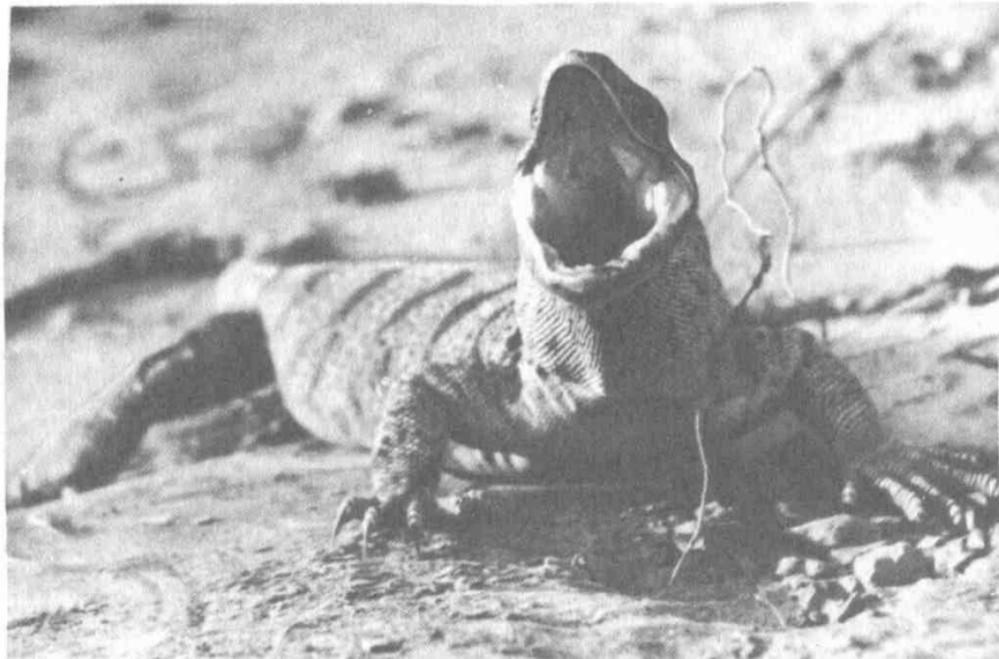

Это и есть
знаменитая
Еройландузская
впадина.

Цветет ферула.

Длина песчаного
крокодила достигает
двух метров.

Свадебный танец кобр.

Хозяйка Фанских гор.

Дикие кабанчики
не страдают потерей
аппетита.

Рыжий корсачонок.

Белая песчанка
и не подозревает,
что ее
фотографируют.

Хангулы в приюте
маленькой Гильсары.

В медвежьем ущелье.

Полосатая гиена замерла в боевой позе.

Бородач-ягнятник.

Хищные птицы не любят фотографироваться, но сегодня у белоголового сипа хорошее настроение.

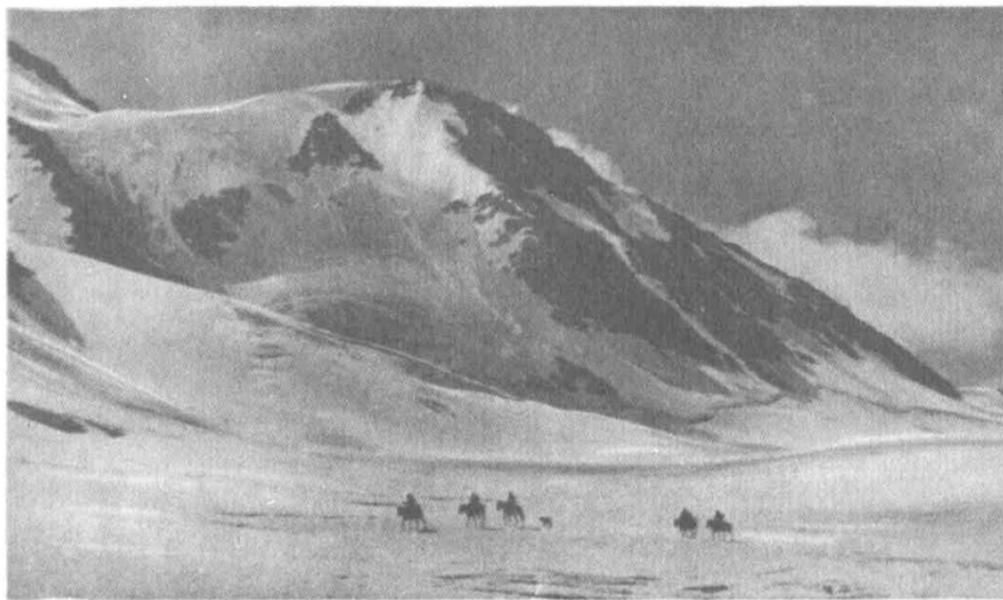
Перевязка и агама. Кто кого...

Многие из этих снимков снял Генри Левенштейн. Каждый его кадр — целый рассказ.

Дорога ведет в снежные горы.

Хорошо виден пик 1500-летия Киева.

Вот и последний автограф.

